СОМЕРСЕТ МОЭМ

КЛАССИЧЕСКИЙ АНГЛИЙСКИЙ РОМАН

Лиза из Ламбета

Лиза из Ламбета
Уильям Сомерсет Моэм

Аннотация
Сомерсет Моэм. Лиза из Ламбета
Предисловие
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12

Аннотация

Роман «Лиза из Ламбета», впервые публикуемый на русском языке, знаменателен для английского писателя, ведь именно этот роман (о котором слышали все отечественные поклонники автора, но никто не читал) открывает трудный путь Сомерсета Моэма к мировой славе. Роман, созданный в лучших традициях «натуральной школы», — печальная история жизни восемнадцатилетней Лизы, бойкой и задорной девушки из рабочего предместья, имевшей несчастье влюбиться в сильного, властного и женатого мужчину. История трагедии, в которой Лиза бесхитростно отдается своим чувствам, безропотно принимая выпавший ей жребий.

Сомерсет Моэм
Лиза из Ламбета

Предисловие

Это моя первая книга. В возрасте семнадцати лет я написал биографию Мейербера[1]; не представляю, что меня побудило, ведь я совершенно не разбирался в музыке и даже ни единой оперы его не слышал. Я давным-давно позабыл все, что знал о Мейербере; впрочем, вряд ли он был романтической фигурой. Видимо, какая-нибудь круглая дата, связанная с жизнью или творчеством композитора, внушила мне мысль об актуальности данной темы. Единственного критического отзыва оказалось достаточно, чтобы охладить мой энтузиазм. Я предал рукопись огню. После чего взялся писать пьесы, преимущественно одноактные, душераздирающие и сугубо реалистические. В Германии я познакомился с творчеством Ибсена, поэтому пьесы, написанные с восемнадцати лет до двадцати одного года, свидетельствуют о неуклюжих попытках вашего покорного слуги проникнуть в святая святых человеческого харак-

[1] Примечания: 1

Мейербер, Джакомо (нем. Giacomo Meyerbeer, 1791–1864), настоящее имя Якоб Либман Бер — всемирно известный композитор, создатель жанра большой героико-романтической оперы. — *Здесь и далее примеч. пер.*

тера. В частности, редкий персонаж не страдал у меня смертельной либо венерической болезнью, изучение же медицины позволяло автору просветить потенциального зрителя на предмет весьма пикантных подробностей. Персонажи мои по большей части несли клеймо позора, доставшееся по наследству и отравлявшее им существование; те же, которым повезло иметь здоровых и почтенных родителей, скрывали тот или иной гнусный секрет, по ходу пьесы обреченный на разоблачение. Разнообразно оформленные отказы принимать мои произведения к постановке, конечно, могли бы взбесить меня; но в то время никто не оспаривал плачевное положение английского театра, поэтому я объяснял злую судьбу невежеством режиссеров и глупостью публики. Драматическое искусство исчерпало себя; тем обиднее было, что меня, готового вдохнуть в него новую жизнь, лишают этой возможности. Впрочем, подобно пылким юношам, характерным для пьес Генри Артура Джонса, я задался целью попрать предрассудки своего века. Я сообразил, что лучшей стратегией будет написать пару-тройку романов; романы обеспечат мне репутацию, которая заставит театральных режиссеров благосклоннее смотреть на

мои пьесы. Как раз тогда издатель Фишер Анвин выпустил серию прозаических миниатюр под названием «Библиотека псевдонимов». То были небольшие томики в желтых, весьма нарядных бумажных переплетах. Стоили они недорого, читали их все. Я написал два рассказа и отправил Фишеру Анвину, полагая, что они сгодятся для «Библиотеки псевдонимов». Через некоторое время Анвин возвратил мои рассказы, но с письмом, от которого я восторжествовал. Фишер Анвин сообщил, что рассказы ему понравились, но они для его серии слишком коротки; а вот если у меня имеется роман, он бы с удовольствием почитал.

Я написал ответ с благодарностью и обещанием в ближайшее время воспользоваться его великодушным советом. И засел за роман через десять минут после того, как отправил письмо. Созданию романа я посвящал вечера, поскольку днем работал в больнице Св. Фомы. Кажется, я был на четвертом курсе. Установленное время я проводил в амбулатории, вел учет больных и ассистировал хирургам, а также выполнял другие задания, обусловленные учебным планом. Одной из основных дисциплин было акушерство. Чтобы получить диплом, студенту надо было принять двадцать родов. Полагаю, сейчас условия иные,

но в мое время учебный план предусматривал три недели, когда студента могли вызвать на помощь роженице в любое время суток. Студенту предоставлялось жилье рядом с больницей. По первому зову (о чем сообщал привратник, имевший собственный ключ от жилых помещений) студенту надлежало тотчас одеться и бежать в больницу, где поджидал муж, а иногда сынишка пациентки с карточкой, еще ранее выданной беременной женщине. На первый раз студента снабжали более опытным акушером, недавно получившим квалификацию, но уже со второго раза студент оставался один на один с роженицей и имел право позвать старшего коллегу только в особых случаях, когда не мог справиться сам. А старшие коллеги, умаявшиеся за день в больнице, не любят, чтоб их вытаскивали из постели по пустякам; всякий на подобное осмелившийся рисковал услышать о себе много нелицеприятного. Итак, муж либо сын роженицы вел студента темными, притихшими ламбетскими улицами, зловонными переулками и жутковатыми пустырями, куда и полиция не решается заглядывать, но где черная докторская сумка защищает от всякого злоумышления. Студент входил в унылый дом, где на каждом этаже ютилось по две семьи,

далее в душную комнату, слабо освещенную керосиновой лампой. В комнате, как правило, находились три женщины — будущая мать, повитуха и «соседка снизу»; будущая мать лежала, две другие стояли над ней. Порой надо было провести в такой комнате два-три часа, прихлебывая заваренный повитухою чай и то и дело выскакивая на улицу подышать воздухом. Муж обыкновенно сидел на лестнице; студент поневоле садился рядом и говорил с ним.

За три недели на моих руках рожали шестьдесят три женщины.

Этот-то материал я и использовал в «Лизе из Ламбета». Сочинять практически не пришлось. Я записал увиденное и услышанное с максимальной точностью и без прикрас. Поначалу все показалось мне слишком просто; я бы с удовольствием придал этой истории пикантности, а стилю — образности, да не знал как. Вследствие прискорбного недостатка воображения пришлось держаться фактов. В то время я увлекался Ги де Мопассаном и творил «Лизу» по образу и подобию его новелл. Теперь, как подумаю, сколько дурных образцов перед начинающим, подверженным всякому влиянию писателем, не могу не радоваться, что сам я подражал истинному ху-

дожнику, имеющему талант рассказать историю просто, откровенно и так, чтоб за душу взяло.

Едва закончив «Лизу из Ламбета», я отправил ее Фишеру Анвину и через три месяца получил письмо с положительным отзывом и просьбой зайти. На пороге кабинета издателя сердце едва не выпрыгнуло у меня из груди. Я подписал предложенный контракт. Мысль о том, что меня напечатают, настолько вскружила голову, что я с готовностью отказался от процентов с продаж изрядного количества экземпляров. Наконец, после задержки, вызванной юбилеем королевы Виктории, роман увидел свет. Одни отзывы были весьма благосклонны, другие — не очень; последние стали причиной нескольких бессонных ночей и расстроили меня куда больше, чем первые — порадовали: таков общий порок литераторов. Однако Фишер Анвин умел раскручивать книги: он разослал «Лизу из Ламбета» целому ряду высокопоставленных служителей Церкви. Моя квартирная хозяйка немало порадовалась, услышав, что Бэзил Уилберфорс, будущий архидиакон Вестминстерского аббатства, сделал «Лизу» темой воскресной проповеди. Сам же я был изумлен, когда пару недель спустя узнал от Анвина, что первое издание распродано и надо

срочно печатать второе. Я как раз доучивался последний, пятый, год при больнице Св. Фомы и готовился к выпускному экзамену по хирургии. Фишер Анвин был тогда красивый мужчина — смуглый, с выразительными темными глазами, звучным голосом и впечатляющей черной бородой. Он осведомился о моих планах. Я сообщил, что заброшу медицину сразу по получении диплома и стану жить писательским трудом. Анвин обнял меня за плечи.

— Это очень трудно — жить писательством, — сказал он. — Литература — достойное занятие, но доходов от нее не ждите.

Я передернул плечами. Моя первая книга имела успех — я не сомневался в прибыльности дела. Несколько месяцев я провел за границей, а по возвращении получил чек на проценты с продаж «Лизы». Сумма была чуть больше двадцати фунтов. Я склонялся к мысли, что Фишер Анвин знал, что говорил.

Остается только добавить, что так, как описано в «Лизе из Ламбета», городская беднота жила сорок лет назад. В официальный выходной мужчины надевали сюртуки с перламутровыми пуговицами и играли на гармониках; девушки завивали челки и носили огромные шляпы с

множеством перьев. Они не знали ни патефона, ни кинематографа. Не читали газет. Вообще были куда хуже образованны, чем нынешние представители рабочего класса. Говорили на кокни; смею надеяться, что воспроизвел их речь с максимальной точностью. Их словарный запас не отличался разнообразием в отличие от их детей. Имея в распоряжении более скудный язык, они и чувствовали и думали проще. Пусть читатель не пытается увидеть в моем романе нынешний Ламбет.

Поскольку настоящее предисловие задумано также как вступление к изданию моих сочинений, которое открывает «Лиза из Ламбета», хотелось бы сделать несколько замечаний по этому поводу. Издание неполное. Я решил включить в него лишь те произведения, к которым испытываю минимальную степень недовольства. Не думаю, будто есть хоть один писатель, достойный прочтения в полном объеме. Мое мнение таково: писатель, предлагающий читателю ознакомиться более чем с дюжиной своих произведений, неоправданно требователен; возможно, он сказал главное в двух-трех произведениях. Писатель может считать себя счастливцем уже в том случае, если после его смерти читатели со-

храняют интерес к этой «малости». Право всякого автора — быть судимым по своей лучшей книге; с его стороны довольно разумно беспощадностью к себе облегчить читательский выбор. Если он зарабатывает на жизнь единственно пером, ему, конечно, приходится писать и для денег; вряд ли (хотя и не исключено) таким образом он создаст нечто выдающееся. Нам известно, что доктор Джонсон писал «Расселасса»[2] в великой спешке — ему нужны были средства на похороны матери; однако, хотя упомянутый роман сейчас станет читать разве только студент-филолог, «Расселасс» по-прежнему — один из памятников английской литературы. Впрочем, полагаю, доктор Джонсон долго вынашивал идею «Расселасса», и нужда явилась вовсе не причиной написания, а инструментом для преодоления природной апатии. Сей инструмент бывает весьма полезен, что доказывается следующим фактом: лица влиятельные и состоятельные, вне зависимости от таланта, редко берут на себя кропотливый труд непременный для создания весомого произведения. Это любители; их произведения часто не лишены любительского изящества и непосредственности, но

[2] Примечания: 2

Имеется в виду роман Сэмюэла Джонсона (Samuel Johnson, 1709–1784) «История Расселасса, принца абиссинского».

всегда отличаются и любительским бессилием.

Я отдаю себе отчет в том, что настоящее предисловие, да и все последующие, исполнено самомнения. Надеюсь, самомнение не выходит за рамки приличий. Непросто говорить о себе без того, чтоб не выйти за рамки; отдельным читателям может показаться, будто в предисловиях я приписываю себе значение, какого никогда не имел в английской литературе. Умоляю, друзья, верьте: я никогда не обольщался насчет своего места в современной литературе; в мыслях не имел выпячивать сомнительные достоинства моих произведений, ибо их недостатки известны мне лучше, чем любому критику. Однако ни один читатель не возьмет в руки подобное издание, если его, по причинам, ему одному ведомым, не интересует личность автора. При таком раскладе логично будет предположить, что читателю захочется узнать, при каких обстоятельствах писалась та или иная книга, также выслушать все, что автор готов сообщить о себе и своем творчестве. Значит, подобные предисловия должны быть исполнены самомнения; в противном случае они бессмысленны. Я получил удовольствие от написания их; если подобного удовольствия не получит читатель — что ж, от

него это и не требуется. Я выполняю скромную работу в мире букв; держусь середины, не претендую на громкий успех; считаю, что проник в суть явления, называемого публикой, — иначе откуда спрос на настоящее издание? Однако я во всю жизнь не написал книги, что произвела бы фурор. Хотя из-под моего пера вышли несколько произведений, которые могли похвастаться широким кругом читателей, мне так и не случилось создать произведение, которое в некий период времени было бы у всех на устах, которое повсеместно обсуждали бы за обедом или единодушно признали выдающимся. Ни одна моя книга не стала бестселлером. Ни разу я не обескуражил критиков. Меня достаточно хвалили, но немало и ругали. Положительные отзывы меня радовали, отрицательные — огорчали; но ни один отзыв не поколебал на избранном пути. Мне следовало бы стремиться извлечь уроки из критических статей, но, увы, я не находил эти статьи для себя полезными. Видимо, нельзя ждать от критика слишком многого, ведь критик часто пишет в спешке, а платят ему недостаточно, чтобы он давал себе труд разъяснять автору огрехи — довольно и того, что критик на огрехи указывает. Возможно, мои критики не считали такие дей-

ствия эффективными; возможно, им не хватало профессионализма. Как-то в Уилмингтоне я познакомился с одним критиком; он обещал разъяснить огрехи в моей пьесе, да, видно, либо был очень занят, либо запамятовал о своем обещании, ибо так и не дал о себе знать.

В настоящее издание не войдут два романа, написанные мной с целью получить конкретную денежную сумму к конкретному сроку. Эти романы я переделал из пьес, которые не сумел пристроить; вообще переделывать пьесы в романы очень легко, ведь там уже имеются и сюжет, и диалоги. Весь процесс занимает несколько недель. Одна пьеса называлась «Епитрахиль». В то время я увлекся очаровательной молодой особой с запросами, непомерными для моего тощего кошелька. Для меня было пыткой знать, что более состоятельные соискатели возят особу ужинать в «Савой») а по воскресеньям завтракают с ней в Мейденхеде; вот я и взял себя в руки и состряпал «Епитрахиль», роман веселый, развлекательный, даром что продиктованный ревностью, изглодавшей мое сердце. Я писал для того, чтобы тоже иметь возможность предложить предмету моей страсти все, что угодно ветреной душе. Роман вызвал интерес у читателей; вдобавок я впервые в

жизни заработал порядочную сумму. Однако я не принял во внимание задержку, вызванную сначала процессом печатания и публикации романа, затем особенностями издательского бизнеса, состоящими в том, чтобы отсылать счета один раз в год; поэтому, когда я наконец получил свой внушительный чек, упомянутая молодая особа меня больше не интересовала; мне не хотелось ни ужинать с нею, ни кататься в лодке. С тех пор я думаю об «Епитрахили» с долей горечи. Второй роман называется «Исследователь». Правда, сама пьеса все-таки шла в театре. Прототип главного героя — Генри Мортон Стэнли[3], географические открытия которого когда-то будоражили мое юное воображение; вообще в то время благодаря Киплингу был популярен образ сильного, немногословного мужчины. По сюжету герой отказывается опровергнуть гнусные обвинения, чтобы скрыть от своей суженой, что ее брат — не благородный человек (чему она свято верит), а жалкое ничтожество. Этакого донкихотства ни одна аудитория не примет; пьеса провалилась. Я переделал ее в роман, потому что другой ро-

[3] Примечания: 3

Стэнли, Генри Мортон (Stanley, Henry Morton, 1841–1904, настоящее имя Джон Роулендс) — журналист, знаменитый путешественник, исследователь и колонизатор Африки.

ман, «Маг», издатели мне вернули, когда процесс публикации уже был начат, — все из-за того, что один из партнеров вздумал почитать гранки и был шокирован. Я всегда полагал, что издателям не следует учиться читать — достаточно, если они выучатся ставить подпись. Как бы то ни было, данный казус оставил меня без денег, а мне предстояло дотянуть до конца года. Я написал «Исследователя» за месяц; от скуки челюсти сводило. С тех пор я этот роман не люблю и с удовольствием вычеркнул бы его из каталога своих произведений; увы, такое невозможно. Одно время меня мучила совесть, словно я совершил дурной поступок; теперь я знаю, как глупы в подобных случаях угрызения совести, ведь публика, слава Богу, всегда гораздо прочнее автора забывает книги, в написании которых автор раскаивается.

Одно из неудобств писательского ремесла то обстоятельство, что писатель вынужден совершенствовать свое мастерство за счет читателя. Говорят, молодой Ги де Мопассан все свои новеллы отдавал на суд Флоберу, Флобер же позволил ему напечатать первую новеллу не ранее чем через девять лет напряженного ученичества — подробность, изрядно характеризующая обоих.

Флоберу было нелегко из года в год охлаждать пыл ученика, к которому он чувствовал сердечную привязанность; Мопассану же немалого труда стоило из года в год обуздывать врожденное нетерпение. С обеих сторон наблюдалась благородная и бескорыстная страсть к искусству. Но Мопассан состоял на службе в министерстве, что обеспечивало ему кусок хлеба и довольно свободного времени для оттачивания мастерства. Пожалуй, было бы неплохо, если б авторы ничего не публиковали до тридцати лет; но как им дотянуть до этого возраста, учитывая невероятную сложность литературного труда? Право, не знаю. Попробуйте-ка, напишите что-нибудь выдающееся, если в вашем распоряжении только вечерние часы, когда ваш мозг утомлен дневной работой; да и самый процесс письма — не единственное занятие из перечня дел начинающего автора. Начинающий автор должен еще и чувствовать, и мыслить; должен читать, должен набираться опыта. В сутках всего двадцать четыре часа, а литература — это работа, предполагающая полную занятость, и полную самоотдачу. Заблуждается тот, кто мнит, будто романист создает свои персонажи в одну секунду, а в следующую секунду уже определяет им место в романе. Нет,

автор подспудно думает о каждом персонаже все время, пока вынашивает замысел и пишет; как следствие, прочим сторонам жизни достается количество писательского внимания, едва ли соразмерное с требуемым.

Автор всего себя посвящает литературе. В процессе писания он учится, когда же роман готов — пытается опубликовать его, чтобы заработать немного денег. Пусть роман незрелый и шероховатый — автор все равно всячески его проталкивает. Он не видит недостатков у своего детища, а если и видит, у него духу не хватает вымарать строки, стоившие ему так много труда. Кстати, собственный роман в виде готовой книги воспринимается совершенно иначе; также автору порой важны мнения друзей, а то и критиков. Английский язык очень сложен; чтобы пользоваться сим инструментом хотя бы на уровне ремесленника, нужно много теории и много практики. Книги, созданные в период овладения ремеслом, экспериментальны; если они имеют ценность для литературы, то лишь по счастливой случайности. Юность прекрасна, она характеризуется влюбчивостью, веселостью, свежестью восприятия, прямотой; данные качества в отдельных случаях (и тому даже есть

примеры) компенсируют недостаток мастерства и теоретических знаний, которые автор двадцати романов не преминет использовать в двадцать первом и последующих. Конечно, порой юность — единственный дар писателя; с ее уходом бедняге уже не на что опереться. Вот почему столько молодых людей напишут один-два прелестных романа, радующих не только обещанием большого писательского будущего, но и всяческими совершенствами, — да и скатываются до прискорбной посредственности. Если же писатель уверен, что в зрелости ему удалось создать ряд достойных романов, будет разумно с его стороны не включить в собрание сочинений вроде настоящего те опусы, что были опубликованы прежде, чем он в полной мере овладел своим талантом.

Примерно в то же время, когда я работал над «Лизой из Ламбета», мне попались статьи Эндрю Лэнга об искусстве романа. В числе прочих советов, несомненно, мудрых и полезных (они улетучились из моей памяти), Лэнг дал и один глупый совет: молодому автору не писать о своем времени и своей жизни, ибо что он об этом знает? Единственный жанр, в котором усилия молодого автора могут увенчаться успехом, — исторический роман. Здесь не станут помехой ни

недостаток житейской мудрости, ни юношеская неискушенность. Теперь я знаю, какая это чушь. За первые двадцать пять лет жизни юноша получает огромное количество впечатлений; при наличии писательской жилки он, пожалуй, и прочувствует их полнее, чем во всю оставшуюся жизнь. То же относится к личным встречам, дружбам, влюбленностям, вражде — в суете последующих лет эмоции уже не будут столь сильны и ярки. Кто знает ближнего лучше, во всех деталях, чем мальчик знает своих родственников, их приятелей и слуг? Люди бессознательно раскрываются перед ребенком, перед отроком; раскрываются без той оглядки, которой руководствуются в отношениях со своими ровесниками или со старшими. На самом деле начинающему писателю нужен вот какой совет: пиши только о том, что знаешь. Воображение без опоры на опыт поистине чревато, а художественных приемов не хватает — конечно, молодому писателю только и остается, что держаться собственного восприятия реальности. С другой стороны, по моему скромному мнению, невозможно написать исторический роман без глубоких познаний о той или иной эпохе, а также без обширного фонда информации общего характера в помощь этим познаниям. Не

понимаю, как писатель сможет создать исторически достоверные образы героев, как вдохнет в них жизнь, если почти ничего не успел узнать о человеческой природе в целом. При работе над историческим романом недостаточно просто напрягать воображение (ибо как иначе воссоздать прошлое?) — нужно изучить человеческие характеры. Тогда, возможно, и удастся облечь мертвые кости истории в плоть и оживить свежей кровью. Однако лично я отнесся к авторитетному заявлению Эндрю Лэнга как к истине в последней инстанции и решил последовать его совету.

В течение двух-трех лет я бредил итальянским Возрождением и прочел на эту тему горы книг. В «Истории Флоренции» Макиавелли я нашел пассаж, взбудораживший мое воображение. Это была история Катерины Сфорца и осады Форли; тема показалась мне достойной романа. Я добыл пропуск в читальный зал Британского музея и в свободное от работы в больнице время читал все, что мог найти по данному вопросу. Наступили летние каникулы; я поехал на Капри и там принялся за роман. Я был усерден и полон энтузиазма; я вставал в шесть утра, писал, пока не почувствую усталость, и тогда шел купаться. Лето получилось замечательное; к осени я завер-

шил роман. Я назвал его «Сотворение святого». То был мой второй роман. Критики встретили его прохладно, публика — равнодушно.

Едва получив диплом врача, вдохновленный успехом «Лизы из Ламбета», с картиной блестящего будущего пред мысленным взором, двадцати трех лет от роду, я отправился в Испанию. Там я прожил восемь месяцев и написал несколько рассказов. К ним я присоединил те два, что ранее отправил Фишеру Анвину; все вместе составило сборник, названный мною «Ориентиры». Слово это тогда было мало знакомо широкой публике; мне требовался афоризм для объяснения моего выбора, я стал искать у французских моралистов и критиков, ничего подходящего не нашел и поневоле сочинил его сам: *«Именно по новеллам молодого писателя можно понять, на что ориентировано его воображение. Разнообразие жанров и стилей художественных сборников отражает поиск, молодым писателем собственного „я“ в литературе»*. Мне нравилось намекать, что афоризм принадлежит Жозефу Жуберу. Заголовок (который мог бы служить общим названием для всех моих произведений) явственно показывает, что было у меня на уме; хоть я и не раскрывал этот том с самой публикации, есть у меня подозрение,

что рассказы, в него вошедшие, действительно вчерне, ощупью задают направление моим дальнейшим экспериментам. Теперь я сознаю, что мистифицированная цитата явилась несколько самонадеянной, ведь вряд ли в описываемое время кто-нибудь вообще интересовался ходом моих мыслей. Я просто хотел показать, что прекрасно отдаю себе отчет в незрелости и экспериментальном характере своей работы. Рассказы, однако, снискали похвалы критиков и принесли мне комиссионные, на тот момент нелишние; впрочем, не думаю, что в нынешнем виде они достойны включения в настоящее издание.

Следующий опубликованный мой роман называется «Герой». Меня вдохновила бурская война, а писал я под влиянием французских романистов. Роман получился мрачный и безапелляционный, пожалуй, и прескучный. Я прочел его в гранках и больше не брал в руки, ибо едва могу заставить себя открыть собственную книгу — отвращение практически непреодолимо. Помню только, что восхищение Флобером повлекло длинные описания картин природы. Я давно усвоил, что в художественном произведении нет ничего утомительнее описаний природы. По-моему, такие описания следует ограничивать тремя строками.

Если романист не способен в этом пространстве дать приемлемое описание, пусть лучше полагается на читательское воображение. «Героя» расхвалила критика, но публика проигнорировала; за этот роман я получил всего семьдесят пять фунтов, которые мне выплатили издатели в счет будущих процентов с продаж. Полагаю, что честно выполнил работу, немало попотел, хотя, разумеется, тогдашнее мое владение писательским мастерством оставляло желать лучшего. Меня не отпускает чувство, что возьмись я раскрыть эту тему теперь — уложился бы в короткий рассказ. Незадолго до «Героя» я написал «Миссис Крэддок», которую долго не мог пристроить. И, однако, после «Лизы из Ламбета» это был первый роман, имевший сколь-нибудь значительный успех. Писать о трущобах я больше не хотел, а декорации, выбранные мною вместо трущоб, не только разочаровали издателей, но и подорвали ту скромную репутацию, которую обеспечила мне «Лиза». Все, что я еще имею сказать по поводу «Миссис Крэддок», читатель найдет в предисловии к соответствующему т***о***му.

Далее я написал роман «Карусель». Он не войдет в настоящее издание, и, однако, я склонен относиться к нему снисходительно. Интересный

был эксперимент, жаль, что провалился. Я подумываю о повторении. Некоторое время мне казалось неестественным, что романист обыкновенно берет два-три персонажа и пишет так, будто весь мир вокруг них вращается. Прочие персонажи вводятся в роман лишь постольку, поскольку имеют отношение к главным героям, что создает превратное представление о разнообразии жизни. В конце концов, помимо меня, моей возлюбленной и моего соперника, существует огромное количество людей; помимо страсти, развитию которой мешает соперник, существует огромное количество явлений. С окружающими происходят самые захватывающие события; для них эти события столь же важны, сколь моя страсть — для меня. Однако романист пишет так, будто его герой с героиней обитают в вакууме. В общем, я решил, что сумею дать куда более полную картину жизни, если напишу о целом ряде людей, связанных между собой лишь постольку, поскольку этот мир является для них общим, и если расскажу обо всех своих персонажах с одинаково исчерпывающими подробностями. Итак, я выбрал требуемое количество персонажей и создал четыре параллельные сюжетные линии. Роман представлялся мне чем-то вроде величе-

ственной фрески из итальянского монастыря, герои которой заняты разными видами деятельности, но которую полностью охватываешь одним взглядом. План оказался слишком амбициозным для моих возможностей. Я не понимал, что одна группа персонажей всегда вызывает больше интереса, нежели остальные, и что читатель, стремящийся узнать о своих любимцах и вынужденный распыляться на прочих героев, будет только досадовать. «Карусель» страдает также от пагубного влияния писателей-эстетов, творчеством которых я тогда был увлечен. Все мужчины были у меня бессмысленно красивы, все женщины — несравненно прелестны. Я манерничал и позерствовал, и избегал всякой естественности. И все же я считаю, что идея сама по себе недурна. Пожалуй, следовало показывать все взаимосвязанные истории глазами одного героя. Вовлеченность этого персонажа в различные события могла бы объединить их, а значимость его отзывов о прочих персонажах удерживала бы читательское внимание, ибо так создавалась бы иллюзия единого сюжета.

И, наконец, последний мой роман, которому нет места в настоящем издании, называется «Маг». Лишь на его счет я колебался. «Маг» сто-

ил мне огромных усилий; я потратил немало времени на сбор материала. Главный герой вдохновлен отчасти портретом Алессандро дель Борро[4] из Берлинской картинной галереи, отчасти — знакомством, которое я свел, когда год жил в Париже. Человек был выдающийся: в Латинском квартале о нем легенды ходили. Не знаю, до какой степени он верил в черную магию, занятия которой ему приписывались, однако услышанное о нем достаточно всколыхнуло мое воображение, чтобы взяться за роман. Я прочел работы Элифаса Леви[5] и измыслил историю мелодраматическую, чтобы приспособить к жизни возмутительно приторный плод моей фантазии. Однако роман не был бы написан, если б не Жорис Карл Гюисманс[6], бывший тогда на пике

---

[4] Примечания: 4

Имеется в виду «Толстяк (называемый командиром наемников Алессандро дель Борро)» — картина неизвестного итальянского художника XVII века.

[5] Примечания: 5

Псевдоним французского оккультиста Альфонса-Луи Констана (Alphonse Louis Constant, 1810–1875).

[6] Примечания: 6

Под этим именем публиковал свои произведения Шарль Жорж Мари Гюисманс (Charles-Georges-Marie (Joris-Karl) Huysmans, 1848–1907) — французский поэт, писатель, искусствовед; творил в стиле декаданса и натурализма. Упомянутый роман «Там, внизу» (*фр.* «La-Has», в русских переводах также «Бездна») известен описаниями черной мессы.

популярности. Вряд ли сегодня его роман «Там, внизу» можно читать без зевоты, но в свое время он казался зловещим и загадочным. Было в нем что-то, заставлявшее сердце трепетать от ужаса; многим, как ни странно, это нравилось. Роман, шокирующий своим содержанием, был написан изящным и образным языком, — это было новое слово во французской литературе. Полагаю, три наиболее важных произведения Гюисманса еще какое-то время продержатся в памяти литераторов, ибо отражают эволюцию французского декаданского мировоззрения, влияние которого на литературу, пусть преходящее, было довольно обширно. Впрочем, Гюисманс имел качественное преимущество перед своими подражателями — он искренне верил в то, о чем писал. Он был человек болезненно суеверный: ни секунды не сомневался в существовании темных сил, которым посвящал свои произведения. Он жил в страхе перед чарами, заклинаниями, порчей и т. п. Для меня это вздор. Я ни слова всерьез не принимал — я просто решил поиграть. Книга, написанная на таких условиях, — мертворожденная. Это главная причина, по которой я не включил «Мага» в настоящее издание.

1

Была первая суббота августа. Уже которую неделю стоял нестерпимый зной; вот и нынче с утра не мелькало ни единого облачка, и солнце обрушивало удары на Вир-стрит, так что верхние этажи раскалились, как печки. Правда, в преддверии вечера стало чуть прохладнее, и едва ли не все жители вышли подышать.

Вир-стрит, что в Ламбете, — улица недлинная, прямая, начинается как раз там, где заканчивается Вестминстер-Бридж-роуд. По одной ее стороне стоит сорок домов, и столько же — по другой; все восемьдесят домов куда больше походят друг на друга, чем две капли воды; а чего от них и ждать? Дома эти трехэтажные, недавней застройки, серого кирпича, с шиферными крышами и безо всяких там архитектурных излишеств, вроде эркера, или выступающего карниза, или подоконника. Иными словами, на всем протяжении Вир-стрит прямая линия не нарушается ни единой деталью.

В ту субботу на Вир-стрит царило оживление. Поскольку транспорт туда не ходит, зацементи-

рованная площадка между тротуарами всегда в распоряжении детей. Мальчики с азартом играли в крикет; по счастью, пространство позволяло вести несколько партий одновременно. Куртки служили калитками, старый теннисный мячик или комок тряпок — снарядом, старая палка от метлы — битой. Разница между шириной калитки и малыми размерами биты обескураживала игрока, который, отбив мяч, бежал к противоположной калитке. Тогда вспыхивали жестокие ссоры игрок бьющей команды ни за что не хотел выходить из игры, а игрок подающей команды на этом настаивал. Девочки проявляли больше терпимости. Они прыгали через веревочку и выражали недовольство, да и то довольно мягко, лишь в тех случаях, если веревочку неправильно крутили, или прыгунья подскакивала недостаточно высоко. Хуже всего приходилось детям от двух до пяти лет, ведь дождя не было уже несколько недель, улица сухостью и чистотой напоминала крытый корт; за неимением грязи для валяния детишки понуро сидели на тротуаре с поэтической грустью в глазах. Количество малышей до двух лет поистине впечатляло: они ковыляли и ползали повсюду — по тротуарам, под дверьми, вокруг материнских колен. Взрос-

лые группировались у дверей; обычно по две женщины сидели на корточках на пороге, еще две-три — рядом на стульях. Все без исключения нянчили своих малюток; почти все являли признаки того, что скоро теперешний объект материнской заботы будет вытеснен объектом новым. Мужчин было меньше, чем женщин; они с папиросками и трубками в зубах подпирали стены либо сидели на подоконниках нижних этажей. На Вир-стрит был мертвый сезон, совсем как в Белгравии; поистине, если б не младенцы, только что народившиеся и ожидаемые со дня надень, да не «убивство» в соседней ночлежке, и говорить было бы не о чем. Приглушенными голосами женщины обсуждали повитух — которая грубая, которая аккуратная, — и подробности своих многочисленных родов.

— Что, Полли, скоро уже, да? — спросила одна добрая соседка другую добрую соседку.

— Не, вроде еще два месяца, — отвечала Полли.

— А с виду кажется, что гораздо меньше, — вступила в разговор третья соседка.

— Давай Бог, чтоб в этот раз легче прошло, — с чувством произнесла очень полная пожилая женщина, весьма уважаемая на Вир-стрит.

— Она, как меньшого родила, зареклась от детишек. — Реплика принадлежала мужу Полли.

— Все так говорят, — парировала полная женщина, повитуха опытная и важная. — Да только они ничего подобного и в мыслях не имеют, благослови их Господь.

— У меня трое, и больше я рожать не стану, Вот провалиться мне на этом самом месте. Так оно тяжело, сил нет.

— Твоя правда, подружка, — сказала Полли. — А ты, Гарри, заруби себе на носу: заделаешь еще одного — я с тобой разведусь. Так и знай.

И тут на Вир-стрит завернул шарманщик.

— Гляньте-ка, кто к нам идет! Вот это дело! — разом воскликнуло с полдюжины человек.

Шарманщик был итальянец, с копной черных волос и свирепого вида усами. Он остановился на привычном месте, выпростал плечо из кожаных ремней, сдвинул набок мягкую широкополую шляпу и принялся вертеть ручку шарманки. Мелодия была зажигательная, и вскоре шарманщика окружили жители Вир-стрит, среди коих преобладали парни и девушки, ибо замужние женщины в этих краях вечно в положении, и не в том, что годится для танцев; значит, незачем им брать шарманщика в кружок. Впрочем, для того

чтоб танцы начались, все еще чего-то не хватало. Наконец одна девушка решилась.

— Пошли, Флорри. Мы с тобой не робкого десятка; начнем, а там и другие подхватят.

Одна из девушек взяла другую за талию, словно кавалер свою даму, еще три-четыре девичьи пары немедленно последовали их примеру, и вальс начался. Девушки держались очень прямо, с важностью и впечатляющим достоинством, кружились медленно, тщательно считали шажки — словом, вели себя будто на королевском балу. Вскоре и у парней пятки зачесались, и вот двое тех, что побойчее, заняли позицию, самую что ни на есть приличную, и стали вальсировать с основательностью профессионалов.

Вдруг кто-то крикнул:

— Гляньте: Лиза идет!

— Лиза идет! Посмотрите на Лизу! — тотчас подхватило несколько голосов.

Танцующие остановились, шарманщик, который как раз доиграл вальс, медлил завести новую мелодию и тянул шею, стараясь увидеть причину переполоха.

— Вот это да! Ничего себе! Ну и дает же наша Лиза!

По Вир-стрит шла девушка лет восемнадцати,

темноглазая, с пышной, взбитой, начесанной и завитой челкой, которая закрывала лоб от виска до виска и спускалась до самых бровей. На девушке было ярко-лиловое платье с внушительными бархатными вставками, на голове — великолепная черная шляпа с перьями.

— Вот так вырядилась! — бросили Лизе вслед.

— Теперь, Лиза, все парни твои, знай успевай собирать да штабелями складывать.

Лиза заметила, какую сенсацию производит; выпрямила спину, вскинула подбородок и проследовала по улице, отчаянно виляя бедрами и с видом таким важным, словно обходила личные свои владения.

— Сосед вопил: «Послушай, Билл, ты что же — улицу купил?» — пропел какой-то юнец, и с полдюжины его приятелей подхватили: — Неужто, думаю, пробил мой час на Олд-Кент-роуд?[7]

Вдохновленные таким началом, к поющим присоединились еще человек десять.

— Неужто, думаю, пробил мой час на Олд-Кент-роуд? Мой час на Олд-Кент-роуд! Пробил, пробил, как раз пробил мой час на Олд-Кент-роуд! — над-

---

[7] Примечания: 7

Олд-Кент-роуд — улица в юго-восточной части Лондона. Жители Вир-стрит исполняют припев песни про осла, который, на зависть соседям, достался в наследство одному семейству с этой улицы.

рывались Лизины соседи.

— Ли-за! Ли-за! Ли-за! — бросив петь, принялись они скандировать, и вся улица подхватила, и последовали оглушительные взвизгивания, и непристойные предложения, и продолжительный свист, и эхо долго носилось по коридору одинаковых домов.

— Спешите купить! Только у нас! Только для вас! — усердствовал местный остряк.

— Ли-за! Ли-за! Ли-за!

— Твой час на Олд-Кент-роуд!

Лиза с видом покорителя новых земель в лучах всеобщего восхищения шествовала по Вир-стрит. Она оттопырила локти и склонила головку набок и, минуя бушующую толпу, сама себе заметила: «А я молодец — не прогадала!»

— Твой час на Олд-Кент-роуд!

Лиза поравнялась с группкой вокруг шарманщика.

— Стало быть, Лиза, у тебя новое платье? — крикнула одна девушка.

— А разве не видно, что не старое? — парировала Лиза.

— Откуда оно у тебя? — с плохо скрываемой завистью спросила другая девушка.

— На дороге нашла, — презрительно отвечала

Лиза.

— Сдается мне, я это платье на Вестминстер-Бридж в ломбарде видал, — заметил сосед с целью позлить Лизу.

— И что с того, что в ломбарде? Самого-то тебя чего туда понесло? Фуфайку закладывал? Или последние штаны?

— Чтоб я стал одежу с чужого плеча носить? Никогда!

— Придурок! — рассердилась Лиза. — Только подойди еще ко мне — мало не покажется! Я, между прочим, матерьял купила в Вест-Энде, а платье мне шила моя портниха, а к ней знаешь какая очередь? Так что заткнись, старый жиртрест.

— Сама заткнись, — отвечал сосед.

Лиза была настолько поглощена своим платьем и произведенным эффектом, что далеко не сразу заметила шарманщика.

— Давайте лучше танцевать, — сказала она, когда шарманщик наконец попал в поле ее зрения. — Пойдем, Салли, из нас отличная пара получится. Заводи, приятель!

Шарманщик завел новую мелодию — интермеццо из «Сельской чести» Пьетро Масканьи; прочие пары поспешили последовать Лизиному примеру, и танец продолжался с прежней цере-

монностью. Впрочем, Лиза всех превзошла. Если другие девушки сохраняли королевскую осанку, Лиза была величава, как императрица. Важность и достоинство, с какими она кружилась, отчасти даже отпугивали; менуэт в сравнении с ее танцем казался бы шалостью. То, что изображала под шарманку Лиза, вполне годилось для поминок примы-балерины или похорон профессионального комика. А посадка головы, а томные взгляды, а ротик, искривленный в высокомерной улыбке, а изысканный изгиб тонкой кисти, а изящные па, которые Лиза выделывала ножками! Сразу отпадали всякие сомнения относительно того, кто правит бал на Вир-стрит.

Внезапно Лиза остановилась и сбросила руку своей партнерши.

— Что мы как сонные мухи еле ползаем! Меня от таких танцев тошнит.

Вообще-то Лиза выразилась несколько иначе, но нельзя же всякий раз приводить истинные слова, как Лизины, так и прочих персонажей моей истории, и добавлять работы редактору; да и не стоит отказывать читателю в известного рода соавторстве.

— Ей-богу, мы как сонные мухи! — повторила Лиза. — Не танец, а тягомотина. Надо так спля-

сать, чтоб кровь закипела. Салли, становись сюда. Сейчас потрясем юбками.

Другие пары тоже прекратили кружиться.

— А то говорят Кентербери, Южный Лондон, балет. Вот мы им покажем балет на Вир-стрит, что в Ламбете. Пускай утрутся!

И Лиза шагнула к шарманщику.

— Эй ты, чернявый, просыпайся. Давай, сыграй нам что-нибудь зажигательное. Чтоб кровь закипела. Понял?

Лиза ухватилась за поля шарманщиковой шляпы и натянула ее ему на нос. Шарманщик осклабился, чуть приподнял шляпу и завел новую мелодию, зажигательную, как того и хотела Лиза.

Парни сразу попятились, зато девушки встали друг против друга и начали танец с первыми же аккордами. Они подхватили юбки с обоих боков, чтобы показать ножки, и принялись выделывать замысловатые па. Лиза была права: даже выдрессированная балетная труппа не справилась бы лучше. Сама Лиза, конечно, вела; на нее равнялись. Она всю душу в танец вкладывала: позабыла про достоинство и высокомерие, которые считала уместными в вальсе, отказалась от продуманных взглядов и кивков, которые расточала

на зрителей, и без остатка отдалась сиюминутному наслаждению. Прочие пары одна за другой вышли из круга, и Салли с Лизой остались в центре внимания. Каждая танцевала, отсчитывая не только собственные шаги; словно по наитию, отзеркаливала движения партнерши, тем самым поддерживая впечатление полной симметрии.

— Уф, не могу больше, — выдохнула Салли, красная и едва не дымящаяся. — Сейчас кончусь.

— Давай, Лиза, жги! — раздалось несколько голосов, когда стало ясно, что Салли на сегодня не боец.

Лиза не подала виду, что слышала подначку, только продолжала танец. Шажочки у нее были такие крошечные, что казалось, она плывет по мостовой; она вертела бедрами и взмахивала подолом юбки с удивительной грациозностью. Но едва шарманщик заиграл новую мелодию, Лиза сменила стиль. Теперь ее ножки так и мелькали; она уже не слишком строго придерживалась канона. Восхищение зрителей завело ее; танец становился все более раскованным и даже дерзким. Лиза выше поднимала юбки, вводила новые па, одно другого замысловатее, и выкидывала коленца, которыми могла бы гордиться профессиональная артистка кордебалета.

— Ножки, ножки-то каковы! — выкрикнул один из парней.

— Чего там ножки — ты чулки зацени! — возразил другой. А чулки, надо сказать, и правда были достойны внимания, ибо Лиза выбрала их в тон платью и очень гордилась сочетанием лилового с лиловым.

Танец стал еще живее. Лизины ножки теперь едва касались мостовой, она кружилась как юла.

— Гляди — переломишься! — бросил какой-то остряк при особенно рискованном Лизином па.

Слова эти еще не успели растаять в воздухе, как Лиза вскинула ножку и мыском ботинка сбила с остряка шляпу. Великолепный маневр заслужил аплодисменты, а Лиза продолжала вертеться и вращаться, размахивать юбками, поднимать колени, пока, под восхищенные возгласы, не встала на руки и не прошлась колесом и, наконец, вернувшись в более естественное положение, не упала в объятия парня, что стоял к ней ближе всех.

— Ну ты даешь, Лиза, — высказался счастливчик. — А теперь поцелуй меня! — И сам попытался поцеловать Лизу.

— Отвали! — крикнула Лиза и без лишних церемоний оттолкнула его.

— Тогда меня поцелуй! — метнулся к Лизе другой молодец.

— Вот я тебя сейчас кулаком поцелую! — отвечала Лиза, уклоняясь с изяществом.

— Билл, держи Лизу! — не растерялся третий. — Мы все ее перецелуем!

— Раскатали губу! — крикнула Лиза и бросилась бежать.

— Погнали, парни! Поймаем ее!

Лиза лавировала меж них, ныряла им под мышки и довольно быстро выбралась из толпы. Подхватила юбки, чтоб не запутаться, и понеслась по Вир-стрит. С полдюжины парней бросились следом, свистя, бахвалясь и улюлюкая; из дверей и окон глядели зеваки и нередко тоже отпускали в адрес Лизы шуточки или советы. Лиза мчалась как вихрь. И вдруг как из-под земли вырос мужчина, заступил ей дорогу, и Лиза, прежде чем успела затормозить, оказалась в его объятиях, забилась, завизжала, а он поднял ее, прижал к себе и смачно расцеловал в обе щеки.

— Ах ты!.. — выдохнула Лиза. Выражение, ею употребленное, увы, нельзя ни воспроизвести на бумаге, ни заменить пристойным синонимом.

Зеваки принялись хохотать, Лизины преследователи — тоже; сама Лиза подняла глаза и

увидела здоровенного бородача. Такого она на Вир-стрит не помнила. Лиза вспыхнула до корней волос, поспешно высвободилась и под смех и подначки скользнула в ближайшую дверь.

2

Лиза с матерью ужинали. Миссис Кемп была пожилая женщина, низенькая, довольно полная, краснолицая, с седыми, высоко зачесанными волосами. Уже много лет она вдовела; с самой мужниной смерти поселилась с Лизой в доме на Вир-стрит, на первом этаже, в комнате с окном на улицу. В этой-то комнате они теперь и сидели. Муж миссис Кемп был солдатом; от благодарного отечества она получала пенсию, достаточную, чтобы не умереть с голоду; жалобами на жизнь и прочими случайными заработками миссис Кемп удавалось наскрести на выпивку. Лиза сама себя содержала — она трудилась на фабрике.

Тем вечером миссис Кемп была не в духе.

— Лиза, где тебя целый день носило?

— Гуляла на улице.

— Вечно ты на улице, когда матери худо.

— Не знала, что тебе было худо, мама — отвечала Лиза.

— Нет того понятия, чтоб пойти да поглядеть, как там мать. Может, Богу душу отдает.

Лиза промолчала.

— Нынче ревматизма вовсе замучила. Все-то косточки ноют, не знаю, куда ноги девать. Доктор, тот говорит, меня надо растиркой растирать, которую растирку он выписал. Только куда уж там — растирать! Растирать-то некому, родная дочь шляется незнамо где…

— Вчера ты на ревматизм не жаловалась, — парировала Лиза.

— Понятно, что ты делала. Тебе приспичило новым платьем щегольнуть. Все деньги транжиришь, нет чтоб матери отдать, мать бы на черный день отложила. А по-твоему получается, мать в обносках ходи, а дочь наряжайся. Известно: мать старая, мать никому не нужна…

Лиза не отвечала. Аргументы миссис Кемп были исчерпаны, она снова взялась за ложку.

Нарушила молчание Лиза:

— Мам, у нас новые соседи, видала?

— Не. А что за люди?

— Не знаю. Я видала здоровенного бородатого дядьку. Вроде он на той стороне поселился.

И Лиза слегка покраснела.

— Приличный-то человек тут не поселится, — прокомментировала миссис Кемп. — Я со счету сбилась — сколько приехали, сколько съехали. Вот раньше, помню, народ совсем другой был.

Они закончили ужинать, миссис Кемп поднялась, допила свою полупинту пива и велела:

— Вымой посуду, Лиза. А я пойду проведаю миссис Клейтон. У ней днями двойня родилась, да еще девятеро по лавкам. Не пойму, как Господь которого-нибудь не приберет.

После сего благочестивого замечания миссис Кемп вышла из дому и поплелась к соседке.

Лиза и не подумала мыть посуду, как ей было велено. Вместо этого она открыла окошко, уселась подле, положила локти на подоконник и стала глядеть на улицу. Солнце зашло, сгущались сумерки, небо темнело, помаргивали первые звезды. Ветер так и не поднялся; тем мягче и приятнее была прохлада, вползавшая в комнату. Добрые Лизины соседи по-прежнему сидели у дверей, обсуждали вечные темы, впрочем, с приближением ночи несколько потерявшие актуальность. Мальчишки, как обычно, играли в крикет, только сместились на дальний край улицы, так что вопли их долетали до Лизы уже изрядно приглушенными.

Лиза сидела, обеими руками подпирая подбородок, вдыхала прохладу. Вечерняя умиротворенность возымела на нее странное, незнакомое действие. Была суббота; Лиза вспомнила, что

завтра на фабрику не надо. Почему-то она устала, не сильно, но все же; наверно, сказывался день, богатый впечатлениями. В общем, Лиза радовалась, что кругом так тихо. С приходом сумерек самая жизнь будто замерла; Лиза, как ни странно, получала удовольствие от тишины; казалось, она могла бы просидеть так всю ночь, проглядеть глаза на прохладную, темную улицу да на звезды. Лиза была очень-очень счастлива и в то же время чувствовала какую-то совершенно новую печаль, отчего ей почти хотелось заплакать.

Внезапно перед открытым окном возник темный силуэт. Лиза вскрикнула.

— Кто тут? — спросила Лиза, потому что в темноте не узнала мужчину, который встал за окном.

— Лиза, это я.

— Том?

— Ну да!

Перед Лизой стоял юноша с жиденькими светлыми волосами, тонкими рыжеватыми усиками, из-за которых казался почти мальчиком, с бледным, впрочем, чистым лицом, с голубыми глазами и манерой эти глаза прятать, что слабо вязалось с общим впечатлением человека честного. Вдобавок, когда с ним заговаривали, юноша

немилосердно краснел.

— Чего тебе? — спросила Лиза.

— Думал, может, ты со мной пройдешься.

— Нет, — отрезала Лиза.

— А вчера обещала.

— Вчера было вчера, а сегодня — сегодня, — резонно заметила Лиза.

— Пошли пройдемся, Лиза.

— Я ж сказала: не пойду.

— Лиза, мне надо с тобой поговорить.

Лизина рука лежала на подоконнике, и Том накрыл ее своей. Лиза тотчас отдернула руку.

— Не хочу я с тобой разговаривать.

Впрочем, Лиза поговорила-таки с Томом, и именно от нее исходила следующая фраза.

— Слушай, Том, что это за тип у нас на улице поселился? Такой здоровый, с темной бородой?

— Это который тебя нынче поцеловал?

Лиза вспыхнула и весьма непоследовательно воскликнула:

— Поцеловал и поцеловал, тебе-то что?

— Мне ничего, я только уточняю, он или не он.

— Он.

— Его звать Блейкстон. Джим Блейкстон. Я с ним только раз говорил. Он снял две комнаты в девятнадцатом доме, под крышей.

— Целых две? На что ему?

— Как на что? У него пятеро ребят. Ты разве не видала его жену? Здоровая, толстая тетка, а причесывается — обхохочешься.

— Так он женат?

Снова повисло молчание: Лиза раздумывала, Том стоял под окошком, глядел на нее.

— Ну что, Лиза, пойдем прогуляемся? — наконец спросил он.

— Не, не пойду, — отвечала Лиза несколько мягче. — Поздно уже.

— Лиза, — начал было Том и густо покраснел.

— Чего?

— Лиза… — Он не мог продолжать, он жестоко заикался от смущения. — Лиза, я… я… я… Я тебя люблю, Лиза.

— Тьфу.

Том осмелел и взял Лизину руку.

— Лиза, ты сама знаешь: я теперь двадцать три шиллинга в неделю имею, да от матери кой-какая мебель осталась.

Девушка молчала.

— Лиза, пойдешь за меня? Я тебе хорошим мужем буду, никогда не обижу, чтоб мне провалиться; ты ж знаешь, я не забулдыга какой. Выходи за меня, а?

— Нет, Том, — тихо отвечала Лиза.

— Лиза, выходи за меня!

— Не могу, Том.

— Почему? Мы ж с тобой с самого Троицына дня гуляем.

— Теперь все по-другому.

— Ты ведь больше ни с кем не гуляешь, а, Лиза? — поспешно уточнил юноша.

— Нет. Дело не в этом.

— Тогда почему не хочешь за меня выйти? Лиза, я тебя люблю. Мне ни одна девушка так не нравилась, как ты!

— Том, я ж сказала: не могу стать твоей женой.

— У тебя кто-то есть, да?

— Никого у меня нету.

— Тогда почему?

— Прости, Том, ты мне не настолько нравишься, чтоб замуж идти.

— Эх, Лиза!

Темнота скрывала его лицо, но Лиза уловила боль в голосе; побуждаемая внезапной жалостью, подалась вперед, обняла Тома за шею и поцеловала в обе щеки.

— Скоро пройдет, слышишь, приятель. Было б из-за кого убиваться.

Захлопнула окно и отбежала в дальний угол

комнаты.

3

На следующее утро, в воскресенье, Лиза, одеваясь, думала о том, как несправедлива жизнь, — постоянно вынуждает выбирать. Она улыбалась воспоминаниям о давешнем выходе в новом платье и в то же время жалела, что этот выход уже состоялся и такого впечатления она больше не произведет. Со вздохом Лиза надела свое повседневное платье, в котором ходила на фабрику, и занялась приготовлением завтрака, ибо матушка ее накануне засиделась в гостях (отмечали появление новых жильцов), и теперь ее мучила «ревматизма».

— Ох, голова раскалывается! — стонала миссис Кемп, обеими руками обхватив лоб. — Опять у меня нервалгея. Ох, ох! В толк не возьму, как это выходит, что ни воскресенье, то нервалгея. Ох, и ревматизма разыгралась! Всю-то ночь я глаз не сомкнула, всю-то ночь промучилась…

— Мам, может, тебя в больницу отвести?

— Еще чего! — возмутилась почтенная вдова. — Тут вокруг тебя дюжина проходимцев так и вьется, а ты говоришь: не пей пива да виски. А я

говорю: хочу и буду пить. Я женщина трудящая. Что за грех в том, если я пропущу стаканчик? — И она ударила подушку, как бы ставя кулаком последнюю точку над i. — Работаю как проклятая, за тобой хожу, стряпаю, прибираю, стираю, еще и соседям подсобить умудряюсь, все какая-никакая лишняя монетка — а родная дочь глоток пива жалеет. Это ж мне для поправки здоровья! Вот погоди, протянет мать ноги, тогда поймешь, как без матери-то жить…

Миссис Кемп без аппетита съела кусок хлеба с маслом и выпила чаю.

— Лиза, как посуду уберешь, чтоб плиту помыла. Да не забудь мои башмаки вычистить. Ваксы у миссис Тайк возьми, у соседки.

Некоторое время миссис Кемп молчала.

— Я, Лиза, нынче отлежаться должна. Ревматизма мучает. Приберешься в комнате, обед сготовишь.

— Ладно, мам. Лежи, отдыхай, я все сделаю, как ты просишь.

— И не надо мне твоих одолжениев. Вечно ты с одолжениями, тогда как это твой долг — матери помогать по хозяйству, особливо ежели вспомнить, сколько у меня с тобой было хлопот, пока ты не подросла, да еще как я тобой разрешилась,

сам доктор не верил, что я оправлюсь. Куда ты дела получку?

— Спрятала, — тихо сказала Лиза.

— Куда спрятала?

— В надежное место.

— И где это место?

Лиза поняла, что загнана в угол.

— На что тебе?

— Как на что? Я твоя мать. По-твоему, я украсть эти деньги хочу?

— Я ничего такого не думаю.

— Тогда говори, куда дела получку.

— Чем меньше народу о тайнике знает, тем оно верней.

Замечание было весьма осторожное, однако вызвало в миссис Кемп бурю эмоций. Миссис Кемп резко села на кровати, стиснула кулак и замахнулась на Лизу.

— Теперь понятно, что ты имеешь в виду! Ты, такая-разэтакая… — Интонации были выразительные, эпитеты образные, но, увы, слишком смелые для воспроизведения в печатном виде. — Мать, значит, воровка; мать обокрасть ее решила, — продолжала миссис Кемп. — Что, не так? Не стыдно на мать такое думать?

— Мам, когда я тебе прежде говорила, где день-

ги, они испарялись.

— Это еще как?

— Ну, меньше их становилось.

— А я при чем? Тут не комната, а проходной двор, одних твоих хахалей сколько толчется.

— Вот я и спрятала получку понадежнее, — подытожила Лиза.

Миссис Кемп снова затрясла кулаком.

— Ах ты, паршивка! Значится, это я твои вонючие деньги забираю? Да ты должна сама мне их отдавать, всякую неделю, а не прятать по углам да не транжирить на тряпки. И это когда мать света белого не видит, на старости лет надрывается, чтоб ее, потаскушку, в люди вывести…

— Мам, если б я деньги не прятала, мы бы с тобой сидели, зубы на полку положив. А ну как тебе заработок не подвернется? Вот и подумай.

У миссис Кемп пенсия неизменно уходила уже ко вторнику; до субботы жили всегда на Лизины деньги.

— Ишь, как она заговорила! — гнула свое миссис Кемп. — Когда я девушкой была, я всю получку матери отдавала. Без особого приглашения, заметь, сама. Бывало, приду в субботу с получкой и все-то до последнего фартинга мамочке и отдам, как хорошая дочь, не то что некоторые. В чем не

могу себя упрекнуть, так это в том, что с матерью была груба. Я всегда вела себя, как хорошей дочери подобает, а не как какой-нибудь блудный сын. Нет, блудный сын — это не про меня. Моей матери не приходилось трехпенсовик на глоток пива клянчить…

Лиза знала, что прерывать подобные монологи себе дороже. Она молча надела шляпу.

— Вот, опять по улице хвостом мести собралась. Ишь, как расфуфырилась, все для хахалей своих. Смотри, доиграешься. А что мать одна, больная лежит, всякую минуту Богу душу отдать может, пока ты развлекаешься, так тебе и нужды нет…

Миссис Кемп так расчувствовалась, что стала всхлипывать, и Лиза под шумок выскользнула на улицу.

Том подпирал стенку дома напротив. Едва Лиза появилась, он шагнул ей навстречу.

— Привет! — поздоровалась Лиза. — Каким ветром?

— Ждал, пока выйдешь, — ответил Том.

Лиза быстро оглядела его.

— Я сегодня гулять с тобой не пойду, если ты за этим возле моего дома околачиваешься.

— Что ты, Лиза, и в мыслях не держал тебя просить, после вчерашнего.

Голос был грустный; Лиза слегка пожалела Тома.

— Стало быть, у тебя другое дело до меня, верно, Том? — несколько мягче предположила Лиза.

— Завтра ты не работаешь, так, Лиза?

— Так. Завтра выходной. Я и забыла. Здорово! А что ты хотел?

— Ну, завтра от «Красного льва» в Чингфорд[8] поедет праздничная платформа. Я тоже собираюсь.

— Желаю хорошо поразвлечься.

Том замялся.

— Я подумал, может, и ты захочешь поехать? Будет весело. Вся наша улица едет. Давай со мной, а, Лиза?

— Не, не могу.

— Почему?

— У меня… у меня денег нету.

— И не надо — я буду платить.

— Нет, спасибо, Том. Я все равно не могу поехать.

— Да почему, когда ты со мной будешь?

— Это нечестно. Я не могу с тобой поехать, потому что тогда все подумают, что я с тобой гуляю,

---

[8] Примечания: 8

Городок к северо-востоку от Лондона, на границе с Эссексом.

а я с тобой не гуляю, и ты будешь как дурак.

— Плевать, — удрученно произнес Том.

— Я не могу и дальше с тобой встречаться, после вчерашнего.

— Без тебя, Лиза, мне никакое гулянье не в радость.

— Пригласи другую девушку, и порядок.

Лиза отделалась от Тома кивком и зашагала к дому своей подружки Салли. Придя на место, она сложила руки рупором и завопила:

— Сал-ли! Сал-ли! Сал-ли!

Двое парней принялись ее передразнивать:

— Са-ло! Со-ли!

— Придурки, — прокомментировала Лиза.

Поскольку Салли не выглянула, Лиза продолжала звать. К имитаторам присоединилось еще с полдюжины праздношатающихся, так что шуму хватило бы на семерых спящих.

— Сал-ли! Сал-ли! Сал-ли!

Из окна верхнего этажа высунулась голова. Лиза сдернула свою шляпу и отчаянно замахала.

— Салли, выходи!

— Сейчас! — крикнула Салли. — Уже иду!

— К Рождеству как раз поспеешь! — весьма остроумно отвечала Лиза.

На лестнице раздался дробный топот, Салли

выскочила из парадного в объятия подруги. Девушки принялись дурачиться, пародировать героинь мелодрамы, которую недавно смотрели.

— Дорогуша моя дорогая! — произнесла Лиза, целуя Салли и с восторгом прижимая к груди.

— Прелесть моя прелестная! — в тон отвечала Салли.

— Как нынче поживает ваша светлая светлость?

— О, — с воодушевлением отозвалась Салли, — первоклассно поживает; надеюсь, ваше величавое величество тоже здорово?

— К огромному сожалению, у моего величавого величества нынче колики.

Салли была тоненькая, миниатюрная девушка, с рыжеватыми волосами, синими глазами и вся в веснушках. Рот имела большой, зубатый; зубы, квадратной формы и устрашающего вида, сидели широко и, казалось, могли с легкостью перегрызть железный прут. Оделась Салли, как и Лиза, в коротковатое черное платье, лиф которого прошел все стадии естественного старения — сперва позеленел, затем посерел, наконец пожелтел. Рукава были закатаны до локтей, талия повязана передником, во время ***о***но белым, теперь возмутительно грязным.

— На что тебе эти фигли в волосах? — поинтересовалась Лиза, указывая на папильотки Салли. — Со своим куда-то собираешься?

— Не, я нынче весь день дома.

— Тогда зачем накрутилась?

— Затем, что завтра мы с Гарри едем в Чингфорд.

— На платформе, которая от «Красного льва» отправляется?

— Ага. Ты едешь?

— Вот еще!

— Почему? Раскрутила бы своего Тома. Ему только свистни, он в лепешку расшибется, чтоб тебе угодить.

— Он приглашал, да я отказала.

— Отказала? Почему?

— Я не могу больше с ним гулять.

— Не можешь — не гуляй. А в Чингфорд съезди.

— Как ты не понимаешь… Вот смотри: ты едешь с Гарри, верно?

— Верно.

— И вы с ним скоро поженитесь, так?

— Так.

— Ну а я не могу поехать с Томом, а после бросить его.

— Ну и дура!

Девушки вместе добрели до Вестминстер-Бридж-роуд, где Салли ждал ее парень. Возвращалась Лиза одна. Ей надо было поспеть с обедом, но шла она медленно, поскольку знала всех соседей (нынче они, как и накануне, сидели у дверей, только были по большей части заняты — кто чисткой картофеля, кто лущением гороха) и не могла пройти мимо без того чтоб не остановиться и не перекинуться словечком. Все на улице любили Лизу и с удовольствием болтали с ней. «Славная эта Лиза, — говорили они, когда Лиза скрывалась из виду, — сейчас такую девушку редко встретишь».

Со стариками Лиза говорила о болезнях, матерей семейств деликатно расспрашивала о младенцах, народившихся и ожидаемых; малышня цеплялась за ее юбку, звала поиграть, и Лиза снисходительно держала конец веревочки, пока замурзанные девчушки неизменно запутывались уже на третьем прыжке.

Лиза практически добралась до дома, когда услышала в свой адрес «Доброе утро!».

Она оглянулась и узнала человека, насчет которого Том утверждал, что его имя Джим Блейкстон. Блейкстон сидел на табурете и качал на каждом

колене по малышу. Лизе вспомнилось, какая жесткая у него борода; кроме бороды, сохранилось впечатление как от чего-то большого. Теперь она видела, что Блейкстон действительно крупный, высокий, широкий в кости; еще она отметила грубоватые, мужественные черты лица и славные карие глаза. Прикинула, что Блейкстону, должно быть, лет сорок.

— Доброе утро! — повторил Блейкстон, поскольку Лиза остановилась и смотрела на него.

Лиза сконфузилась до пунцового оттенка щек и невозможности вымолвить хоть слово.

— Ну, чего смотришь, будто я съесть тебя собираюсь? Не бойся, я девчонок не ем, — ободрил Блейкстон.

— Вы кто? Я вас не боюсь.

— Что ж тогда покраснела? — по существу заметил Блейкстон.

— Просто нынче жарко.

— Значит, не злишься, что я тебя вчера поцеловал?

— Я не злюсь, хоть это с вашей стороны наглость.

— А что было делать? Ты сама мне в руки бросилась.

— Ничего я не бросилась. Это вы мне дорогу

заступили. Поймали меня.

— И расцеловал, покуда ты не очухалась. — Он осклабился, явно от приятных воспоминаний. — Что ж, Лиза, — продолжал Блейкстон, — раз я тебя против воли поцеловал, тебе лучший способ отомстить — поцеловать меня по своему желанию.

— Чтоб я с вами целовалась? — Лиза даже рот открыла от возмущения. — С этаким нахалом?

При появлении Лизы Блейкстон перестал качать детей, и теперь они требовали продолжить забаву.

— Ваши? — спросила Лиза.

— Мои, да только есть и еще.

— Сколько всего?

— Пятеро. Старшей дочке пятнадцать, сыну двенадцать, эти вот, да еще в люльке один.

— Трудно, должно быть, этакую ораву прокормить?

— А то. Тем более шестой на подходе.

— Ну, пенять-то вам не на кого, кроме как на себя, — рассмеялась Лиза.

Кивнула и пошла домой.

Блейкстон смотрел ей вслед — и видел, как за Лизой увязалась добрая дюжина мальчишек. Они просили поиграть с ними в крикет. Цеплялись за руки и юбку, тащили к своей площадке.

— Не буду я играть, — отбивалась Лиза. — Мне еще обед стряпать.

— Зачем напрягаться? — вопил малолетний остряк. — Купи в лавке вареной конины и ешь себе на здоровье.

— Ах ты, маленький сукин сын! — весьма неэлегантно выразилась Лиза и хотела было отвесить мальчишке подзатыльник.

Он увернулся, завизжал от восторга, изловчился и схватил Лизу под коленки; второй мальчик повис у нее на шее, вместе они повалили ее на землю, и все трое стали бороться и кататься. Остальные насели сверху; получилась настоящая куча-мала.

Лиза не без труда высвободилась, сняла шляпу и принялась лупить ею мальчишек, сопровождая хлопки самыми яркими эпитетами. Наконец, задав малышне жару, с видом победительницы проследовала домой, стряпать обед.

4

Погода в официальный выходной выдалась отличная. Правда, безоблачное небо грозило удушающим зноем к полудню, но пока, ранним утром, на улице было свежо и прохладно. Лиза проснулась, распахнула окно, оделась, размышляя, чем бы занять день. Вспомнила, что Салли со своим парнем едет в Чингфорд, а она остается на пыльной улице вместе со стариками да малыми ребятами. Ей хотелось, чтоб был обычный рабочий день, чтоб вообще не было никаких официальных выходных. А то получается, думала Лиза, как два воскресенья подряд, только второе гораздо хуже первого. Мать еще спала, приготовление завтрака могло подождать, вот Лиза и глазела в окно, опершись на подоконник.

Через некоторое время на улице появилась Салли, одетая в порфиру и виссон[9], а точнее, в великолепное красное платье, отделанное плюшем; на голове девушки красовалась огромная шляпа с множеством перьев. Папильотки, которые Салли накрутила еще в субботу, полностью

---

[9] Примечания: 9
Цитата из евангельской притчи о богаче и Лазаре (Лук., 16–19).

оправдали ожидания — рыжеватая челка лежала как приклеенная. Настроение Салли соответствовало наряду.

— Привет, Лиза! — крикнула она, заметив подругу в окне.

Лиза почувствовала легкий укол зависти и ответила вполголоса:

— Привет.

— Иду к «Красному льву», там Гарри должен ждать.

— Когда отправляетесь?

— Платформа тронется ровно в полдевятого.

— А сейчас восемь; я слышала, только что в церкви пробило. Гарри наверняка еще не пришел.

— Не, он обещал пораньше. Мне дома не сиделось. Мандраж с полседьмого. А подхватилась я и вовсе в пять.

— Ничего себе! И что ты делала, с пяти-то часов?

— Одевалась. Причесывалась. Встала, потому что не могла больше в постели валяться. Я, считай, ночь не спала, все представляла, как оно будет.

— Вот чудачка! — подытожила Лиза.

— Ничего не чудачка. Я ведь не каждый день

на пикник езжу. Ох и весело должно быть!

— Совсем сбрендила, — произнесла Лиза несколько раздраженно.

— А ты будто не хочешь на пикник!

— Конечно, не хочу! Хотела бы — поехала бы.

— Ну ты и зануда, скажу я тебе. Тогда хоть другим удовольствие не порть. Я бы на твоем месте ни в жизнь не отказалась.

— А я на своем отказалась. Больше не предложат. — Последнюю фразу Лиза произнесла с легким раскаянием.

— Пошли к «Красному льву». Поболтаем, пока платформа тронется, — попросила Салли.

— Чтоб мне пусто было, если пойду! — с жаром воскликнула Лиза.

— Тебе и так пусто. А я боюсь: вдруг Гарри не пришел, буду одна стоять как дура. Пойдем, Лиза, хоть лошадок посмотришь.

На самом деле Лизе ужасно хотелось посмотреть и лошадок, и платформу, и принаряженную публику, но она еще некоторое время вредничала. Салли повторила просьбу. Наконец Лиза согласилась.

— Ладно, схожу с тобой, дождусь, пока это старое корыто тронется.

Она не потрудилась надеть шляпу, вышла в

чем была. Девушки поспешили к пабу, который снаряжал платформу.

Хотя до начала оставалось еще почти полчаса, платформа была на месте, у главного входа — широкая, длинная, с сиденьями, расположенными поперек, каждое сиденье рассчитано на четверых. Платформу волокли две крепенькие лошадки; кучер как раз проверял упряжь. Салли опередили с полдюжины человек; они заняли места на платформе. Гарри еще не пришел. Девушки остановились у входа в паб, стали наблюдать за приготовлениями. Из паба выносили огромные корзины со всяческой снедью; ящики с пивом заталкивали под сиденья, под ноги кучеру, и даже подвешивали под платформой. По мере того как подтягивался народ, Салли волновалась все больше.

— Господи, где его носит! — воскликнула она. — Разве можно так опаздывать?

И стала смотреть в сторону Вестминстер-Бридж-роуд, не идет ли Гарри.

— А если он вовсе не появится? То-то он у меня попляшет! Всю душу вымотал!

— Еще целых пятнадцать минут, — равнодушно заметила Лиза.

Наконец Салли увидела своего дружка и броси-

лась ему навстречу. Лиза осталась одна. Все эти приготовления, ожидание праздника выбили ее из колеи. О самом факте отказа Тому она не жалела; жалела лишь о том, что принять предложение ей помешала совестливость. Подошли Салли с Гарри; одетый в лучший воскресный костюм, включающий даже сорочку и воротничок, Гарри был под стать своей девушке. Вдобавок он прихватил гармонику, чтоб не скучать в дороге.

— Лиза, а ты что, разве не едешь? — удивленно спросил Гарри, заметив, что Лиза без шляпы и в переднике.

— Нет, отвечала Салли. — Дура, правда? Том ее пригласил, а она уперлась.

— Во дает!

Затем они взобрались по лесенке на платформу и сели, а Лиза вторично за утро осталась одна. Народ подтягивался, почти все места были уже заняты. Лиза знала всех присутствующих, но они слишком боялись, что придется ехать стоя, и потому отделывались от Лизы кивками. Наконец появился Том. Увидел одинокую Лизу и подошел к ней.

— Лиза, может, все-таки поедешь с нами?

— Нет, Том, я ж сказала: не поеду. Это неправильно. Нечестно. — Лизе казалось, она должна

повторять слово «нечестно» больше для себя, чем для Тома.

— Без тебя и мне там делать нечего, — сник Том.

— Ничем не могу помочь, — мрачно отвечала Лиза.

В эту секунду из паба вышел человек с охотничьим рожком, и Лизино сердце екнуло, ибо, если Лиза что и любила, так это звуки охотничьего рожка. Ей показалось, что она сама себе подписала приговор, причем неоправданно жестокий; почему она должна сидеть дома, когда другие намерены развлекаться? Лица были такие веселые, что Лизе тотчас представились все удовольствия пикника. Она чуть не плакала. Нет, ей нельзя ехать, и она не поедет; она дважды повторила это «нельзя» про себя; трубач тем временем протрубил в знак того, что платформа скоро тронется.

Двое припустили бегом, и Лиза, когда они поравнялись с ней, узнала Джима Блейкстона. С ним была женщина, вероятно, жена.

— Лиза, ты едешь на пикник? — крикнул Джим.

— Нет, — ответила Лиза. — Я не знала, что вы едете.

— Жаль, что не едешь. То-то бы повеселились.

Лизе оставалось только сдержать всхлип; как она хотела поехать! Несправедливо ей сидеть одной; чем она такое заслужила? Не отказом же выйти за Тома, в самом деле! Нет, на свежую голову нежелание выходить за Тома вовсе не казалось Лизе причиной уклоняться от пикника; зачем она упрямится, непонятно. Она начала думать, что вела себя глупо; в конце концов, кому польза от того, что она не едет с Томом; да и кто оценит ее жертву, кто скажет: «Вот порядочная девушка!» Салли так напрямую дурой назвала и не поперхнулась.

Том мялся рядом, молчал; от одного его вида молоко бы скисло. Джим чуть наклонился к ней и низким голосом повторил:

— Мне очень жаль, что ты не едешь.

Это стало последней каплей. Лизе ужасно хотелось поехать; она больше не могла упираться. Если бы только Том еще раз ее пригласил, если бы дал возможность переменить решение естественным и приличным образом, она бы сказала «да». Но Том как воды в рот набрал, и Лизе пришлось выкручиваться самой. Получилось очень неуклюже.

— Видишь ли, Том, — сказала Лиза, — я не хочу тебе праздник портить.

— Без тебя не поеду. Какой смысл одному?

А ну как он не повторит приглашение? Что тогда Лизе делать? Она взглянула на часы над дверью паба. До отправления всего пять минут. Вот ужас, если платформа тронется, а Том так и будет молчать! Сердце билось как бешеное, пальцы как бы сами собой теребили передник.

— Что же мне делать, Том, милый?

— Ехать, конечно. Лиза, пожалуйста, скажи «да».

Итак, предложение поступило. Оставалось изобразить легкое замешательство, и дело в шляпе.

— Том, я бы поехала, но ты уверен, что это будет честно?

— Конечно, честно! Едем, Лиза! — В восторге Том схватил ее за руку.

— Что ж… — Лиза потупилась. — Если иначе я тебе праздник испорчу…

— Я без тебя не поеду; клянусь, не поеду! — воскликнул Том.

— Только это не значит, что я твоя девушка, договорились?

— Не значит, не значит. Как ты хочешь, так и будет.

— Тогда я согласна! — взвизгнула Лиза.

— Стало быть, едешь? — Том ушам своим не верил.

— Еду! — отвечала Лиза с широкой улыбкой.

— Я знал, что ты согласишься! Какая ты славная, Лиза! Гарри, Лиза с нами!

— Лиза тоже едет? Ура! — обрадовался Гарри.

— Лиза, так ты передумала? — уточнила Салли.

— Да!

— Ура! — обрадовалась Салли.

— Вот молодец, Лиза, — одобрил Джим и улыбнулся ей одной.

— Тут как раз два места! — закричал Гарри, хлопая по сиденью.

— Придержи их! — отозвался Том.

— Я только сбегаю скажу маме.

— Осталось три минуты! Давай быстрей! отвечал Том.

Лиза бросилась домой, а Том крикнул кучеру:

— Подожди, приятель, сейчас еще девушка придет.

— Отчего не подождать, подожду. Небось не на пожар спешим, — добродушно отвечал кучер.

Лиза ворвалась в комнату (миссис Кемп еще спала), завопила:

— Мам, я в Чингфорд на пикник!

Стащила с себя старое платье, нырнула в новое, лиловое; сбросила старые стоптанные туфли, сунула ноги в новые ботинки. Мигом расчесала волосы и закрутила челку — по счастью, она с субботы не развилась — надвинула черную шляпу с перьями, выскочила на улицу, побежала, взлетела по лесенке на платформу и, едва дыша, плюхнулась Тому на колени.

Кучер щелкнул кнутом, трубач протрубил в рожок, и под радостные выкрики и смех платформа покатила в Чингфорд.

5

Отдышавшись, Лиза стала оглядывать попутчиков и начала с женщины, которую привел Джим Блейкстон.

— Это моя жена! — Джим указал на нее пальцем.

— Что-то я вас на улице не видала, верно, вы редко выходите, — сказала Лиза вместо «рада познакомиться».

— Ой, редко, — подтвердила миссис Блейкстон. — У меня меньшой корь подцепил, так я и дома с ног сбилась.

— А сейчас ему лучше?

— Гораздо. Он быстро поправляется. Джим хотел ехать нынче в Чингфорд и говорит мне: слышь, говорит, давай со мной, тебе развеяться надо. Оставляй, говорит, Полли — это наша старшая — оставляй Полли за хозяйку. А я говорю: славно, поехали, Полли справится. Вот мы и едем.

В продолжение этой тирады Лиза исподтишка рассматривала миссис Блейкстон. Во-первых, платье: миссис Блейкстон напялила что-то чер-

ное, бесформенное; во-вторых шляпа: нелепый капор, сейчас такие никто не носит. Затем Лиза перешла непосредственно к внешности миссис Блейкстон. Среднего роста, толстая, крепко сбитая тетка; непонятно, тридцать ей или все сорок Лицо как блин, рот шире ворот, а прическа! Обхохочешься, как Том и говорил: посредине темени пробор, волосенки прилизанные и в мелкие косицы заплетены. И сразу видно, что силы ей не занимать, хоть она и пашет всю жизнь, и детей всякий год рожает.

Всех остальных пассажиров платформы Лиза знала; теперь, когда места были благополучно заняты и праздничный поезд тронулся, нашлось время на взаимные приветствия. Все радовались, что Лиза едет, потому что с ней никогда не бывало скучно. Лизиным вниманием завладел молодой бакалейщик, который нарядился нынче в старинный костюм — серую куртку и узкие панталоны, щедро усыпанные блестящими пуговицами.

— Привет, Билл! — крикнула Лиза.

— Привет, Лиза! — отвечал Билл.

— Ну и прикид у тебя! Ни дать ни взять граф!

— Эй, Лиза Кемп, — скривилась подружка Билла, — не лезь к моему парню, не то узнаешь, где раки зимуют.

— Расслабься, Клэри Шарп, не нужен мне твой дружок, — отвечала Лиза. — У меня свой имеется, второй-то лишним будет. Верно, Том?

Том просиял, от счастья не нашелся что ответить и просто пихнул Лизу локтем.

— Полегче! — возмутилась Лиза, схватившись за бок. — Ты мне ребра переломаешь!

— Чего уж там — ребра! — выкрикнула Салли с похвальной любовью к точности. — Небось за корсет из китового уса беспокоишься.

— Заткнись!

— Так ты в корсете? — с деланным простодушием уточнил Том и обнял Лизу за талию, чтобы проверить.

— Руки убери, — велела Лиза.

— Я ж только узнать, в корсете ты или нет.

— Я сказала, не смей меня щупать.

Том не повиновался.

— Убери руки, — повторила Лиза. — Будешь меня тискать — придется на мне жениться.

— Так я ж того и добиваюсь!

— Дурак, — рассердилась Лиза и сбросила руку Тома.

Лошадки бежали резво, трубач с воодушевлением дул в свой рожок.

— Гляди не лопни с натуги, — посоветовал кто-

то в ответ на особенно резкую руладу.

Платформа катила на восток; было уже позднее утро, улицы становились все оживленнее, транспорта прибавилось. Наконец они выехали на дорогу, ведущую непосредственно в Чингфорд, и увидели, что туда нынче устремился едва ли не весь Ист-Энд. К Чингфорду двигались пролетки и двуколки, запряженные осликами и пони; лоточники; двухместные экипажи, четверики, другие платформы — все, к чему возможно прикрепить колеса. То и дело попадался ослик, из последних сил тянущий четверых упитанных налогоплательщиков; ослика легко обгоняла пара холеных лошадок, управляемая счастливыми супругами. Люди здоровались, перешучивались; больше всех шумели на платформе, снаряженной в «Красном льве». Солнце поднималось и жарило все сильней; казалось даже, что на дороге стало больше пыли и жаром пышет еще и снизу.

— Ну и пекло! — слышалось отовсюду. Народ потел и отдувался.

Женщины сняли капоры и накидки, мужчины, следуя их примеру, освободились от пиджаков и остались в одних сорочках. Что дало пищу для изрядного количества шуток (причем далеко не всегда поучительного характера) по поводу пред-

метов одежды, с которыми та или иная персона с радостью расстанется. Откуда напрашивается вывод, что честный, прямодушный англичанин понимает намеки из французских комедий куда лучше, чем принято считать.

Наконец вдали показался паб, где предполагалось дать лошадкам отдохнуть и обтереть их мокрой губкой. Об этом пабе в последние четверть часа только и говорили; теперь, когда он стал виден на верхушке холма, раздались радостные возгласы, а один бездельник, особенно мучимый жаждой, затянул «Правь, Британия», в то время как другие пел и менее патриотическую песню «Пиво, славное пиво!». Платформа остановилась у дверей паба, люди горохом посыпались на землю. Паб был тотчас взят в осаду, официантки и мальчики на побегушках бросились выносить пиво жаждущим.

Коридон и Филлида. Идиллия

Согласно канону, в процессе ухаживания любезный пастушок и прелестная пастушка пьют из одного сосуда.

— Давай, пей уже, — сказал Коридон, учтиво вручая своей милой пенящуюся кружку.

Филлида молча приблизила ротик к кружке

и смачно глотнула. Пастушок наблюдал с тревогою.

— Эй, ты тут не одна! — воскликнул он, видя, что Филлидина головка запрокидывается все выше, а содержимое кружки неумолимо убывает.

Прелестница остановилась и передала кружку своему возлюбленному.

— Ну ты сильна! — протянул Коридон, заглядывая в кружку, и добавил: — И сноровиста. — Затем галантно приложился губами к тому самому месту, где кружки касался ротик его милой, и допил содержимое.

— Вот это я понимаю! — заметила пастушка, причмокивая. Она высунула язычок, облизала свои прелестные губки и глубоко вздохнула.

Любезный пастушок, прикончив содержимое кружки, тоже вздохнул и молвил:

— Я бы от второй порции не отказался!

— Раз уж ты первый начал, я вот что скажу: этого хватило только горло прополоскать!

Вдохновленный ее словами, Коридон, как верный рыцарь, побежал к барной стойке и вскоре возвратился с полной кружкой.

— Теперь ты первый пей, — предложила заботливая Филлида.

Коридон сделал долгий глоток и вручил ей

кружку.

Филлида с девичьей скромностью развернула кружку так, чтобы не коснуться следа от губ Коридона, на что Коридон не преминул заметить:

— Ишь, какая брезгливая.

Тогда, не желая огорчать возлюбленного, Филлида вернула кружку в исходное положение и приложилась алым ротиком именно к тому месту, где касался кружки Коридон.

— Ну вот и все! — сообщила она, вручая возлюбленному пустую кружку.

Любезный пастушок достал из кармана короткую глиняную трубку, продул ее, набил табаком и закурил, меж тем как Филлида вздохнула при мысли о прохладном напитке, струящемся по ее гортани, и от удовольствия погладила себя по животу. Коридон сплюнул, и его милая тотчас сообщила:

— Я могу плюнуть дальше.

— А вот и не можешь.

Она предприняла попытку и преуспела. Коридон собрался и снова плюнул, дальше, чем в первый раз; Филлида тоже плюнула. Идиллическое состязание продолжалось, покуда рожок не возвестил, что пора ехать дальше.

* * *

Наконец они добрались до Чингфорда, и здесь-то лошадок освободили от упряжи, а платформу, где предстояло обедать, откатили под навес. Все изрядно проголодались, но есть было рано, и пассажиры платформы рассыпались на группки и пошли выпить. Лиза с Томом и Салли со своим дружком завернули в ближайший паб, и, пока они пили пиво, Гарри, большой любитель спорта, в лицах изобразил боксерский турнир, что имел место в прошлую субботу и запомнился, в частности, тем, что один из участников скончался от полученных увечий. Несомненно, событие было из ряда вон выходящее; Гарри уверял, что присутствовали даже несколько очень важных персон из Вест-Энда, говорил об их безуспешных попытках остаться неузнанными и о замешательстве, когда один болельщик из озорства крикнул: «Атас, полиция!» Гарри втянул Тома в продолжительный спор о боксе, в котором Том, будучи человеком застенчивым и покладистым, потерпел бесспорное поражение. Затем все четверо вернулись на платформу, где уже накрывали обед — вытаскивали из-под сидений корзины со снедью, выставляли бутылки пива, от вида

которых пересыхали и без того сухие гортани.

— Сюда, леди и джентльмены — если, конечно, вы настоящие джентльмены, — вопил кучер. — Лошадкам нужно подзаправиться!

— Придурок! — послышалось в толпе. — Мы тебе не лошади — мы воду не пьем.

— Вижу, леди, вы очень умная, — не растерялся кучер. — Наверняка только из пансиона.

Весьма зрелый возраст упомянутой леди свидетельствовал об известной доле иронии в словах кучера. Кто-то дунул в рожок, на что Лиза не преминула заметить:

— Эй, там, полегче! Будешь так дудеть — лопнешь; лопнешь — испортишь мне обед!

Наконец все уселись обедать. Чего только не было на столах — пироги со свининой, охотничьи колбаски, сосиски, отварной картофель, яйца вкрутую, бекон, телятина, окорок, крабы и креветки, сыр, масло, холодный пудинг на нутряном сале с патокой, пироги с крыжовенным вареньем, пироги с вишневым вареньем, еще масло, хлеб, еще сосиски и снова пироги со свининой! Снедь исчезала так быстро, словно за столом орудовала стая хищников; ели методично, молча, истово; откусывали помногу, глотали не жуя. Сметливый иностранец, случись ему наблюдать, как

эти честные труженики расправляются с едой, понял бы, почему Англия — великая держава. Он бы понял, почему британцы никогда, никогда не будут рабами. Наши герои прекращали есть единственно для того, чтобы попить; залпом опустошали стаканы, протечек не допускали. Они ели и пили, пили и ели — но, поскольку все в этом мире когда-нибудь кончается, остановились в итоге и они и хором, в тридцать две глотки, удовлетворенно рыгнули.

Затем компания разбилась на пары. Гарри и его подружка зашагали к лесу, где под сенью дерев могли предаться уверениям в вечной любви и перевариванию обеда. Том все утро ждал этого счастливого часа; он рассчитывал, что обильная еда поможет растопить холодность Лизы, и уже представлял, как они с ней усядутся на травке, под развесистым каштаном, как он, Том, обнимет Лизу за талию, а ее головка будет покоиться на его горячей груди. Лиза тоже предвидела послеобеденную разбивку на пары и усиленно измышляла предлог уклониться от похода в лес.

— Не хочу, чтоб он меня обслюнявил, — пробормотала Лиза. — Тисканья да поцелуи — для дураков, а я не дура.

Лиза едва ли сознавала, почему ласки Тома так

ее раздражают; не нравятся они ей, и точка. По счастью, помощь пришла в виде благословенного института брака, ибо Джим и его жена не выказывали ни малейшего желания провести день наедине, и Лиза, видя их замешательство, предложила пойти на прогулку вчетвером.

Джим тотчас согласился, и с явным удовольствием; у Тома упало сердце. Вслух возразить ему не хватило смелости, зато он смерил Блейкстона испепеляющим взглядом. Джим отвечал добродушной улыбкой; Том насупился. Они пошли лесом. Джим держался подле Лизы, причем Лиза ничуть не противилась, поскольку сделала вывод, что Джим, даром что нахал, далеко не дурак. Том буквально наступал им на пятки, и если Джим прибавлял шагу, Том старался его догнать, а миссис Блейкстон, которой совсем не хотелось остаться в лесу одной, перестраивалась на мелкую рысь. Джим вдобавок и разговор вел так, чтоб задействовать одну Лизу, а Тому показать, что он тут лишний, только Том всякий раз вставлял пару мрачных реплик, чтоб Джиму не так сладко было. В конце концов Лиза рассердилась.

— Ты, Том, верно, нынче не с той ноги поднялся, — сказала она.

— А ты, когда согласилась со мной ехать, по-

другому думала. — Том сделал ударение на «со мной».

Лиза передернула плечами.

— Ты мне надоел. Нравится дураком себя выставлять — выставляй в другом месте.

— Значит, хочешь от меня отделаться, — подытожил Том.

— Я ничего такого не говорила.

— Ладно, Лиза, все с тобой понятно. Не хочу быть третьим лишним. — Том резко развернулся и, не видя дороги, зашагал в глубь леса.

Совершенно убитый, то и дело сглатывая комок в горле при мысли о Лизе, Том долго бродил в одиночестве и думал, какая Лиза злая и неблагодарная. Зря он потащился в Чингфорд, надо было дома сидеть. Что ей стоило пойти гулять с ним, а не с этим жеребцом Блейкстоном; для него, для Тома, у Лизы ни слова доброго, ничего. Том мучился ненавистью, но он был просто несчастный влюбленный и мало-помалу начал думать, что сам перегнул палку, сам проявил неуместную обидчивость. Вскоре Том уже раскаивался, что вообще раскрыл рот; ему ужасно хотелось помириться с Лизой. Он побрел обратно в Чингфорд в надежде, что Лиза не заставит слишком долго себя ждать.

Лиза, в свою очередь, немного удивилась, когда Том вспылил и ушел.

— Какая его муха укусила?

— Он просто ревнует, — рассмеялся Джим.

— Том? Ревнует?

— Конечно, тебя ко мне.

— Можно подумать, я ему повод давала! — воскликнула Лиза и стала рассказывать Джиму о Томе: как он просил выйти за него, как она отказала, как согласилась ехать с ним в Чингфорд только при условии, что не будет считаться его подружкой. Джим слушал сочувственно; жена его, кажется, не слушала вовсе — наверняка ее занимали мысли о детях да о хозяйстве.

В Чингфорде их встретил тоскливый взгляд Тома. Лиза была потрясена его горем; почувствовала, что проявила жестокость, и, оставив Блейкстонов, шагнула к Тому.

— Слышь, Том, — начала она, — не бери в голову. Я не хотела тебя обидеть.

Том разразился мольбами о прощении.

— Ты ж знаешь, Том, — продолжала Лиза, — я вспыльчивая. Мне жаль, что я тебя обидела.

— Ох, Лиза, какая ты хорошая! Ты не сердишься на меня?

— Я? Нет. Это ты должен сердиться.

— Ты такая хорошая, Лиза!

— Так ты не сердишься?

— Моя Лиза мне всякая мила, вот что я скажу! — Том буквально сиял. — Пойдем выпьем чаю, а потом будем на осле кататься.

Катание на осле стало одним из гвоздей программы. Лиза поначалу побаивалась, так что Тому пришлось шагать в ногу с ослом и поддерживать ее; всякий раз, когда осел припускал рысью, Лиза взвизгивала и вцеплялась в Тома, чтобы не упасть. Том ощущал ее ладошку на своем плече, слышал мольбу в выкриках: «Ой, только не отпускай меня! Ой, сейчас упаду!» — и был совершенно уверен, что подобного счастья в жизни ему до сих пор не выпадало. Подтягивались остальные участники пикника; были обещаны гонки на ослах, но уже на первом круге, когда ослы пустились галопом, Лиза упала-таки Тому в объятия, и ее осел ускакал один.

— Я знаю, что надо делать, — заявила Лиза, когда беглеца поймали. — Я поеду по-мужски.

— Совсем сдурела! — крикнула Салли. — Разве можно — в юбках-то?

— Еще как можно.

Был добыт другой осел, на сей раз с мужским седлом. Лиза встала в стремя, перекинула ногу

и уселась верхом, очень довольная собой. Ни излишней скромностью, ни излишней стыдливостью Лиза никогда не страдала и в таком положении чувствовала себя вполне свободно.

— Вот теперь я и сама справлюсь. Отходи, Том, — велела она. — Покури пока, а потом присоединяйся.

Этот заезд сопровождался особенно громким шумом. Лиза молотила своего осла пятками, дубасила кулачками, визжала ему в уши и хохотала до колик. Ее усилия увенчались успехом — она выиграла заезд. После заезда, естественно, всем участникам опять захотелось освежиться и подкрепиться, они повалили в паб и долго еще обсуждали ослиные бега.

После нескольких пинт пива Лиза и Салли, их молодые люди с серьезными намерениями, а также чета Блейкстонов стали искать других развлечений; их внимание привлек балаган, где деревянным шаром сшибали кокосовые орехи.

— Ой, давайте, давайте попробуем! — взвизгнула Лиза, и бедолагам пришлось доставать кошельки.

Лиза с Салли сделали по несколько крайне неудачных ударов.

— С виду легче легкого, — протянула Лиза,

поправляя прическу. — Только в эту штуковину никак не попасть. Попробуй ты, Том.

Том и Гарри оба промахнулись, зато Джим сбил три кокоса, и владельцы балагана стали смотреть на него с некоторым беспокойством.

— Да вы просто дока! — восхитилась Лиза.

Хотели было заставить миссис Блейкстон тоже попытать счастья, но она отказалась наотрез.

— Чтоб я на такую ерунду деньги транжирила! — пояснила миссис Блейкстон.

— Ладно тебе кукситься, мать, — примирительно заметил Блейкстон. — Давай лучше есть кокосы.

Таким образом, каждой паре досталось по кокосу. Дамы выпили кокосовое молоко, после чего орехи раскололи, и каждый придавил обед и чай еще и изрядной порцией кокосовой мякоти. А там и время ужина приспело. Снова они набросились на сосиски в тесте, крутые яйца, охотничьи колбаски и неизменное пиво.

— Я уже со счету сбилась, сколько бутылок выпила, — сказала Лиза.

Все засмеялись.

До отправления платформы обратно на Вирстрит был еще почти целый час; тут-то и пригодились гармоники. Наши герои сели на траву.

Гарри зажигательным соло открыл концерт. Слушатели потребовали песню, вышел Джим и исполнил старинную «Эх, солдатики, солдатики идут». Кроме Тома, стеснительных в компании не нашлось; вскоре Лиза тоже спела популярную смешную песенку. Снова играли на гармониках. Снова захотели песню. Лиза обернулась к Тому, притихшему подле нее.

— Чего притаился, как мышь? Давай пой.

— Да я не умею, — покраснел Том. — Мне медведь на ухо наступил, ты ж знаешь.

Тут опять поднялся Блейкстон с новой песней.

«Ну и зануда же этот Том, — сделала вывод Лиза. — То ли дело Блейкстон».

Потом заглянули в паб, выпить пива на дорожку. Трубач весьма неуверенно, будто пробираясь на ощупь, подал сигнал к отправлению, и они пошли занимать места на платформе.

Лиза с трудом поднялась по лесенке и пробормотала:

— Ох и пьяная же я.

Кучер пребывал в меланхолии; он понурился на козлах, не выпуская поводьев, повесил голову и с тоскою думал о безвозвратно ушедшей молодости, а также о грехах, за которые ему уже довольно скоро воздастся.

Лиза не проявила ни малейшего уважения к сим благочестивым мыслям — она стукнула кулачком по гербу на шляпе кучера, сползшей от удара ему на глаза.

— Эй ты, чего раскис, как студень на плите?

В ответ кучер тоже стукнул Лизу.

— Сама ты студень!

— Мордоворот!

— Злюка!

— Пьяница!

Лиза разошлась не на шутку, хохотала и пела, ни на секунду не умолкала. Из озорства поменялась шляпами с Томом и, увидев его в перьях, смеялась до визга. На обратном пути пели «Ведь он же славный парень», и вечерний воздух отзывался многоголосым эхом.

Лиза с Томом и Блейкстоны заняли теперь одно сиденье. Лиза оказалась между Томом и Джимом. Том был совершенно счастлив, он мог бы так всю жизнь ехать, подле Лизы. Постепенно, по мере того как они удалялись от Чингфорда, пение стихало, болтовня становилась менее оживленной, голоса — более тихими. Кое-кто задремал; Салли с Гарри похрапывали в обнимку. Вечер выдался прекрасный, небо приобрело уже ультрамариновый оттенок, звездам не было числа. Лиза

время от времени поднимала глаза к небу — и ее охватывало желание оказаться в чьих-нибудь объятиях или испытать, каковы ласки сильного мужчины; также в сердце ее появлялось странное ощущение — будто оно, сердце, увеличивается. Лиза притихла; Том и Блейкстоны тоже молчали. Затем, очень медленно, очень осторожно, с пониманием, что этак не годится, рука Тома обвилась вокруг ее талии. На сей раз Лиза ничего не имела против. Однако с другого боку тоже началось копошение, и другая рука стала гладить Лизу по бедру, и другая ладонь опустилась на ее пальцы. Рука эта принадлежала Джиму Блейкстону. Лиза чуть вздрогнула и уже не могла унять дрожь. Том это заметил.

— Лиза, ты озябла, да? — прошептал он.

— Нет, Том, мне тепло, просто потряхивает маленько.

Том крепче обнял ее за талию, и в это же время большая жесткая ладонь стиснула ее ладошку. Так Лиза и сидела, меж двух мужчин, пока платформа не достигла «Красного льва», что на Вестминстер-Бридж-роуд, и Том не сказал себе: «А все-таки я ей нравлюсь!»

Они спустились с платформы, пожелали друг другу доброй ночи. Салли и Лиза, со своими вер-

ными рыцарями и четой Блейкстонов, пошли домой. На углу Вир-стрит Гарри предложил Тому и Джиму:

— А что, парни, не пропустить ли нам по стаканчику, пока паб не закрылся?

— Я не прочь, — отвечал Том. — Только сначала проводим девушек.

— Тогда нам до закрытия не успеть, — возразил Гарри. — Считанные минуты остались.

— Нельзя же девушек бросить посреди улицы.

— Валяйте, бросайте, — вмешалась Салли. — Мы за себя постоим, если что.

Том не хотел расставаться с Лизой, но она поддержала Салли:

— Иди уже, Том. Никто нас с Салли не съест. А ты можешь опоздать.

— Доброй ночи, Гарри, — сказала Салли, как бы ставя точку в разговоре.

— Доброй ночи, старушка, — отвечал Гарри. — Давай, чмокни меня на сон грядущий.

И Салли, отнюдь не против своего желания, прижалась к Гарри, а он звонко расцеловал ее в обе щеки.

— Доброй ночи, Том, — сказала и Лиза, протягивая руку.

— Доброй ночи, Лиза, — отвечал Том, с тоскою

во взгляде беря ее ладошку.

Лиза поняла, мило улыбнулась, подставила личико. Том наклонился к ней, обнял и страстно поцеловал.

— Какая ты сладкая! — воскликнул он, чем вызвал смех Салли, Гарри и Блейкстонов.

— Спасибо, что вытащил поразвлечься, — сказала Лиза.

— Всегда рад, — ответил Том и добавил вполголоса: — Благослови тебя Господь.

— Блейкстон, ты с нами? — спросил Гарри, видя, что Джим с женой уходят.

— Не, мы домой. Завтра подъем в пять утра.

— Эк он здоровье бережет, — презрительно прокомментировал Гарри, шагая с Томом к пабу. Блейкстоны, Лиза и Салли пошли в противоположную сторону.

Первым по пути был дом Салли. Через несколько ярдов они оказались возле дома Блейкстонов. С минуту поболтали у дверей, и Лиза пожелала супругам доброй ночи. Дальше ей предстояло идти одной. На улице было очень тихо, редкие фонари струили тусклый свет, который только заставлял Лизу острее чувствовать одиночество. Какой контраст с полдневной улицей, когда люди так и снуют, а иной раз собираются группками!

Теперь Вир-стрит будто вымерла. Лизе сделалось не по себе. Два ряда совершенно одинаковых домов, два ровных тротуара и прямая цементная дорога показались ей пр*о*клятым местом, словно здесь недавно свирепствовала чума, или пожар не оставил в живых ни единой души. Вдруг сзади раздались шаги. Лиза вздрогнула и оглянулась. Ее нагонял мужчина; в следующую секунду она узнала Джима. Джим махал ей, потом глухо позвал по имени.

Лиза остановилась и ждала, пока он подойдет.

— Вы чего?

— Пришел пожелать тебе доброй ночи, Лиза.

— Вы ж только что пожелали.

— Не, я хочу по-настоящему пожелать.

— Где ваша жена?

— Дома. Я сказал, что передумал и иду промочить горло с ребятами.

— Так она ж узнает, что вас не было в пабе.

— Не узнает. Она сразу наверх пошла, поглядеть, как там наш меньшой. А я хотел с тобой одной говорить, Лиза.

— Почему?

Джим не ответил, зато попытался взять Лизу за руку. Лиза не позволила. Они пошли дальше молча и вскоре достигли ее дома.

— Доброй ночи, — сказала Лиза.

— Может, еще прогуляемся, а, Лиза?

— Тише вы — услышат, — прошептала она, сама не зная, зачем шепчет.

— Так прогуляемся?

— Нет. Вам вставать в пять часов, забыли?

— Это я для отмазки сказал, чтоб с ребятами не ходить.

— И чтоб пойти за мной? — уточнила Лиза.

— Ну да!

— Не пойду я с вами гулять. Доброй ночи.

— Нет, пожелай мне доброй ночи как следует.

— А как следует?

— Том сказал, ты сладкая.

Лиза смотрела на него молча, и Джим вдруг схватил ее, почти поднял над землей и стал целовать. Лиза отворачивалась.

— Губы, Лиза! Дай мне свои губы! — шептал Джим. — Дай мне свои губы!

Он взял ее лицо в ладони (Лиза больше не сопротивлялась) и поцеловал в губы.

В конце концов Лиза высвободилась, распахнула дверь и скрылась в доме.

6

На следующее утро, по дороге на фабрику, Лиза столкнулась с Салли. Обе после вчерашнего были помятые и совершенно разбитые. Челки висели грязными сосульками и лезли в глаза, остальная масса волос, кое-как прихваченных в неопрятный узел, лезла за воротник и грозила вовсе развалиться. Лиза не успела надеть шляпу и несла ее в руке. Салли свою шляпу приколола по бокам, но неудачно — приходилось то и дело давить на булавки, чтобы шляпа не свалилась. Сама Золушка после двенадцатого удара часов не преобразилась до такой степени, как наши героини; впрочем, бедная сиротка и в латаных-перелатаных обносках являла образчик опрятности, меж тем как на платье Салли, бесформенном и неряшливом, красовалась огромная дыра, а Лизины сползшие чулки закрывали шнуровку башмаков чуть ли не до половины.

— Привет, Сэл! — сказала Лиза.

— Ой, как у меня нынче голова болит! — пожаловалась Салли и повернулась к Лизе зеленоватым, опухшим лицом.

— Я тоже паршиво себя чувствую, — созналась Лиза.

— Не надо было мне столько пива пить, — добавила Салли и скривилась, ибо голову словно пулеметная очередь прошила.

— Ничего, скоро полегчает, — попыталась утешить подругу Лиза.

Тут часы громко пробили восемь, и девушки бросились бегом, чтобы успеть взять жетоны и не лишиться дневного заработка; они свернули на улицу, которую венчала фабрика, и увидели еще с полсотни женщин, подобно им со всех ног бегущих на работу.

Все утро Лиза была точно полумертвая. Работала кое-как; собственная голова казалась куском свинца, через который при малейшем движении проходит электрический разряд; во рту пересохло, язык стал втрое толще. Наконец наступил обеденный перерыв.

— Пошли, Сэл, выпьем пивка. Не могу больше, сейчас кончусь.

Девушки поспешили в ближайший паб, и каждая выпила свою пинту одним глотком. Лиза испустила глубокий вздох облегчения.

— Как бодрит, верно, Сэл?

— Еще бы! Кстати, Лиза, я ж тебе еще не расска-

зала. Вчера вечером он таки дозрел.

— Кто?

— Гарри, кто ж еще. Говорю, он дозрел.

— Предложил пожениться? — улыбнулась Лиза.

— То-то и оно.

— Ну а ты что?

— А что я? Я согласилась, — отвечала Салли. — Помнишь, я говорила, что обскачу тебя? Так и вышло.

— Поздравляю, — сказала Лиза и задумалась.

— Знаешь, Лиза, что я тебе посоветую? Выходи-ка ты за Тома, он хороший парень. — Салли хотелось и жизнь подруги устроить.

— Выйду за того, который понравится. И знаешь, Салли, что я тебе посоветую? Не суй свой нос в чужой вопрос.

— Ладно, ладно, Лиза; не пойму, чего ты кипятишься. Я ж по-дружески.

— Никто тебя не просил, ни по-дружески, ни по-вражески.

— Просто я вчера поглядела: вы с Томом вроде ладите, ну и подумала, что он все ж тебе по сердцу.

— Это я ему по сердцу, а не он мне. Я его не просила предложение делать.

— Я тоже моего Гарри не просила.

— А кто говорит, что ты просила?

— Ты, я погляжу, нынче не в духе, — рассердилась Салли.

Пиво взбодрило Лизу; в цех она вернулась уже без мигрени. Если не считать легкой слабости, она чувствовала себя не хуже, чем во время пикника. За работой Лиза прокручивала в памяти вчерашние события — и вскоре обнаружила, что все мысли ее занимает Джим Блейкстон. Вот он идет рядом с ней по лесу; следит, чтоб ни тарелка, ни кружка ее не пустовали; играет на гармонике, поет, острит и, наконец, по дороге домой прижимается к ней мощным телом, гладит ее руку своей большой, шершавой рукой, в то время как Том с другой стороны обнимает ее за талию. Том! Лиза только сейчас вспомнила о его существовании; не успев вынырнуть из тени Блейкстона, Том опять оказался Блейкстоном задвинут. Наконец в Лизиных воспоминаниях очередь дошла до прощания возле паба, до пожеланий доброй ночи, а там и до торопливых тяжелых шагов за спиной, и до объятий, и до поцелуя. Лиза вспыхнула и быстро огляделась, не заметил ли кто-нибудь из девушек ее румянца. Она только и думала что о сильных руках Джима; она до сих пор ощущала,

как темная борода колет ей рот. Сердце опять стало увеличиваться в груди, Лиза дышала прерывисто и даже закинула голову, словно для поцелуя. Видение было такое яркое, что Лиза вздрогнула всем телом.

— Лиза, ты чего дрожишь? — спросила одна из девушек. — Ты не заболела?

— Да что-то не по себе, — отвечала Лиза, краснея при мысли, что кто-то мог разгадать ее тайные желания. — Взмокла, прям хоть выкручивай.

— Ты, верно, вчера в лесу простыла.

— Видела я нынче утром этого твоего.

Лиза вздрогнула.

— Какого еще этого моего? Ты о ком?

— О Томе, о ком же еще? Чтой-то бледный он был, аж впрозелень. Признавайся, что ты с ним сделала?

— Если он бледный, я тут ни при чем.

— Ага, рассказывай!

Прозвенел звонок, и девушки, побросав работу, поспешили вон из цеха. У фабричных ворот они разбились на стайки, немного посплетничали и разошлись в разных направлениях, по домам. Лизе с Салли было по пути.

— А мы пойдем на этот спектакль! — воскликнула Салли, указывая на афишу.

— Верно, стоящая вещь. Я б тоже посмотрела, — протянула Лиза. Рука в руке, девушки замерли перед аляповатой афишей. На ней были изображены две комнаты с коридором; в одной комнате на полу лежал мертвец, над которым склонялись двое с искаженными от ужаса лицами, в то время как в коридоре, стучась в дверь, стоял молоденький мальчик.

— Видишь, тут убивство! — в восторге прошептала Салли.

— Вижу, небось не глупей тебя. А этот чего в коридоре застыл?

— Какой милашка, да? Мы с Гарри пойдем смотреть; наверно, пойдем. Ужас как интересно! Гарри уже обещал.

Они двинулись дальше; от дома Салли Лиза шла одна. Она знала, что ей предстоит миновать дом Джима; может, она его увидит. Но тут на глаза ей попался Том — он шел как раз навстречу, и Лиза, прежде чем ее заметили, развернулась и поспешила в обратном направлении. Потом сообразила, что ведет себя глупо, снова развернулась. Видел ли Том ее? Видел ли ее дурацкий маневр? Лиза подняла глаза. Тома уже не было на улице; значит, не видел; значит, шел к приятелю. Лиза ускорила шаг, миновала дом Джима, не удержа-

лась, чтоб не задрать голову к его окнам. Джим стоял в дверях и с улыбкой наблюдал за ней.

— Ой, мистер Блейкстон, я вас не заметила, — сказала Лиза.

Джим шагнул к ней.

— Так уж и не заметила? А если честно? Кстати, я ждал, чтоб ты голову подняла. Я тебя нынче уже видел.

— Не может быть! Где?

— Мимо проходил, когда ты да твоя подружка на афишу глазели.

— Я не заметила.

— Знаю. Ты как раз говорила: «Верно, стоящая вещь. Я б тоже посмотрела».

— Ну да, я бы не прочь.

— Тогда пойдем вместе.

— С вами?

— Ну да, а что такого?

— Я бы пошла, только как же ваша жена?

— Она не узнает.

— Соседи скажут.

— Не скажут; нас никто не увидит.

Джим говорил вполголоса; соседи определенно не могли его слышать.

— Встретимся возле театра, — продолжал Джим.

— Нет, нельзя мне с вами — вы женатый человек.

— Я ж тебя всего-навсего в театр приглашаю. А моя жена все равно не сможет пойти, даже если захочет — на ней дом и дети.

— Я бы с удовольствием посмотрела пьесу, — задумчиво повторила Лиза.

Они добрели до ее дома, и Джим сказал:

— Выходи нынче вечером — скажешь мне, пойдешь или не пойдешь. Хорошо, Лиза?

— Нет, вечером я не выйду.

— В этом никакого вреда. Я буду ждать.

— Что толку? Я ж сказала: не выйду.

— Послушай, Лиза, в следующую субботу последний спектакль. Я так и так собираюсь посмотреть. Если надумаешь, подходи к театру в полседьмого. Я буду ждать. Согласна?

— Нет, — твердо отвечала Лиза.

— Я буду очень ждать.

— Я не приду, очень вы будете ждать или не очень. — И с тем Лиза захлопнула за собой дверь.

Миссис Кемп еще не вернулась с дневных заработков, и Лиза стала готовить ужин. Скучно, подумала она, ужинать в одиночестве; поэтому, налив большую кружку чаю и капнув туда сгущенного молока, а также отрезав изрядный

ломоть хлеба и намазав его маслом, Лиза вышла и уселась на крыльце. С верхнего этажа спустилась соседка; увидев Лизу, села рядом и завела разговор.

— Ой, миссис Стэнли, где это вы голову разбили? — спросила Лиза при виде повязки на соседкином лбу.

— Вчера вечером упала, — ответила миссис Стэнли и покраснела.

— Наверно, больно, да? Как же вас угораздило?

— Споткнулась об ведро для угля, и так летела, что любо-дорого.

— Бедняжка!

— По правде говоря, я вчера с мужем повздорила. Не очень-то приятно в таком признаваться, только ты ведь никому ни словечка, верно, Лиза?

— Буду нема как рыба! — воскликнула Лиза. — Только я не знала, что ваш муж дерется.

— Трезвый-то он смирнее ягненка. — Миссис Стэнли поспешила на защиту. — А как выпьет лишнего — сущий дьявол, прости, Господи. Всегда так — либо агнец, либо сатана.

— Вы вроде недолго женаты? — уточнила Лиза.

— Всего полтора года, а уже такое недостойное поведение — мне так доктор сказал. Видишь,

Лиза, мне пришлось к доктору идти. Господи, сколько крови было! Прям по лицу текла, точно вода, как трубу прорвет. Ну и струхнул же мой благоверный! Я ему сказала: вот в полицию заявлю, будешь знать! Сижу на полу, кровища-то так и хлещет, точно из резаного поросенка, а я все ж кулак стиснула и говорю: как пить дать, в тюрьму тебя упеку! А он: Китти, не надо, пожалуйста; мне ж три месяца дадут. И правильно, говорю, и поделом. Встала и в больницу пошла. Только, видит Бог, не могу я на него в полицию заявить. Я ж знаю: он не хотел. Он, когда трезвый, смирней ягненка! — И миссис Стэнли изобразила улыбку любящей жены.

— Ну а потом? — спросила Лиза.

— Потом я пошла в больницу, а там доктор и говорит: бедняжка вы, бедняжка, говорит; по-моему, рана очень опасная. Нет, ты представь, такое слышать, когда я замужем-то всего полтора года! Я, стало быть, доктору все рассказала, а он мне этак в глаз смотрит и спрашивает: а скажите, говорит, миссис, вы сами-то пьете? А мне так обидно стало, я и отвечаю: я, отвечаю, доктор, сама не пью. Не стану говорить, будто я ни капли в рот не беру, нет, зачем же. Я люблю пиво, мне мой стакан пива каждый день вынь да положь, а как

иначе? Сколько я работаю, надо ж мне подкрепляться. Но чтоб пить? Да трезвее меня женщины во всем Лондоне не сыщешь! Вот мой первый муж, тот капли в рот не брал. Это человек был, настоящий джентльмен. Настоящий джентльмен, говорю, даже по праздникам ни-ни…

Миссис Стэнли наступила на горло собственной песне и обратилась к Лизе:

— Совсем не то был мой первый муж, что нынешний. Из тех, что лучшую жизнь знавали. Одно слово: джентльмен!

Для усиления эффекта миссис Стэнли сопроводила слово «джентльмен» энергичным кивком.

— Джентльмен, говорю тебе, и христианин. Лучшие времена знавал, образование получил, и за двадцать два года в браке ни-ни, даже по праздникам…

Эта фраза ознаменовалась появлением Лизиной матери.

— Добрый вечер, миссис Стэнли, — вежливо поздоровалась миссис Кемп.

— И вам вечер добрый, миссис Кемп, — с тою же учтивостью отвечала миссис Стэнли.

— Как нынче ваша голова? — сочувственно поинтересовалась Лизина мать.

— Ох, не спрашивайте! Раскалывается. Просто

хоть оторви да выбрось.

— Вашему мужу должно быть стыдно, вот что я вам скажу, миссис Стэнли.

— Не думайте, миссис Кемп, я вовсе не из-за удара переживаю. А из-за того я переживаю, миссис Кемп, что он мне наговорил. Битье — чепуха; мы ли не женщины, мы ли удар-другой не снесем? Пусть себе колотит, главное, чтоб не по злобе; я крепкая, с меня как с гуся вода. Я и сама первого своего мужа поколачивала; бывало, и фингал ему поставлю, так ведь это любя. А нынешний? Какими только словами он меня не обзывал, я думала, со стыда сгорю. Я, миссис Кемп, к этакому обращению непривычная, со мной никто так не смел разговаривать. Я при первом-то муже хорошо жила, он у меня два, а то три фунта в неделю зарабатывал. Нынешнему-то я нынче утром так и сказала: раз ты этакие слова говоришь, значит, ты не джентльмен, не то что…

— С мужем завсегда держи ухо востро, будь он хоть сахарный, хоть медовый, — афористически уронила миссис Кемп. — Пойду, пожалуй — мне вечерний воздух не на пользу.

— Стало быть, ревматизм вас пуще мучает? — посочувствовала миссис Стэнли.

— Ой, мучает! Лиза меня всякий день растир-

кой растирает, а толку чуть.

За сим миссис Кемп вошла в дом, а Лиза осталась разговаривать с миссис Стэнли. Вскоре и миссис Стэнли должна была идти. Некоторое время Лиза сидела, ни о чем не думая, глядя прямо перед собой, смакуя вечернюю прохладу. Но подолгу Лиза одна быть не могла. На улице появились мальчишки с битой и мячом и прямо напротив Лизиного дома наладились играть в крикет. Они свалили куртки в две кучи; этим приготовления и ограничились.

— Эй, подруга, давай с нами! — позвал Лизу один из мальчиков.

— Не, Боб, я устала.

— Вот и отдохнешь!

— Говорю же: не пойду.

— Она вчера перебрала, теперь у ней похмелье, — предположил другой мальчик.

— Я тебе покажу похмелье! — рассердилась Лиза.

На третье предложение сыграть в крикет она ответила:

— Отстаньте от меня, смерть как надоели!

— Лиза нынче не в духе, ну ее совсем, — подытожил третий член крикетной команды.

— Я бы на твоем месте пива не пил, — добавил,

с издевательской назидательностью, четвертый, — Это дурная привычка, Лиза, так и знай; она до добра не доведет. — И сорванец прошелся пошатываясь, точно пьяный.

Будь Лиза «в настроении», она бы не преминула показать им всем, почем фунт лиха; но она устала, хотела, чтоб ее оставили в покое, вот и не отпустила ни единой колкости. Вскоре мальчики увидели, что Лизу ничем не проймешь, и занялись своим крикетом. Лиза некоторое время наблюдала за игрой, потом мысли ее улетели прочь от крикетного поля, и постепенно их снова заполнила крупная фигура. Иными словами, Лиза опять думала о Джиме.

«Вот же, догадался пригласить на спектакль. Молодец, сказала себе Лиза. — А Тому это и в голову не пришло!»

Джим сказал, что выйдет нынче вечером; значит, скоро должен появиться, думала Лиза. Конечно, она с ним в театр ни ногой; но поговорить-то не возбраняется. Лиза вообще любила, когда ее упрашивают, чтоб можно было упираться; почему лишний раз не повредничать с Джимом? Но Джим все не шел, а ведь обещал!

— Эй, Билл! — Лиза не выдержала, окликнула ближайшего к ней мальчика. — Знаешь ты

Блейкстона, что недавно переехал?

— Как не знать, мы в одном цеху работаем.

— А чем он вечерами занимается? Что-то его не видно.

— А я что, слежу за ним? Нынче вроде в «Красного льва» пошел. Должно, еще там.

Значит, Джим не придет. Конечно, Лиза же сказала, что вечером будет дома, но прийти-то можно — проверить хотя бы.

«А вот Том непременно бы пришел», — мрачно сказала себе Лиза.

— Лиза! Лиза! — позвала в окошко миссис Кемп.

— Иду, мам! — отвечала Лиза.

— Я тебя битых полчаса дожидаюсь! Разотри меня!

— Что ж ты не позвала?

— Я звала, аж голос сорвала. Уж не знаю, сколько времени прошло, а ты и ухом не ведешь.

— Да не слыхала я.

— Не хотела слышать, так и скажи. Мать, почитай, от ревматизмы всякую минуту Богу душу отдать может, а ей что за печаль? Сидит, мечтает…

Лиза не стала отвечать, взяла пузырек, капнула на ладонь жидкости и принялась растирать

ревматические суставы миссис Кемп под жалобы и воркотню, неизменно сопровождавшие всякое Лизино занятие.

— Да не дави ты так — кожу сдерешь!

Когда же Лиза начинала массировать мягче, миссис Кемп придумывала новую придирку:

— Что ты еле возишь? Этак лекарствие не подействует. Конечно, тебе лень, белоручка; для матери лень пальцы-то напрячь лишний раз. Вот когда я была молодая, девушки не гнушались тяжелой работы, только тебе и нужды нет, что мать от ревматизмы всякую минуту может Богу душу отдать…

Наконец процедура была закончена, и Лиза легла спать рядом с матерью.

7

Прошло два дня, наступила пятница. Утром Лиза рано поднялась и явилась на фабрику вовремя. Правда, по пути ей не встретилась верная подруга Салли; не было Салли и на фабрике. Прозвучал сигнал начинать работу, девушки поспешили в цех, а Салли все не появлялась. Лиза не знала, что и думать; а ну как Салли не успеет, дверь закроют, и пропал заработок за целый день? Наконец, когда табельщик уже захлопывал свое окошко, влетела, отдуваясь, Салли, вся мокрая и красная.

— Уф! Господи, как же жарко! — выдохнула она и отерла лицо передником.

— Я думала, ты не придешь, — сказала Лиза.

— Еле успела — проспала. Вчера поздно домой пришла.

— Это откуда же?

— Мы с Гарри были в театре. Ох, Лиза, что за спектакль! В жизни ничего интересней не видала! Кровь стынет в жилах, какая жуть. Прям на сцене человека вешают! У меня мурашки так и бегали, так и бегали!

И Салли принялась пересказывать пьесу, сбив-

чиво и восторженно. Все было в ее рассказе — кровь, взрыв и стрельба, железная дорога, убийство, бомба, герой, комик. Салли, все еще под впечатлением, путалась, декламировала целые диалоги (разумеется, шиворот-навыворот), жестикулировала. Глаза у нее сверкали, щеки горели. Лиза слушала с мрачным лицом; детали, выдаваемые подругой, ее утомляли; пьеса казалась уже далеко не такой стоящей.

— На тебя посмотреть — так подумаешь, ты сроду в театре не бывала, — заметила Лиза.

— Просто я никогда не видела таких спектаклей. Мой тебе совет: обязательно вытащи Тома.

— Что-то расхотелось. И вообще, я всегда могу сходить одна, зачем мне Том?

— Как это зачем? Одной такое смотреть — не то дело. Вот мы с Гарри — сели рядышком, он меня за талию обнял, я его за руку взяла… Приятно ж!

— А мне неприятно, когда меня лапают, так и запомни.

— Мне-то мой Гарри по сердцу. Ты просто не знаешь, какой он бывает. И вообще, мы через три недели женимся. Гарри, он сказал, что получит позволение. А я говорю: пускай в церкви оглашение будет, как положено; так что в следующее воскресенье наши имена огласят. Придешь по-

слушать?

— Приду, отчего не прийти?

Вечером по пути домой Салли подтащила Лизу к афишной тумбе и взялась объяснять изображенное на афише.

— Ты мне своей «Роковой картой» уже все уши прожужжала! Отстань, я домой пойду! — воскликнула Лиза. И пошла, оставив Салли с раскрытым на полуслове ртом.

— И что это такое с Лизой? — пожаловалась Салли близкой подруге. — Она всякий день теперь не в духе.

— Злится, а чего злится, непонятно, — согласилась подруга.

— Временами она будто с цепи сорвалась, — подытожила Салли.

Лиза шла, думая о пьесе, и то и дело нетерпеливо встряхивала головой.

— Не нужен мне этот спектакль; и вообще, я в театре ничего не забыла. Если мне этот Джим попадется, так ему и скажу! Вот чтоб мне провалиться, если не скажу!

Джим ей попался — он курил в дверях своего дома. Лизе показалось, Джим ее заметил, и она сделала вид, что сама его не замечает. К Лизиному разочарованию, Джим не окликнул ее, и девушка

уже начала думать, что, может, он и правда ее не видит, как вдруг услышала свое имя:

— Лиза!

Она обернулась и уставилась на Джима с отлично сымитированным удивлением.

— Ой, а я вас не заметила!

— Или притворилась, что не заметила? Признайся, Лиза — притворилась, да?

— Очень мне надо притворяться.

— Ты вроде как сердишься на меня?

— С чего бы мне сердиться?

Он попытался взять ее за руку, но Лиза руку отдернула. В последнее время она это движение довела до автоматизма. Они пошли по улице; Джим почему-то говорил о чем угодно, только не о театре. Лиза только дивилась; с другой стороны, может, он забыл?

— А Салли вчера вечером на спектакль ходила, — наконец не выдержала Лиза.

— Вот как! — только и сказал Джим.

Лизе стало досадно.

— Ну все, мне пора.

— Погоди, не уходи. Хочу с тобой поговорить.

— О чем? О чем-то особом? — Нет теперь она его расколет; она не она будет если не расколет.

— Да нет, просто поболтать, — улыбнулся

Джим.

— Тогда спокойной ночи! — отрезала Лиза и пошла прочь. Про себя она подумала: «Какая же я дура. Он точно забыл». И ускорила шаг.

На следующий вечер, часов в шесть, Лиза вспомнила, что нынче «новую сенсационную драму» дают в последний раз.

«Хорош гусь этот Джим Блейкстон, — сказала себе Лиза. — Сам пригласил, и сам же в кусты. Вот Том — Том бы никогда так себя не повел. Чтоб мне провалиться, если еще с Блейкстоном заговорю, с этим, с этим… Теперь я вовсе не увижу „Роковую карту“. Хотя я ведь и одна могу пойти. Кто мне помешает? Нет, подумать только: сам пригласил, и сам в кусты!»

Лиза кипела от возмущения. С другой стороны, она ведь сама наотрез отказалась пойти с Джимом; правда, теперь не понимала почему.

«Он сказал, будет ждать возле театра. Интересно, он уже там? Сходить, что ли, посмотреть? Почему нет? Вот возьму и схожу, и никто меня не остановит. И если только этот Блейкстон там стоит, я мимо него пройду и не замечу. Будет знать!»

Лиза нарядилась в лучшее платье и, чтоб не попасться на глаза соседям, проскользнула в про-

улок, застроенный ночлежками. Таким кружным путем Лиза вышла на Вестминстер-Бридж-роуд и вскоре была у театра,

— Я тебя целых полчаса жду.

Лиза обернулась. Перед ней стоил Джим.

— Никто вас не просил ждать, Я с вами на спектакль не пойду. Вы что себе вообразили?

— И с кем же ты пойдешь?

— Ни с кем. Одна.

— Одна? Лиза, не валяй дурака.

Лизе стало очень обидно.

— Ах, дурака? Лучше я домой пойду, раз вы так. Вы… ты почему вечером не пришел, ну, тогда?

— Ты ж сама сказала не приходить.

Лиза только фыркнула, до того глупый был ответ.

— А вчера почему ничего не сказал про спектакль?

— Я подумал, если промолчать, тогда ты наверняка придешь.

— Ах ты… ах ты… ах ты гад! — Лиза чуть не плакала.

— Да ладно тебе, Лиза, не сердись. Я не хотел тебя обидеть.

И Блейкстон обнял ее за талию и повел к двери на галерку. Две слезинки скатились по Лизиному

носику, но она чувствовала такое облегчение и такое довольство, что позволила бы Блейкстону вести себя куда угодно.

У двери собралась изрядная очередь. К восторгу Лизы, коротать время до спектакля публике помогали двое негров. Негры пели, танцевали и строили рожи; публика проявляла благосклонность, как королевская семья к братьям Решке[10], и не скупилась на аплодисменты и полупенсовики. Затем, когда за неграми закрылась дверь, ведущая к оркестровой яме, явились мальчишки со свежими номерами «Тит-Битс» и «специальными выпусками»; их сменили три девочки с жалостными песенками; каждый получил свою долю полупенсовиков. Наконец очередь содрогнулась (будто огромная змея рывком заглотила жертву), за дверью послышался звонок, все както собрались, напряглись, каждый джентльмен велел своей даме крепче вцепиться ему в локоть, были отперты несколько засовов и замков, и двери распахнулись, и бурный людской поток устремился в зрительный зал.

Еще каких-нибудь полчаса ожидания — и зана-

[10] Примечания: 10

Ян Мечислав и Эдуард Решке (Reszke) — знаменитые польские оперные певцы (тенор и бас), выступавшие в Королевском оперном театре с 1889 по 1900 г.

вес пополз вверх. Пьеса действительно оказалась очень захватывающая. Лиза и думать забыла о своем спутнике, она вся была зрение и слух. Она едва дышала, от возбуждения ее потряхивало, особенно в знаменитой сцене повешения. Когда кончился первый акт, Лиза перевела дух и утерла лицо.

— Уф, вся взмокла! — воскликнула она и сунула Джиму потную ладошку.

— Ничего себе! И впрямь! — Джим поспешно стиснул ей пальцы.

— Эй, ну-ка пусти! — прикрикнула Лиза, вырываясь.

— Еще чего, — весьма дерзко отвечал Джим.

— Пусти, кому говорю!

Но Джим не пускал, да и Лиза протестовала не слишком решительно.

Начался второй акт. Теперь Лиза покатывалась над комиком; смеялась до визга, так что на нее оглядывались и говорили:

— Верно, девчонка от души веселится.

Когда дошло до сцены убийства, Лиза все ногти себе изгрызла. На лбу ее выступили крупные капли пота; она настолько забылась, что предупредила будущую жертву криком «Берегись!». Это вызвало смех и некоторый спад напряжения

в зале, ибо все зрители до единого затаив дыхание следили за двумя злодеями, которые сперва подслушивали под дверью, а затем крались бесшумно, как тигры, что выследили добычу.

Дрожащая Лиза искала защиты в объятиях Джима, который бесстрашно шепнул ей:

— Со мной тебе нечего бояться.

И вот убийцы набросились на жертву, завязалась схватка, и бедняга был повержен. Именно эту сцену изображала афиша — сын убитого стучится в комнату, где злодеи застыли над мертвым телом. Наконец занавес был опущен. Зал выдохнул, как один человек, раздались бурные аплодисменты. Симпатичного героя в цилиндре встречали крики «Так держать!» и «Молодчина!»; жертва в порванной сорочке удостоилась зрительского сочувствия, а при выходе на поклон убийц зал разразился свистом, топотом и возгласами «По-ве-сить! По-ве-сить!», в то время как бедные злодеи кланялись и делали вид, что крайне довольны.

— До чего славно развлеклась, — заметила Лиза, прижимаясь к Джиму. — Хорошо, что ты меня вытащил, Джим; спасибо тебе.

Джим обнял ее, и Лиза поймала себя на мысли, что именно так Салли сидела со своим дружком, а

главное, что ей, как и Салли, так сидеть приятно.

Антракты были короткие; вскоре занавес опять подняли, комик собрал привычный урожай смеха тем, что снял сюртук и продемонстрировал публике свои панталоны; комика сменила трагическая сцена. В заключительном акте имели место темная комната, жребий и взрыв.

Когда все закончилось, уже на улице, Джим облизнул губы и сказал:

— Совсем в горле пересохло. Давай в паб заскочим?

— Я тоже пить хочу, — отозвалась Лиза, и они пошли в паб.

В пабе они поняли, что еще и голодны, соблазнились сосисками в тесте, которые запили парой пинт пива; затем Джим закурил трубку. Они побрели к Вестминстер-Бридж-роуд. Вскоре Джим предложил зайти еще выпить, пока пабы не закрылись.

— Не, с меня хватит, — сказала Лиза.

— Ничего, если и переберешь маленько, — рассмеялся Джим. — Завтра выходной — отоспишься.

— И то верно. Семь бед — один ответ.

Однако у дверей паба Лиза пошла на попятный.

— Слышь, Джим, там небось соседей полно; нас увидят.

— Нет там никаких соседей, не дрейфь.

— Я не пойду. Я боюсь.

— Даже если нас и увидят — разве мы что плохое делаем? И вообще, можно сесть в отдельной кабинке. Тогда мы будем одни.

Лиза сдалась, и они вошли в паб.

— Мисс, будьте добры, две пинты горького, — заказал Джим.

— Я больше полпинты не выпью, сразу предупреждаю, — заявила Лиза.

— Да ладно тебе, — ободрил Джим. — Выпьешь, куда денешься.

После закрытия паба они брели по широкой улице к дому.

— Давай присядем, отдохнем. — Джим кивнул на свободную скамейку под деревьями.

— Нет, уже поздно. Мне домой надо.

— Погода такая хорошая, обидно задыхаться в четырех стенах. — И Джим без труда увлек Лизу на скамейку. И обнял за талию.

— Руки прочь, злобомышленник! — Лиза выдала фразу из пьесы так, как поняла ее. Джим только рассмеялся, и Лиза больше не делала попыток освободиться.

Они долго сидели молча. Пиво ударило Лизе в голову; теплый вечерний воздух пьянил едва ли не сильнее. Большая рука обнимала Лизу за талию; сбоку привалилось крепкое, тяжелое тело. Лиза снова испытывала странное ощущение — будто сердце сейчас разорвется. Лизе было душно, томно и в то же время больно — так обычно простуда начинается. Руки задрожали, дыхание участилось, воздуха не хватало. Едва не теряя сознание, Лиза всем телом подалась к Джиму; в следующую секунду ее забила крупная холодная дрожь. Джим навис над ней, обнял обеими руками, запечатлел на губах долгий страстный поцелуй. Когда он разомкнул губы, чтобы сделать вдох, Лиза отвернулась и тихонько застонала.

Потом они опять долго сидели в молчании. Лизу переполняло незнакомое прежде ощущение счастья; она бы хохотала, громко, до колик, если б не боялась нарушить ночную тишину. Совсем рядом, на церковной башенке, пробили часы.

— Господи! — воскликнула Лиза. — Час ночи! Мне надо домой.

— Здесь так хорошо! Останься, Лиза, побудь еще! — Джим крепче обнял ее. — Лиза, я люблю тебя. Я не могу без тебя жить.

— Нет, мне надо домой. Пойдем. — Она вскочи-

ла, потащила Джима за руку. — Пойдем же.

Молча они двинулись к Вир-стрит. Никого не было — ни впереди, ни позади; никто не мог их видеть. Джим больше не обнимал Лизу, они просто шли рядом, но все же не касаясь друг друга. Первой заговорила Лиза.

— Иди по Вестминстер-Бридж мимо церкви. На Вир-стрит попадешь с той стороны. А я пойду переулком, чтоб никто нас вместе не увидел… — Лиза почти шептала.

— Хорошо, Лиза, — согласился Джим. — Сделаю, как ты велишь.

Они подошли к переулку, о котором говорила Лиза. Это был узкий проход между глухих стен, иными словами, фабричные задворки; вел он к началу Вир-стрит. У входа стояли два чугунных столбика, чтобы ни конные повозки, ни ручные тележки сюда не совались.

Лиза и Джим как раз подошли к этим столбикам, когда на пустой улице появился человек. Лиза поспешно отвернулась.

— Как ты думаешь, он нас узнал? — спросила она, когда они с Джимом оказались на достаточном расстоянии. И добавила: — Видишь, оглядывается.

— А кто это?

— Он с нашей улицы, — пояснила Лиза. — Я сама ни с кем из его семьи не вожусь, но знаю, где они живут. Как думаешь, он нас узнал?

— Откуда? Темень такая!

— Но он же оглянулся! Если он нас узнал, завтра вся улица будет языки чесать.

— Мы ничего худого не делали.

Лиза протянула руку, чтобы попрощаться.

— Провожу тебя до дому, — сказал Джим.

— Не надо. Иди к себе.

— Темно; что, как ты в беду попадешь?

— Не попаду. Иди домой, оставь меня.

Лиза шагнула в переулок и остановилась, глядя на Джима. Их разделяли железные столбы.

— Доброй ночи, — сказала Лиза, продолжая тянуть руку.

Джим взял ее ладошку.

— Не хочу, чтоб ты уходила.

— Что ж делать? Я должна идти! — Лиза попыталась высвободиться, но он опустил ее руку на верхушку чугунного столбика и крепко прижал.

— Пусти! Больно!

Блейкстон не шевельнулся, только смотрел ей в глаза откровенно, требовательно. Лизе стало не по себе. Она пожалела, что пошла с ним.

— Пусти руку! — Лиза крохотным своим кулач-

ком принялась молотить железную лапищу.

— Лиза! — с надрывом произнес Блейкстон.

— Что? — Лиза в очередной раз стукнула его по руке.

— Лиза, — Блейкстон перешел на шепот, — я хочу!

— Чего? — Лиза потупилась.

— Сама знаешь. Ну, так как?

— Нет.

Он навис над ней и повторил:

— Так как?

Лиза молчала, только молотила его кулачком по руке.

— Лиза, — Джим говорил хриплым, низким голосом, — Лиза, я хочу.

Она все молчала, прятала глаза и как заведенная била его кулачком. Он поймал ее взгляд. Кулачок застыл в воздухе, Лиза смотрела на Джима с полуоткрытым ртом. Внезапно Блейкстон как бы встряхнулся, ударил Лизу кулаком в живот так, что она зашаталась, и распорядился:

— Пошли.

И они скрылись в темном переулке.

8

Воскресный утренний сон миссис Кемп всегда был несколько крепче и продолжительнее, чем сон субботний или, скажем, пятничный; иначе Лиза в то воскресенье вовсе бы не выспалась. Она проснулась, потерла глаза; постепенно вспомнила, и как ходила накануне в театр, и все остальное. Лиза вытянула ноги и испустила блаженный вздох. Сердце ее переполнял восторг; она думала о Джиме, и по телу разливалась любовная истома. Она закрыла глаза и представила его теплые губы; закинула руки, словно обнимая его за шею, словно приближая к себе; она почти ощущала, как колючая борода касается щек, а сильные крепкие руки подобно тискам обхватили талию. Лиза улыбнулась и снова глубоко вздохнула; затем выпростала руки из ночной рубашки и принялась их рассматривать. До чего худенькие, просто пара косточек, ни мышц, ни жирка; и бледные, все в сложном узоре набухших вен. Лиза не замечала, что кисти у нее огрубевшие, красные, в пальцы въелась грязь, а ногти обломаны, а то и обкусаны до мяса. Она подня-

лась с постели и стала глядеться в зеркало над каминной полкой. Воспользовалась пятерней как расческой, улыбнулась сама себе. Личико у нее было востренькое, зато щечки свежие, белорозовые, а глаза большие, темные, как и волосы. Лиза чувствовала себя ужасно счастливой.

Одеваться не хотелось; хотелось мечтать. Лиза кое-как собрала волосы в узел, набросила юбку прямо на ночную рубашку, села у окна и осмотрела комнату. Большая часть украшений интерьера, имевшихся в распоряжении миссис Кемп, концентрировалась на каминной полке. Основу композиции составляли груша, яблоко, ананас, гроздь винограда и полдюжины пухлых слив, искусно сделанные из воска и весьма популярные в середине этого славнейшего из царствований. Каждый плод был выкрашен в оттенки, предназначенные ему Природой — яблоко щеголяло красными боками, виноградины отливали иссиня-черным, листья цвета малахита придавали композиции законченность. Урожай покоился на подставке «под черное дерево», покрытой черным бархатом, от грязи же и пыли его защищал впечатляющий стеклянный колпак, отделанный красным плюшем. Лизе всегда доставляло удовольствие смотреть на эту

композицию, вот и сейчас при виде ананаса у нее невольно потекли слюнки. Два конца полки уравновешивали два розовых кувшина, расписанных по фасаду голубенькими цветиками; вокруг горлышка готическими золочеными буквами шло пояснение: «Дружеский Подарок». Эти произведения относились к более поздней эпохе, впрочем, столь же не чуждой прекрасному. Промежутки были заполнены кувшинчиками и чайными парами — внутри позолота, снаружи городской вид, по окружности — «Клактон-он-Си в Сердце Носи», или «Вечно Помни Милый Нью-Ромни». Немалое количество этой сувенирной продукции успело разбиться, но было заботливо починено с помощью клея; и вообще, по мнению знатоков, керамика от трещинки-другой в цене не теряет. Еще на каминной полке стояли портреты. С паспарту в бархатных рамках, порой украшенных ракушками, на Лизу смотрели неизвестные личности в старинной одежде, женщины в платьях с корсетами и тесными рукавами, с прямыми проборами в прямых волосах, с печатью суровости на лицах, с твердыми подбородками и узкими губами, с крохотными поросячьими глазками и в морщинах; мужчины, втиснутые в воскресные костюмы, окоченевшие в пристойных позах, каж-

дый с длинными усами, бритыми подбородком и верхней губой и таким выражением, будто на плечах его неподъемная, хоть и незримая ноша. Были здесь и два-три дагерротипа — крохотные фигурки в полный рост, в золоченых рамках. Еще были снимки отца и матери миссис Кемп, а также помолвленных или только что обвенчанных пар — непременно дама сидит, джентльмен стоит, положив руку на спинку ее стула, или джентльмен сидит, дама стоит, положив руку ему на плечо. Снимки эти стояли на каминной полке, висели над ней и на других стенах, а также над кроватью; всякий, оказавшийся в комнате, попадал в оцепление застывших в вечной неподвижности лиц, взятых анфас.

Фоном служили выцветшие от старости обои, в особо критических местах укрепленные цветными приложениями к рождественским выпускам газет. Привлекала внимание пронизанная патриотизмом картинка, изображающая солдата, который тряс руку поверженного товарища, а другою рукой бросал вызов банде арабов. Была

здесь и «Спелая вишня»[11], практически черная от старости и грязи; были два календаря, один с портретом маркиза Лорна[12], изящно одетого красавца, предмета обожания миссис Кемп с самой кончины мистера Кемпа. На втором календаре имелся портрет Королевы, сделанный к Ея юбилею и несколько потерявший в плане величия по причине усов, каковые в приступе непочтительности подрисовала углем наша Лиза.

Мебель составляли рукомойник и узкий комод, служивший также буфетом для кастрюль, сковородок и глиняных горшков, что не уместились на каминной решетке; подле кровати стояли два табурета да лампа. Больше в комнате не было ничего. Лиза все это оглядела и осталась

---

[11] Примечания: 11

Имеется в виду репродукция с популярной картины Дж. Э. Милле, изображающей маленькую девочку с вишнями. Образ и костюм девочки (бело-розовое платье) были позаимствованы с «Портрета Пенелопы Бутби» кисти Дж. Рейнолдса. Пенелопа Бутби, умершая в возрасте пяти лет, в свою очередь, — один из самых известных детских персонажей в английском искусстве. Репродукция в качестве подарка читателям прилагалась к рождественскому выпуску газеты «График».

[12] Примечания: 12

Кэмпбелл, Джон Дуглас Сатерленд (Campbell, John Douglas Sutherland, 1845–1914), маркиз Лорн и герцог Аргайл — с 1878 по 1883 г. генерал-губернатор Канады, с 1892 по 1914 г. — комендант Виндзорского замка. Член палаты общин. Был женат на дочери королевы Виктории принцессе Луизе.

вполне довольна; воткнула булавку в верхний угол благородного маркиза, дабы не допустить его падения, повертела фаянсовые сувениры и стала умываться. Затем оделась, поела хлеба с маслом, залпом выпила кружку холодного чаю и пошла на улицу.

Мальчишки, как всегда, играли в крикет. Лиза направилась прямо к ним.

— Я с вами.

— Валяй, Лиза! — раздалось полдюжины радостных голосов, а капитан команды добавил: — Ступай к фонарю, будешь подачи считать.

— Вот я тебе сейчас самому фонарь поставлю, — вскинулась Лиза. — Сам считай, а я буду отбивать. Иначе не играю.

— Ты и так всегда отбиваешь. Не все коту масленица, — заявил капитан, который не преминул воспользоваться своим положением и уже стоял в калитке.

— Или я буду отбивать, или играйте без меня, — отвечала Лиза.

— Эрни, так тебя и так, пусть она отбивает! — закричали двое-трое членов крикетной команды.

— Ладно, пусть. — Капитан нехотя протянул Лизе биту. — Все равно долго не продержится. — И он отобрал мяч у прежнего подающего. Сомнения

этому юному джентльмену были чужды в корне.

— Мяч за полем! — раздалось с дюжину голосов, когда мяч, не коснувшись Лизиной биты, приземлился на куртки, служившие калиткой. Капитан поспешил вернуть свою очередь, однако Лиза ни за что не отдавала биту.

— Первая подача не считается! — кричала она.

— Ты не говорила, что первая не считается! — возмутился капитан.

— Говорила! Я сказала, когда мяч полетел. Про себя.

— Ладно, пусть, — повторил капитан.

И тут Лиза увидела Тома среди зрителей и, поскольку в то утро была расположена к миру в целом, окликнула:

— Привет, Том! Давай с нами! Будешь подающим, а то здесь у одного руки не оттуда растут!

— Проворонила подачу, так теперь и злишься, — буркнул парнишка.

— Ты меня из игры не исключишь, не на ту напал. А первая подача всегда не в счет, это уж правило такое.

Том подавал очень медленно и мягко, чтобы Лизе не приходилось делать лишних движений. Лиза вдобавок хорошо бегала, и скоро на ее счету было двенадцать очков. Другие игроки стали

выражать недовольство.

— Да он поддается всю дорогу! Он и не хочет ее обыграть!

— Эй ты, все дело нам портишь!

— Плевать, — парировала Лиза. — У меня двенадцать очков — вам столько и не снилось. А теперь мне надоело, я сама из игры выхожу. Пошли, Том.

И они с Томом вышли из игры, а капитан наконец завладел битой. Крикет продолжался. Лиза прислонилась к стене, Том стоял напротив нее, сияющий, как новенький шиллинг.

— Слышь, Том, где прятался? Я тебя сто лет не видала.

— Я не прятался; я тут и был. И я тебя видел, хоть ты меня не замечала.

— Мог бы подойти, сказать «доброе утро». Кто тебе не давал?

— Не хотелось тебя неволить, Лиза.

— Нет, ну не дурак? Скажешь тоже — неволить!

— Я думал, тебе не по нраву, чтоб я на каждом шагу попадался. Вот я и обходил тебя стороной.

— По-твоему получается, я тебя видеть не могу! Думаешь, я бы поехала с тобой на пикник, если б ты мне не нравился?

Лиза отчаянно лукавила; но в то утро она была так счастлива, она весь мир обожала, и Том шел в комплекте. Она смотрела нежно, и до того довела парня, что у него комок к горлу подступил, и он слова вымолвить не мог.

Лиза взглянула на дом, где жил Джим, и увидела в дверях девушку примерно одних с собой лет; девушка показалась ей удивительно похожей на Джима.

— Слышь, Том, глянь-ка туда — это не Блейкстонов дочка вышла?

— Она самая.

— Пойду поболтаю с ней. — И Лиза бросила Тома и направилась к девушке.

— Ты Полли Блейкстон, верно?

— Верно! — отвечала Полли.

— Я так и подумала. Твой папа мне сказал: ты ведь мою дочку не знаешь, да? Не знаю, говорю, откуда мне знать. Ну, говорит он, коли встретишь ее, нипочем не ошибешься. И правда, я не ошиблась.

— Мама говорит, я вся в папу, от нее ни крошечки не взяла. А папа говорит, слава Богу, а то, будь я на маму похожа, он бы с ней развелся.

Обе засмеялись.

— А куда ты идешь? — спросила Лиза, косясь на

полоскательницу в руках Полли.

— За мороженым к обеду. Там, в конце улицы, у лоточника куплю. Папа сказал, вчера вечером ему подфартило, так что нынче у нас мороженое на сладкое.

— Можно с тобой?

— Конечно!

Они взялись за руки, словно дружили с пеленок, и зашагали к Вестминстер-Бридж-роуд. По этой славной улице девушки шли, пока не добрались до ларька, где итальянец продавал нужный им товар; попробовали все сорта, сделали непростой выбор. Полли выложила шестипенсовик, и итальянец наполнил полоскательницу красно-белой субстанцией, с виду опасной для жизни.

На обратном пути Полли вдруг воскликнула:

— Папа идет!

Лизино сердце бешено забилось, щеки запылали; но сразу же ею овладел стыд, она опустила голову, уставилась в землю и пролепетала:

— Мне домой надо, мама хворает. Посмотрю, как у нее дела.

И прежде, чем Полли успела ответить, Лиза юркнула в свою дверь.

Дела у миссис Кемп были из рук вон плохи.

— А, явилась — не запылилась! Где тебя носи-

ло? — завела она, едва Лиза переступила порог.

— Что с тобой, мам?

— Что со мной? Нет, вы гляньте — она еще спрашивает, что со мной! Да как у тебя язык поворачивается, мерзавка! Бросить больную мать, одну-одинешеньку! Хороша дочь, нечего сказать!

— Да что случилось?

— Молчи, не смей раскрывать свой грязный рот! Мать одну оставила, когда ревматизма будто с цепи сорвалась, да еще нервалгея в придачу! У меня все утро нервалгея, голова трещит! Кажется, сейчас кости расколются да мозги вытекут. А она шляется незнамо где. Мать больная лежит, всякую минуту может Богу душу отдать, ждет ее, паршивку, а она не идет, чай матери не готовит. Пришлось самой встать кое-как, чаю сделать, это с такой-то нервалгеей! А если б пожар случился? Мать бы, больная, заживо сгорела, а этой мерзавке и нужды нет!

— Прости, мам. Я только на полчасика выскочила, не думала, что ты проснешься. И огня, кстати, не оставила.

— Ах ты, неблагодарная! Вот я, когда девушкой была, я разве со своей матерью так обращалась? У тебя уважения к матери ни на грош, а ведь мать с тобой больше намучилась, чем с другими-то

детьми, вместе взятыми! Как родила тебя, так будто крест на шею повесила; всю-то душу ты мне вымотала с тех пор. За что мне такое на старости лет, за какие прегрешения? Чтобы родная дочь больную мать оставила голодной смертью помирать да гореть заживо! — Тут миссис Кемп начала всхлипывать, и ее жалобы потонули в ее же слезах.

Сумерки сгустились до полной темноты; миссис Кемп, изнуренная страданиями, как физическими, так и душевными, давно спала. Лиза стала думать. Она думала о многих вещах; например, она не могла понять, почему нынче утром скрылась от Джима. «Дура набитая, вот кто я такая», — сказала себе Лиза.

Поистине, с прошлой ночи минуло лет сто, не меньше; Лизе казалось, то, что случилось, было очень-очень давно. Она не говорила с Джимом целый день, а ведь ей столько хотелось ему сказать. В надежде увидеть его Лиза подошла к окну и выглянула; но не заметила ни души. Она закрыла окно и села подле. Время бежало, Лиза ломала голову, появится Джим или не появится, спрашивала себя, думал ли он о ней столько, сколько она о нем. Постепенно мысли ее утратили четкость, словно туманом затянулись. Лиза

стала клевать носом. Внезапно она вздрогнула, и не сразу сообразила, действительно ли слышала нечто, не приснилось ли ей. Она прислушалась, звук — три-четыре легких удара в раму — повторился. Лиза распахнула окно и прошептала:

— Джим?

— Я, — ответили из темноты. — Давай выходи.

Девушка захлопнула окно, скользнула в коридор, открыла дверь на улицу и едва успела ее закрыть, потому что Джим, вломившись, сгреб Лизу обеими ручищами и прижал к груди. Лиза страстно его поцеловала.

— Я знала, Джим, что ты нынче придешь; мне что-то подсказывало, вот тут. — Лиза ткнула себя в сердце. — Только почему ты так долго?

— Не мог раньше — хотел, чтоб народ разошелся по домам. Поцелуй меня! — И прижал губы к ее ротику, и Лиза обмякла в его объятиях.

— Пошли пройдемся, а, Лиза?

— Пошли! — Они говорили шепотом. — Иди переулком, а я улицей.

— Ты права. — Джим еще раз поцеловал Лизу и выскочил из парадного, а она закрыла за ним дверь.

Лиза вернулась в комнату за шляпой, затем прокралась в коридор, прислушалась, не идет ли

кто из соседей. Она еще решалась выскочить за дверь, когда послышался поворот ключа в замке, и едва успела отпрянуть, иначе ее прибили бы дверью. На лестницу вышел сосед сверху.

— Эй, кто тут копошится?

— Мистер Ходжес! Как вы меня напугали! Я только выйти собралась. — Лиза густо покраснела; хорошо, что на лестнице было темно. — Доброй ночи, мистер Ходжес, — добавила Лиза и вышла.

Она пробиралась сторонкой, держась в тени домов, точно воровка; полисмен проводил ее долгим подозрительным взглядом — не замышляет ли чего противозаконного? Лишь выйдя на дорогу, девушка смогла вдохнуть полной грудью. Джим прятался под деревом. Лиза бросилась ему на шею, они снова стали целоваться.

9

Так начался период любовных наслаждений. Каждый день, закончив работу на фабрике и наскоро выпив чаю, Лиза выскальзывала из дому и в условленном месте встречалась с Джимом. Обычно встречу они назначали возле церкви, что гляделась в реку в конце Вестминстер-Бридж-роуд; от церкви Лиза с Джимом брели, рука в руке, пока им не попадалась свободная скамейка. Очень часто они проделывали путь по набережной Альберта к Баттерси-парк, где усаживались на скамейку и смотрели на играющих детей. Велосипедистки по большей части предпочитали парки на другом берегу, но время от времени какая-нибудь девица проносилась мимо, и тогда Лиза, с присущей ее сословию предвзятостью, глядела ей вслед и отпускала пару-тройку замечаний, часто скорее образных, нежели подобающих леди. Оба, Джим и Лиза, любили детей, и тощенькие, замурзанные оборвыши либо катались у Джима на коленях, либо затевали шутливые потасовки с Лизой.

Лизе и Джиму казалось, они скрылись ото всех

обитателей Вир-стрит, но дважды, когда они шли вместе, навстречу им попадались знакомые. Один раз это были мастеровые, возвращавшиеся с работы в Воксхолле[13]; Лиза увидела их, лишь почти с ними поравнявшись. Она сразу отпустила локоть Джима, оба уставились в землю, словно страусы, в расчете, что всякий, кто не смотрит, и замечен не будет.

— Джим, ты их видел? — прошептала Лиза, когда мастеровые удалились. — Как думаешь, они нас узнали? — Почти инстинктивно она обернулась, и в этот же миг один мастеровой тоже обернулся; стало быть, узнали. — Ох, как я испугалась!

— Я тоже, — отвечал Джим. — Аж взмок весь.

— Какие же мы с тобой идиоты, — продолжала Лиза. — Надо было с ними заговорить! А теперь они всем расскажут. Как думаешь — расскажут?

Впрочем, за этой встречей ничего не последовало. Джим как-то наткнулся в пабе на одного из мастеровых, и тот никоим образом не дал понять, что видел его с Лизой; Джим и Лиза решили, что остались неузнанными. Однако второе столкно-

[13] Примечания: 13

Район Лондона, где находился одноименный завод по производству насосов и судовых двигателей (впоследствии автомобильный завод, ныне подразделение «Дженерал моторс»).

вение было много хуже.

Оно имело место также на набережной Альберта. Лиза и Джим попались навстречу сразу четверым соседям. Лизино сердце едва не выпрыгнуло, ибо возможности улизнуть не было никакой. Она хотела развернуться и пойти обратно, да опоздала — соседи заметили их.

— Подыграй мне, — шепнула девушка Джиму и громко обратилась сразу ко всем четверым: — Доброго вечера! Откуда это вы?

Соседи несколько опешили, затем один из них задал встречный вопрос:

— А вы где были?

— Я? Я — в больнице. У нас одна девушка из цеха захворала, вот я и думаю: надо сходить проведать. — В первую секунду Лиза говорила несколько неуверенно, однако вскоре собралась и лгала уже бегло, без запинки. — Ну вот, выхожу это я из больницы, и кто, вы думаете, навстречу идет? Мистер Блейкстон. И говорит это мне: надо же, где встретились. Иду, говорит, в Воксхолл; не хочешь прогуляться за компанию? Отчего не прогуляться, отвечаю, погодка-то славная.

Один сосед подмигнул, другой заметил:

— Ну, гуляй, Лиза, гуляй.

Лиза изобразила оскорбленную добродетель.

— Вы на что это намекаете? По-вашему, я вру?

— Ты? Врешь? Боже упаси! Ты ж у нас невинна, как голубка.

— Я правду говорю! На что мне врать? А знаете пословицу: лжец никому не верит?

— Ладно, ладно, Лиза, не кипятись.

— Я кипячусь? Вот только слово еще скажи — в глаз получишь! Пойдемте, мистер Блейкстон, — обратилась она к Джиму (который во все время разговора молчал как пень), и они пошли.

Вслед им раздалось «Теперь все ясно!», сопровождаемое грубым хохотом.

После этого случая Лиза и Джим решили встречаться только в таких местах, где их точно никто не увидит. До Вестминстер-Бридж-роуд они теперь добирались поодиночке, а там сразу шли в парк. Ложились на траву и лежали так, обнявшись, до самой темноты. После дневного зноя приятно было вдохнуть прохладный вечерний ветерок; казалось, они вдали от Лондона, так было тихо, так свежо. Раскинувшись на травке рядом с Джимом, Лиза чувствовала, что ее любовь к нему распространяется и на весь мир, что в Джиме она обожает всех людей, сколько их ни есть. Если бы только это не кончалось! Они дожидались темноты, над ними по одной вспыхивали

и помаргивали звездочки, небо становилось ультрамариновым, затем ультрамарин переходил в чернильную черноту, сверху уверенно светили уже целые россыпи звезд. Но постепенно вечера сделались холоднее, Лиза с Джимом быстро замерзали на травке, и путь, который надо было проделать до парка, стал казаться слишком длинным и не стоящим считанных минут уединения. Поэтому они, по обыкновению перейдя через мост, брели по набережной, пока не попадалась свободная скамейка, садились в обнимку, Лиза поджимала ножки, а Джим нависал над ней. Зарядили сентябрьские дожди, но Лиза с Джимом по-прежнему устраивались на скамейке под деревьями. Джим часто брал Лизу на колени, распахивал над ней куртку, точно шатер, а Лиза обнимала его за шею, прижималась к нему и время от времени смеялась от счастья коротким тихим смешком. Они почти не разговаривали в те вечера, ибо что им было говорить друг другу? Они могли целый час просидеть молча, щека к щеке, взаимно ощущая горячее дыхание, и час этот всегда заканчивался одинаково: Лиза поднимала личико, Джим склонялся над ней, чтобы губы их могли встретиться и слиться. Иногда Лиза задремывала, и Джим сидел не шевелясь,

чтобы не потревожить ее сон. Просыпалась Лиза с улыбкой, Джим снова склонялся над ней и целовал в губы. Они были очень счастливы. Но часы бежали, и вот уже Биг-Бен бил полночь (всякий раз двенадцатый удар становился для Лизы и Джима полной неожиданностью), они нехотя поднимались со скамейки и брели на Вир-стрит. Их прощания были бесконечны; каждый вечер Джим не хотел отпускать Лизу, от одной мысли о необходимости разомкнуть объятия на глаза ему наворачивались слезы.

— Я бы все отдал, — говорил Джим, — только бы всегда быть с тобой.

— Что ж делать, милый, — отвечала Лиза, сама едва не плача, — ничего не попишешь, надо прощаться.

Однако, несмотря на все предосторожности, соседи каким-то образом узнали про их любовь. Началось с того, что Лиза заметила: женщины стали с ней настороженными, не было уже той сердечности, что раньше. Девушка подозревала, что ей перемывают косточки: когда она проходила мимо, ее провожали взглядами, перешептывались, кивая на нее, а то и смеялись, но, стоило ей приблизиться, разговор смолкал, повисало неестественное молчание. Довольно долго

Лиза гнала мысль, что соседи изменили к ней отношение, да и Джим, который вовсе ничего не замечал, то и дело говорил: «Тебе померещилось». Однако мало-помалу доказательств прибавлялось, и даже Джиму пришлось признать: соседи действительно что-то пронюхали. Раз Лиза болтала с Полли, так вышла миссис Блейкстон, позвала дочь и стала отчитывать, причем обе то и дело сердито косились на Лизу. Во взгляде миссис Блейкстон Лиза увидела столько злобы, что даже заробела; пыталась доказать себе, что страхи напрасны, шагнула к миссис Блейкстон, хотела было заговорить — но миссис Блейкстон стояла как вкопанная, глядела до того мрачно, что у Лизы слова в горле застряли. Она рассказала обо всем Джиму. Джим потемнел лицом.

— Старая ведьма! Пусть попробует тебе хоть слово сказать получит по заслугам.

— Только не бей ее, ладно, Джим? Что бы ни случилось, не бей ее, — попросила Лиза.

— Не буду, если на рожон не полезет! — отвечал Джим и сообщил, что в последнее время жена дуется, вообще с ним не разговаривает. Вчера, например, он вернулся с работы и сказал «Добрый вечер», так она спиной повернулась — и ни слова, ни полслова.

— Тебе что, ответить трудно, когда с тобой разговаривают? — спросил Джим.

— Добрый вечер, — выдавила жена, но лицом не повернулась.

С тех пор Полли стала избегать Лизы.

— Полли, ты чего? — спросила Лиза. — Не говоришь со мной; язык проглотила?

— А мне с тобой не о чем говорить, — ответила Полли и поспешно отошла.

Лиза покраснела и огляделась, не видел ли кто. Двое парней, что сидели на тротуаре, оказались свидетелями столкновения; один пихнул другого локтем и подмигнул.

Однажды Лизу задразнили на улице.

— Чего-то ты бледная, — подначил один из парней.

— Верно, заработалась совсем, бедняжечка, — подхватил другой.

— Нашей Лизе, видать, супружество что кость в горле, — предположил третий.

— Совсем сдурел? Я не замужем, и не собираюсь, — закричала Лиза.

— Известно; на что тебе? Ты с супружества сливки снимаешь, опивки-то кое-кому другому достаются.

— Не понимаю, о чем речь!

— Где уж тебе; ты ж у нас неопытная.

— Невинная, как дитё, разрази меня гром, ежели вру.

— Вчера с Луны свалилась!

Дразнились хором, а Лиза стояла, точно голая, и не знала, что отвечать.

— Вы, ребята, сильно ошибаетесь: Лиза опыту набралась.

— Ах, любезный мой, я тебя до смерти обожаю, только гляди, чтоб твоя жена нас не выследила! — пропищал первый обидчик, и все дружно заржали.

Лиза совсем смешалась, теребила передник и только и думала, как бы незаметно уйти.

— Гуляй, да смотри не нагуляй, — с издевательской заботливостью посоветовали Лизе.

— Лиза, ты всем нам должна дать. Нынче со мной пойдешь, потом со всеми по очереди. Чтоб никому не обидно.

— Не понимаю, о чем речь! — повторила Лиза. — Подружек себе заведите, а то вам в голову-то ударяет! — И негодующая девушка расправила плечи и направилась домой.

Произошло еще одно событие — Салли с Гарри поженились. Однажды в субботу на Вир-стрит появилась небольшая процессия. В составе

процессии были сама Салли, хихикающая от возбуждения, с челкой, поистине впечатляющей после недельной пытки папильотками, в плюшевом платье с иголочки, оттенка, известного как «синий с искрою», и Гарри, весьма нервный, стесненный непривычным воротничком. Салли с Гарри шли под руку; за ними следовали мать и дядюшка Салли, также под руку, а замыкали процессию брат Гарри и его же приятель. Их сопровождал воображаемый туш и вполне реальный стук поношенных башмаков, а также добрые пожелания соседей; так они шли по Вир-стрит. Однако по мере приближения к Вестминстер-Бридж-роуд и, соответственно, к церкви влюбленная пара мрачнела, а Гарри так вспотел, что крахмальный воротничок положительно стал для него удавкой. Напротив церкви располагался паб; поступило предложение промочить горло перед церемонией венчания. Поскольку случай был торжественный, они прошли в отдельный зальчик, где дядюшка Салли, человек состоятельный, заказал шесть пинт пива.

— Что, маленько не по себе? — спросил приятель жениха.

— Ничего подобного, — храбро отвечал Гарри, словно каждый божий день женился. — Просто

нынче жарко.

— Твое здоровье, дочка, — сказала мать Салли, поднимая кружку. — Больше уж я тебя «мисс» не назову.

— Будь доброй женой, как твоя матушка, — добавил дядя.

— Что верно, то верно. Моему мужу жаловаться не приходилось. Я свой долг выполняла, хоть, может, и нескромно так саму себя хвалить, — подтвердила почтенная вдова.

— Ну, голубки, — сказал брат Гарри, — сдается мне, пора вам уже и к венцу. Выпьем же за здоровье мистера Генри Аткинса и его будущей супруги!

— Благослови их Господь, — растрогалась мать Салли.

И они переступили порог церкви, и, пока шествовали по проходу, юный викарий, тощенький и бледненький, появился из ризницы и пошел к алтарю. Пиво возымело успокаивающее действие на их умы; обоим, Гарри и Салли, происходящее казалось теперь доброй шуткой. Они улыбались друг другу, а на словах «плоть едина» принялись пихаться локтями. Когда настало время доставать кольцо, Гарри долго шарил по карманам, так что брат его не выдержал и прошептал:

— Чтоб мне провалиться, он его посеял, растяпа!

Впрочем, церемония прошла без эксцессов, Салли бережно спрятала брачное свидетельство в карман, вся компания покинула церковь и завернула в паб — отмечать счастливый день.

Вечером Лиза и еще несколько подружек Салли пришли к новобрачным (которые обосновались в том же доме, где Салли жила до замужества) и пили за здоровье молодых, пока не решили, что пора и честь знать.

10

Наступил ноябрь. Вместе с хорошей погодой ушли и многие радости, что дарила любовь Лизе с Джимом. По вечерам на набережной было холодно и промозгло; нередко туман покрывал берега, и фонари сразу становились расплывчатыми и тусклыми. А то начиналась морось, до того зябкая и мерзкая, что сердце стыло. Прохожие, стискивая зонты и глядя прямо перед собой, спешили по домам; иногда по слякоти проезжал кеб, и брызги летели во все стороны. Скамейки пустовали, разве только какой-нибудь нищий, без гроша, чтоб заплатить за ночлежку, устраивался на краешке, по-птичьи прятал голову на груди и спал мертвецким сном. Лизины юбки пропитывались жидкой грязью, липли к ногам, леденили все тело, вызывали дрожь, и тогда она плотнее прижималась к Джиму. Иногда они шли на Ватерлоо или на Чаринг-кросс, в зал ожидания третьего класса, и там сидели, но это было совсем не то что парк или набережная августовскими вечерами. Конечно, на вокзалах они не мерзли, но в тепле мокрая одежда начинала испускать

пар и разнообразные запахи, газовые лампы коптили, от чего слезились глаза. Да еще народ так и мельтешил, хлопал дверьми, впускал ледяной воздух! Да смотрители и носильщики выкликали время отправления, да свист паровозов заставлял вздрагивать, да суета и вечная вокзальная неразбериха выводили из себя. Часов с одиннадцати, когда количество поездов резко сокращалось, Джим с Лизой могли посидеть в относительной тишине, но и тогда тревога их не отпускала, на сердце было муторно и тошно.

Однажды вечером они сидели на вокзале Ватерлоо. Был туман — густой, желтый ноябрьский туман, из тех, что заползают и в залы ожидания, и в легкие; из тех, что оставляют во рту мерзкий привкус, а в глазах резь. Пробило половину двенадцатого; на вокзале было непривычно тихо — несколько пассажиров, закутанных в пледы и плащи, ходили туда-сюда, ждали последний поезд, да пара носильщиков, зевая, подпирала стену. Лиза и Джим уже целый час сидели, не говоря ни слова, подавленные безысходностью, не в силах думать ни о чем, кроме своей беды. Лиза поставила локти на коленки, подперлась ладошками.

— Неправильно все это, — наконец сказала она,

глядя в пол.

— Я ж тебе предлагал: давай жить вместе, и будет правильно.

— Не будет; я не могу жить с тобой.

Джим действительно много раз просил Лизу поселиться с ним, но она упорно отказывалась.

— Послушай, я сниму комнату в Холлоуэе, мы будем жить как муж и жена.

— А где ты будешь работать?

— Работу и там можно найти. Сил моих уже нет, извелся весь.

— Я тоже. Но мать не брошу.

— И не надо. Пускай с нами живет.

— Это как же? Я ведь не замужем. Нельзя, чтоб она узнала, что я… что я живу во грехе.

— Так давай поженимся. Лиза, я хочу на тебе жениться; честное слово, хочу.

— Ты не можешь; ты женат.

— Ну и что? Буду отдавать своей старухе процент с каждой получки. Тогда она мигом подпишет бумаги, что у ней нету нареканий, и мы сможем пожениться. У нас на работе один парень так сделал, и живет — не тужит.

Лиза покачала головой.

— Нет, нельзя. Пока нельзя. Не то тебя полиция сцапает за двоеженство, и тебе целый год впаяют.

Как пить дать впаяют.

— Лиза, я так больше не могу. Ты ж знаешь, какова моя жена. Теперь ясно — она про нас пронюхала, ну, что мы поладили, и не упускает случая это показать.

— Она так и говорит?

— Не напрямик. Она куксится, в молчанку играет, а стоит мне голос подать — распекает меня на чем свет стоит. И отодрал бы ее, да вроде не за что. Только она дом в ад превратила, сил моих нету там жить!

— Что делать? Надо терпеть. Нельзя ж ее бросить.

— Еще как можно. Соглашайся жить со мной, и я в два счета брошу старую ведьму. Эх, Лиза, видно, ты меня совсем не любишь, не то давно бы согласилась.

Она повернулась к нему и обняла за шею.

— Ты ж знаешь, что люблю. Милый! Я тебя больше всех на свете люблю, но не могу оставить мать.

— Да почему, черт возьми? Она ж тебя поедом ест. Ты работаешь как проклятая, чтоб за квартиру платить, а она свою пенсию пропивает.

— Верно, пропивает, да и обо мне толком никогда не заботилась. Только она мне мать, и тут

ничего не попишешь, и она старая, и с ревматизмом — как ее бросить? И потом, Джим, милый мой, дело ж не только в моей матери. У тебя пятеро ребят, разве ты забыл?

Он задумался, потом сказал:

— Насчет ребят ты права, Лиза. Не знаю, как буду без них. Если б жить с ними и с тобой, вот было б хорошо.

Лиза печально улыбнулась.

— Видишь, милый, выхода для нас нету. Никакого.

Он посадил ее себе на колени, обнял и целовал долго и очень нежно.

— Доверимся судьбе, — продолжала Лиза. — Глядишь, скоро что-нибудь да переменится, и все само собою устроится. Давай потерпим: хуже точно не будет.

Было уже за полночь; они попрощались и врозь пошли слякотными, пустынными улицами по домам.

Вир-стрит стала для Лизы совсем не та, что три месяца назад. Том, смиренный обожатель, исчез из ее жизни. Как-то, три-четыре недели спустя после пикника, она увидела Тома слоняющимся по улице и внезапно поняла, что это — впервые за долгое время. Но Лизу тогда слишком переполня-

ло счастье, она думать не могла ни о ком, кроме своего Джима. Она только дивилась, что Тома нет, ибо привыкла, что где она, Лиза, там и он. В тот раз она прошла мимо, но, к ее удивлению, Том с ней не заговорил. Она решила, он ее не заметил, но нет — Том сверлил ей спину взглядом. Девушка обернулась — и Том сразу опустил глаза и побрел дальше, делая вид, будто и нет никакой Лизы, но зато красный как вареный рак.

— Том, — окликнула Лиза, — ты чего это со мной не здороваешься?

Том вздрогнул, покраснел еще гуще и выдавил, заикаясь:

— Я тебя не заметил.

— Ага, рассказывай! В чем дело?

— Ни в чем.

— Я вроде тебя не обижала, а?

— Вроде нет, — убитым голосом согласился Том.

— Ты теперь вовсе ко мне не заглядываешь, — продолжала Лиза.

— Потому что не знаю, хочешь ты меня видеть или не хочешь.

— Не знает он! Да я к тебе отношусь не хуже, чем ко всякому другому.

— Это к какому же к другому, а, Лиза? — Том

стал свекольного цвета.

— Ты на что намекаешь? — возмутилась Лиза, однако тоже густо покраснела. Ей стало страшно, что Том знает, а ведь в особенности от Тома она хотела скрывать эту историю как можно дольше.

— Ни на что. — Том пошел на попятный.

— Такое просто так не говорят, разве что полные идиоты.

— Тут ты права, Лиза, — я полный идиот. — Том поднял глаза, и Лиза прочла в его взгляде упрек; затем сказал «До свидания» и ушел.

Поначалу Лиза очень боялась, что Том узнает про ее любовь к Джиму; вскоре ей стало все равно. В конце концов, это ее личное дело; раз она любит Джима, а Джим любит ее, какое значение имеет все остальное? Затем при мысли, что Том, верно, подозревает ее, Лиза рассердилась. Конечно, у него никаких доказательств, он может делать выводы только со слов соседей, что видели ее с Джимом близ Воксхолла; но этого достаточно, чтобы презирать ее; во всяком случае, Лизе так казалось. И с тех пор, сталкиваясь с Томом на улице, она делала вид, что не замечает его, а он никогда не пытался с ней заговорить. Но Лиза, нарочито торопясь пройти и глядя прямо перед собой, боковым зрением замечала, как мучитель-

но краснеет Том, и предполагала, что его глаза полны слез. Минуло месяца полтора; Лиза все острее чувствовала неприязнь соседей и жалела, что поссорилась с Томом; она даже всплакнула по его бескорыстной, преданной любви. Ей очень хотелось помириться. Если б Том сделал первый шаг, уж она бы его не оттолкнула, только благодарна была бы; но самой просить прощения Лизе мешала гордость. И потом, разве можно ее простить?

Салли она тоже потеряла, потому что Гарри после свадьбы заставил ее уволиться с фабрики — это был молодой человек с принципами, достойными члена парламента, и вот что он заявил:

— Женщине место в доме; а ежели муж не может ее обеспечить, так, по мне, ему и жениться не стоило.

— Твоя правда, — закивала новоиспеченная теща. — Тем более у Салли скоро будет малыш, а с малышом хлопот невпроворот, какая уж там фабрика. Этого лучше меня никто не знает, у меня ведь их было двенадцать, не считая двоих мертвеньких да выкидыша.

Лиза завидовала Салли, ибо новобрачная распевала и смеялась от счастья; счастье просто-таки

лезло у нее из ушей.

— Я до ужаса счастлива, — сказала Салли через несколько недель после свадьбы. — Ты не поверишь, что за лапочка мой Гарри. Я бы сама не поверила, если б не убедилась. Не знаю, что там другие думают, а по мне, замужем — это будто в раю! Гарри слова грубого никогда не скажет, маму с нами за стол сажает и с ней такой уважительный. Я от счастья себя не помню.

Увы, счастье продолжалось недолго. При следующей встрече с Лизой Салли уже не напевала, а в другой раз вид у нее был такой, будто она плакала.

— Что случилось? — спросила Лиза, заглядывая Салли в глаза. — Ты чего зареванная?

— Я-то? — Салли покраснела. — У меня зуб болит. Так болит, терпеть нельзя, вот слезы и наворачиваются.

Ответ Лизу не удовлетворил, но в тот день она больше ничего из Салли не вытянула. Правда вышла наружу несколько позднее. Был субботний вечер — скорбное время для женщин с Вир-стрит. Лиза шла на Вестминстер-Бридж-роуд, на свидание к Джиму, и по пути заглянула к Салли. Гарри снял комнату на самом верхнем этаже, с окном во двор. Лиза по привычке стала звать подругу

еще на лестнице:

— Эй, Салли!

Дверь никто не открыл; впрочем, Лиза видела, что в комнате горит свет, подошла к двери, хотела постучаться, но услыхала голоса и всхлипывания и застыла. С минуту она слушала, затем все же постучала. Внутри завозились, спросили:

— Кто там?

— Это я, — отвечала Лиза, открывая дверь. Она успела заметить, как Салли поспешно вытерла глаза и отбросила носовой платок. Подле Салли сидела миссис Купер — явно только что утешала дочку. — Что стряслось, Сэл?

— Ничего, — мужественно отвечала Салли, но прежде вдохнула, чтобы сдержать рыдания, и опустила голову, стараясь скрыть слезы. Однако слез было слишком много — Салли схватила носовой платок, прижала к лицу и зарыдала так, что казалось, сейчас у нее сердце разорвется. Лиза вопросительно взглянула па миссис Купер.

— Опять этот мерзавец! — Почтенная леди презрительно тряхнула головой.

— Про кого это вы? — удивилась Лиза.

— Про Гарри, про кого ж еще? Негодяй!

— Да что он сделал?

— Поколотил ее, вот что! Негодяй, как только

земля таких носит!

— Вот не знала, что он бьет Салли!

— Как не знала? Я думала, уже вся улица знает, — с возмущением продолжала миссис Купер. — Этакого шила в мешке не утаишь.

— Гарри не виноват, — вступилась за мужа Салли, прерывая рыдании. — Он просто выпил лишнего. А когда трезвый, он хороший.

— Выпил лишнего! Еще какого лишнего! Будь я мужчиной, он бы у меня поплясал! Все они одинаковые — я имею в виду, мужья все одинаковые. Пока трезвые, еще куда ни шло, да и то через одного, а стоит только им выпить — скоты, вот и весь мои сказ. Я замужем была целых двадцать пять лет — знаю, что почем.

— Мама, я сама виновата, — прорыдала Салли. — Надо было раньше домой приходить.

— Доченька, не кори себя. Видишь, Лиза, и такая свинья человеком себя считает. Салли всего-то вышла перекинуться словечком с миссис Маклеод из соседнего дома, а не успела вернуться — он и давай ее колотить. И меня за компанию. Каково?

Да, — продолжала миссис Купер, — вот такой у моей Салли муженек. Я-то, известно, не собиралась стоять да глядеть, как мою дочку колотят; я не из таковских, что стоит да глядят. Вот он и

перекинулся на меня, да все кулачищами, кулачищами. Глянь! — Миссис Купер закатала рукава, и Лиза увидела кровоподтеки, как свежие, так и застарелые. — Видишь, как он мне руки изуродовал? Я думала, вовсе переломает. Не защитись я локтем, он бы мне голову проломил; ей-богу, проломил бы. Я ему говорю: еще раз тронешь меня — полицию вызову; вот чтоб мне провалиться, если не вызову. Он, понятное дело, струхнул, а я тогда и давай его распекать. Ты, говорю, себя человеком считаешь, а сам не годишься сточные канавы чистить. А что он мне на это ответил, ты бы слышала! Последними словами обзывал. Ты, говорит, старуха вонючая; вечно, говорит, лезешь не в свое дело; пошла прочь. И повторять не хочу, язык марать. Тогда я ему говорю: худо, что ты на моей дочке женился; если б я знала, что ты за свинья, скорее бы померла, чем Салли за тебя выдала.

— Кто бы подумал, что он такой! — возмутилась Лиза.

— Поначалу он хороший был, — всхлипнула Салли.

— Поначалу-то они все хорошие! Только уж больно быстро твой-то испортился. Представь, Лиза: ведь и трех месяцев не женаты, первенец

еще не народился! Горе, горе-то какое!

Лиза побыла еще немного, помогла миссис Купер успокоить Салли, которая упорно обвиняла в ссоре себя; наконец попрощалась, пожелала всего доброго и поспешила к Джиму.

Она пришла на условленное место, но Джима почему-то не было. Лиза стала ждать. Наконец Джим вышел из ближайшего паба.

— Здравствуй, Джим, — сказала Лиза и шагнула к нему.

— Ну и где ты шлялась? — процедил Джим.

— Что с тобой?

Лиза оробела — прежде Джим никогда так грубо с ней не разговаривал.

— Молодец, ничего не скажешь. Я тут стою, жду, дурак дураком, а ее нет как нет.

Лиза поняла, что он выпивши, и стала оправдываться:

— Прости, Джим, милый, я просто зашла к Салли, а ее муж побил, вот я и задержалась.

— Побил, говоришь? Мало он ее побил. Тут еще кое-кого побить не мешало бы!

Лиза не ответила. Он взглянул на нее и вдруг распорядился:

— Пошли выпьем.

— Нет, не хочу; я не хочу, Джим, — пролепетала

Лиза.

— А я говорю: пошли, — рассердился Джим.

— Нет, Джим; да и тебе хватит.

— Вон как ты заговорила! Не хочешь — не пей, я один пойду.

— Не надо, Джим, не ходи! — Лиза схватила его за руку.

— Хочу и пойду! — Джим развернулся, Лиза все висела у него на руке. — Пусти! Пусти, кому сказал! Да отвяжись ты! — Он грубо вырвал руку. Лиза попыталась снова повиснуть на ней, но Джим оттолкнул ее, и в результате она получила по лицу.

— Ой, больно!

Джим мигом протрезвел.

— Лиза! Лиза, больно, да? Что ты молчишь? — Джим обнял ее. — Лиза, я ведь только слегка. Ну скажи, что не больно. Прости меня, Лиза; прости, пожалуйста.

— Я тебя прощаю, милый. — Лиза нежно улыбнулась. — Ударил — это ничего; только зачем ты так грубо говорил?

— Я не то имел в виду. — Он так раскаивался, просто жалко было смотреть. — Я нынче опять с женой поругался, а потом тебя ждал, а ты не шла, а я все ждал, ждал — ну, и вышел из себя.

Выпил-то чуть — две, ну три, ну от силы четыре пинты — не помню…

— Ничего, милый. Ты, главное, люби меня, а я все снесу.

Он поцеловал ее, они помирились. Однако эта маленькая ссора возымела тяжелые для Лизы последствия. На следующее утро она с трудом открыла левый глаз; поглядевшись в зеркало, увидела огромный черно-сине-зеленый фингал. От примочек фингал, казалось, только ярче становился. Она просидела дома до вечера, прячась от людей. Но утром надо было идти на работу, а фингал сделался совсем черным. На фабрику Лиза шла, надвинув шляпу на самый нос и нагнув голову; вроде никто не обратил внимания. Однако вечером, по пути домой, ей повезло меньше. Востроглазые подружки заметили ее позор.

— Эй, Лиза, что это у тебя с глазом?

— А что у меня с глазом? — Лиза будто бы в полном неведении вскинула ладошку к фингалу.

Неподалеку стояла компания парней; услышав про фингал, они стали смотреть на девушку.

— Да, Лиза, знатный у тебя фонарь!

— Нет у меня никакого фонаря!

— Есть; а вот на что это ты напоролась? Или на кого?

— Не знала, что у меня фонарь, — ответила Лиза.

— Рассказывай! Нельзя ходить с фонарем и не знать, откуда он взялся.

— А, это, должно быть, я вчера об комод побилась; да, не иначе, об комод.

— Об комод, говоришь? Очень похоже на комод. Только так люди об комоды и бьются — глазами. Верно, парни?

— Не знал, что он боксировать мастак. А ты, Тед, — ты знал?

Лизе казалось, она не то что до корней волос — она до пальцев ног покраснела.

— Кто — он?

— Ладно, Лиза, проехали.

Тут как раз шла жена Джима; Лизе достался полный ненависти взгляд. Вот бы оказаться миль за сто отсюда, думала Лиза, и краснела все гуще.

— Ты чего это такая красная? — не преминула спросить одна из девушек.

И все — девушки и парни — стали глядеть то на Лизу, то на миссис Блейкстон. Кто-то затянул похоронный марш, остальные захихикали. Лиза не выдержала; дать словесный отпор она не смогла и расплакалась. Чтобы скрыть слезы, она развернулась и зашагала к дому. За спиной раз-

дался взрыв хохота; еще в дверях Лиза слышала, как компания разноголосо взвизгивает, — им было весело.

11

Через несколько дней Лиза остановилась поболтать с Салли, которая с их последней встречи ничуть не повеселела.

— Он не такой, как я думала, — вздохнула Салли. — Ну, вот и призналась вслух. Правда, и ему не позавидуешь — я ведь не подарок, а он мне добра хочет. Может, он помягчеет, когда малыш родится.

— Не унывай, подружка, — отвечала Лиза, немало повидавшая супружеских пар. — Вот попривыкнешь, так оно и ничего станет казаться. Поначалу всегда не сахар, мы-то другого ждем. Ты, главное, не бери в голову — так легче.

Салли еще постояла и сказала, что ей надо ужин мужу готовить. Она и попрощалась уже с Лизой, да все почему-то не шла.

— Слышь, Лиза, будь поосторожней.

— Поосторожней? Зачем? — удивилась Лиза.

— Ты ж знаешь, про что я говорю.

— Чтоб мне провалиться, если знаю.

— Миссис Блейкстон на тебя охоту объявила.

— Миссис Блейкстон! — в ужасе воскликнула

Лиза.

— Она самая. Уж я, говорит, задам ей жару, вот только доберусь. Потому будь осторожнее, мой тебе совет.

— Она это точно про меня?

Салли отвернулась — не могла смотреть Лизе в лицо.

— Она говорит, ты с ее мужем путаешься.

Лиза промолчала, и Салли, повторив свое «Будь здорова», ушла.

Лизу охватил озноб. Она уже не раз замечала, с какой ненавистью смотрит на нее миссис Блейкстон, и старалась по возможности ее избегать. Но Лизе и в голову не приходило, что миссис Блейкстон замышляет физическую расправу. От ужаса на лбу выступил холодный пот. Что она, худенькая, слабенькая, против этакой громилы? Ведь убьет же, как пить дать убьет, если поймает.

В тот же вечер Лиза рассказала Джиму о намерениях его жены, причем постаралась обратить дело в шутку:

— Слышь, Джим, твоя жена меня поколотить грозилась. Только пускай спервa поймает!

— Моя жена! Откуда ты знаешь?

— Она соседям говорила.

— Черт побери! — выругался Джим. — Если

хоть один волос с твоей головы из-за нее упадет, я ей такую взбучку устрою, какой она и не припомнит. Чтоб мне провалиться, если не устрою. Она давно нарывается. Меня от ее мрачной рожи тошнит. Пусть только тронет тебя — разом за все получит. — И Джим потряс кулаком.

Лиза и вообще-то была трусиха. Угроза миссис Блейкстон не шла у нее из головы, заставляла поминутно вздрагивать. Лиза теперь без нужды не выходила из дому — боялась нарваться на миссис Блейкстон. Если же замечала на улице женщину, хоть сколько-нибудь похожую на свою соперницу, — опускала голову и отворачивалась. Миссис Блейкстон даже стала сниться девушке: Лиза видела грузное мощное тело, искаженное яростью плоское лицо, темные волосы, заплетенные в нелепые косицы, и просыпалась с криком и в холодном поту.

После предупреждения Салли минула неделя. Была суббота, промозглый ноябрьский день, из тех, когда слякоть особенно липкая, а небо до того серое, что в другие его оттенки и не верится. Время приближалось к трем часам пополудни; Лиза шла с работы. Она была уже на Вир-стрит и очень торопилась, как вдруг увидела, что прямо на нее надвигается миссис Блейкстон. Лизино

сердце екнуло. Она развернулась и поспешила в обратную сторону, успев заметить погоню. Лиза решила выйти с Вир-стрит, сделать крюк и зайти с другого конца, а там и проскользнуть в свою дверь — так будет ближе. Но девушка боялась, что миссис Блейкстон могла разгадать ее хитрость и первой явиться к Лизиному дому, вот Лиза и выждала с полчаса, которые показались ей вечностью. Наконец, собрав мужество в кулачки, она свернула за угол и оказалась на Вир-стрит. И вышло, что она сама себя бросила в руки миссис Блейкстон, притаившейся возле паба.

Лиза вскрикнула, на что миссис Блейкстон прошипела:

— Что, не думала здесь меня увидеть?

Лиза не ответила, только попыталась пройти мимо миссис Блейкстон. Но та заступила ей дорогу.

— Да ты, никак, сильно торопишься?

— Тороплюсь, мне домой надо, — пролепетала Лиза и предприняла вторую попытку обойти миссис Блейкстон.

— А ну как я тебя не пущу? — вкрадчивым голосом поинтересовалась миссис Блейкстон. В какую бы сторону Лиза ни сунулась, соперница почему-то оказывалась у нее на пути.

— Отстаньте от меня! — воскликнула Лиза. — Что я вам сделала?

— По-твоему выходит, ты ничего мне не сделала? Интересно, интересно.

— Дайте пройти. Не хочу с вами разговаривать.

— Понятно, не хочешь. Да только я-то не прочь с тобой потолковать, и ты никуда не пойдешь, покуда не послушаешь.

Лиза стала озираться по сторонам, не выручит ли ее кто-нибудь. Еще в начале стычки завсегдатаи из паба смотрели с интересом; теперь они окружили Лизу и миссис Блейкстон. К завсегдатаям присоединились прохожие, набежали соседи: чем больше становилась толпа, тем больше любопытствующих она привлекала. На Лизу смотрела куча народу: мужчины — ожидая потехи, женщины — с праведным негодованием. Лиза хотела было просить о помощи, но людей собралось так много, они так явно ее осуждали, что у бедняжки язык не повернулся. Поэтому она перевела взгляд на миссис Блейкстон и даже выпрямилась перед ней, дрожащая и очень бледная.

— Его тут нету, — усмехнулась миссис Блейкстон. — Не ищи — глаза сломаешь.

— Не понимаю, про кого вы говорите, — отвеча-

ла Лиза. — И вообще, мне идти надо. Я вам ничего не сделала.

— Это ты-то ничего не сделала? — взъярилась миссис Блейкстон. — Я тебе скажу, что ты сделала — ты мужа моего увела, вот что! Покуда ты его не сцапала, мы душа в душу жили, а теперь он тебя одну помнит. На жену да детей у него времени нету — и все из-за тебя. Ты не только его самого заграбастала, ты еще и деньги наши тянешь. Он домой ни пенса не приносит, все на тебя спускает. Слава Богу, у меня кой-какие сбережения в банке, не то бы мы с ребятами по миру пошли! Из-за тебя! — Миссис Блейкстон занесла кулак.

— Никаких денег я не брала.

— Рассказывай! Еще как брала, я знаю. Грязная шлюха! Увести чужого мужа от семьи, от детей! Другая бы на твоем месте со стыда сгорела! Вдобавок он тебе в отцы годится.

— А вот тут она права! — воскликнули сразу несколько женщин из толпы. — Хорошая девушка чужого мужа уводить не станет!

— Ну, я тебе задам! — продолжала миссис Блейкстон, распаляясь все больше, потрясая кулаком, срываясь на крик, а там и на хрип вследствие гнева. — Я целый месяц до тебя добираюсь, проститутка! Проститутка, вот ты кто!

— Я не проститутка! — возмутилась Лиза.

— Врешь, она самая и есть! — Миссис Блейкстон наступала на Лизу, она пятилась. — Я тебе больше скажу: он к тебе как к последней шлюхе и относится. Фингал-то твой — его рук дело. Понятно, кем он тебя считает! И знаешь что? Тебе для ровного счету второго фингала недостает!

Миссис Блейкстон стояла теперь почти вплотную к Лизе, ее тяжелая челюсть еще больше обычного выдвинулась вперед, темные брови стали одной длинной полоской, так она их нахмурила. Целую секунду миссис Блейкстон не произносила ни слова и только пристально смотрела на Лизу; зеваки затаили дыхание.

— Потаскушка! Грязная сучка! — наконец прохрипела миссис Блейкстон. — Получай! — И отвесила Лизе оплеуху.

Девушка с криком отшатнулась и схватилась за щеку.

— Что, маловато будет? Держи еще! — Миссис Блейкстон снова ударила Лизу по щеке. Затем, набрав побольше слюны в пересохшем от ярости рту, плюнула сопернице в лицо.

Лиза бросилась на нее, растопырив пальцы, точно когти, и вот на щеках миссис Блейкстон вспыхнули сразу восемь длинных царапин. Мис-

сис Блейкстон обеими руками схватила Лизу за волосы и принялась со всей силы колошматить. Но дерущихся тотчас растащили.

— Поостыньте-ка малость, леди, — сказал кто-то из мужчин. — Этак не годится. Надо правила соблюдать, а вы царапаетесь да за волосы друг дружку дерете.

— Пошел ты со своими правилами! Теперь мои правила! — завопила миссис Блейкстон, засучивая рукава и с ненавистью взглядывая на Лизу.

Лиза стояла перед ней бледная и дрожащая; вдруг она заметила длинные красные царапины, одна-две из которых порядочно кровоточили — и отшатнулась.

— Не хочу драться, — отрезала Лиза.

— Где уж тебе хотеть — прошипела миссис Блейкстон. — А придется!

— Она сильней меня, — чуть не плача, добавила Лиза. — Мне конец!

— А вот про это раньше надо было думать. Ну, продолжим! — И с этими словами миссис Блейкстон бросилась на Лизу и стала методично опускать ей на голову то один кулак, то другой. Бедняжка не пыталась защититься, но стала повторять за миссис Блейкстон — тоже заработала своими кулачишками. Так продолжалось

минуты две; дерущиеся напоминали ветряные мельницы, так мерны были взмахи их рук. Миссис Блейкстон, однако, стала брать весом: удары все чаще обрушивались на Лизу, которая дергала головой, уклоняясь от ударов, и старалась защитить лицо руками, а миссис Блейкстон била, била, била.

— Время! — выкрикнули в толпе. — Время! — И миссис Блейкстон наконец остановилась, чтоб дать себе отдых.

— По-моему, неправильно им драться. Лизе не победить, это ж видно: вон какая она хлипкая, против этакой здоровой тетки, — заметил кто-то из мужчин.

— Никто твоей Лизе не виноват, — отвечала какая-то женщина. — Нечего было с ейным мужем путаться.

— А все ж так не годится, — вступился другой сосед. — Лиза свое получила.

— По заслугам получила! — послышался новый женский голос. — Сама нарвалась — пускай сама и отвечает.

— Верно, — поддержала третья женщина. — Нечего чужих мужей уводить. А попыталась — радуйся, ежели одной взбучкой отделаешься, вот что я скажу.

— И я. Только от кого от кого, а от Лизы я не ожидала. Всегда думала, она хорошая девушка.

— Та еще штучка! — пропищала субтильная чернавка еврейского вида. — Если б она с моим мужем спуталась, уж я бы ей задала! Уж она бы у меня поплясала!

— Дело говорит. Лиза на одном не остановится. Надо за ней следить, да и за мужьями нашими.

— Пусть только попробует к моему дому подойти — узнает, почем фунт лиха.

Тем временем Лиза забилась в дальний конец импровизированного ринга. Она дрожала и горько плакала. Глаз был подбит, всклокоченные волосы падали на лицо. Двое парней, сами себя определившие к Лизе в секунданты, склонились над ней и старались утешить; утешения больше походили на издевки. Один секундант приподнял Лизин передник и обмахивал ей лицо, второй учил становиться в стойку и держать удар.

— Стой вот так, видишь, Лиза? Главное, не трусь, не то все дело испортишь. Она тебя ударила — и ты бей. По носу бей, вот таким манером. Покажи, что ты не робкого десятка.

Лиза старалась сдержать рыдания.

— Верно говорит, — подхватил второй секундант. — Нельзя показывать, что трусишь. А уж

если видишь, что кулаки не помогают, тогда хватай за космы да царапайся.

— Здорово ты ей рожу-то располосовала! Поквиталась за плевок. Так держать, Лиза!

И обернулся к приятелю:

— Помнишь, как в том году старая Мамаша Грегг поцапалась с одной теткой с нашей улицы?

— Не помню — не видал.

— Ты много пропустил. Тогда даже фараоны явились и обеих теток замели.

Лиза очень хотела, чтобы и сейчас явилась полиция и забрала ее; она и на тюрьму была согласна, лишь бы от миссис Блейкстон подальше. Но помощь не приходила.

— Бокс! — завопил рефери. — Бокс!

— Станьте кто-нибудь на шухере — вдруг фараоны набегут.

— Не набегут — когда настоящее дело, их с фонарями не найдешь.

— Начинайте!

Миссис Блейкстон как безумная бросилась на девушку; но Лиза держалась молодцом и даже до какого-то момента парировала удары. Зрители все больше оживлялись.

— Снова попала! — кричали они. — Давай, Лиза, покажи ей! Так! Так! Еще разок!

— Два-один в пользу старухи! — выкрикнул кто-то подкованный в боксе. На Лизу ставок не делали.

— Она неплохо держится! Я говорил: надо ее раззадорить!

— Огонь-то и в ней горит!

— Нокаут! — завопили несколько человек, когда миссис Блейкстон ударила Лизу кулаком в нос. Лиза покачнулась, из носа хлынула кровь. Но вдруг, потерявшая остатки страха, обезумевшая от ярости, прыгнула на соперницу и принялась осыпать ударами ее нос, глаза и рот. Миссис Блейкстон опешила от такой неожиданной атаки, а мужчины закричали:

— Гляньте, а малявка-то не промах! Пожалуй, еще и победит!

Однако миссис Блейкстон быстро собралась, кинулась на Лизу и пустила в ход ногти. Лиза вцепилась ей в волосы, тянула изо всех сил и даже пыталась кусаться. Через минуту обе уже катались по земле, царапались, кусались; пот и кровь не успевали высыхать у них на лицах, они не сводили друг с друга налитых кровью и яростью глаз. Зрители подбадривали их криками, хлопали в ладоши.

— Какого черта здесь происходит?

— Гляньте, гляньте, — зашептала одна из добрых соседок, — муж пришел!

Джим поднялся на цыпочки и стал глядеть поверх голов.

— Боже всемогущий, это ж Лиза!

Он растолкал, буквально раскидал зевак, бросился к дерущимся и стал их растаскивать.

— Видит Бог, ты за это поплатишься! — процедил он в лицо жене.

Несколько мгновений они трое молча смотрели друг на друга.

Между тем к месту действия протискивался еще один человек

— Лиза, пойдем домой, — сказал он.

— Том!

Том взял Лизу под локоть и повел прочь; толпа расступалась перед ними. Молча они брели по улице, и Том был мрачен. Лиза судорожно всхлипывала.

— Ой, Том, — наконец простонала она, — я ничего не могла поделать! — Еще через какое-то время Лизе удалось вымолвить: — Я его ужас как полюбила!

Когда они добрались до Лизиного дома, она жалобно пролепетала «Зайди», и Том прошел за ней в комнату. Лиза почти упала на табуретку и

тут уж дала волю слезам.

Том смочил край полотенца и принялся промокать ей лицо, залитое слезами и кровью. Лиза не противилась, только стонала сквозь рыдания:

— Ты такой добрый со мной, Том! Такой добрый!

— Ничего, Лиза, — утешал Том, — теперь все позади.

В конце концов запас Лизиных слез истощился. Она попила воды, взяла зеркальце со сломанной ручкой, взглянула на себя и прокомментировала:

— Ну и вид.

И запустила пальцы себе в волосы.

— Ты такой добрый со мной, Том, — повторила она и едва сдержалась, чтобы снова не зарыдать. Том сел подле нее, Лиза взяла его за руку.

— Ничего не добрый, — отвечал Том. — Всякий на моем месте так же бы поступил,

— Знаешь, Том, — чуть помолчав, продолжала Лиза, — мне очень стыдно, что я так плохо с тобой говорила тогда, на улице; ты с тех пор ко мне и не подходишь.

— Теперь все в прошлом, забудь, подружка. Проехали.

— Нет, я плохо с тобой обошлась. Я плохая.

Очень.

Ни слова не говоря, Том сжал ее руку.

— Скажи, Том, — выдержав еще паузу, начала Лиза. — Ты знал… про это… раньше? Ну, до сегодня?

Юноша покраснел.

— Да.

Лиза заговорила медленно и печально:

— Конечно, ты знал; все знали. У тебя был такой несчастный вид, тогда, на улице. Ты все равно меня любил, да?

— Я и сейчас тебя люблю, Лиза, моя Лиза.

— Поздно сейчас. Поздно. — Она вздохнула.

— Лиза, тут один вякнул было, что ты… что ты с ним… с этим… Так я из него чуть душу не вытряс за такие слова.

— Зная, что это правда?

— Пусть правда. Только нечего всяким при мне языками про это чесать.

— Том, они все на меня ополчились, все, кроме тебя. Лучше б я за тебя пошла, когда ты просил. Тогда бы ничего этого не было со мной, ничего.

— Лиза, еще не поздно. Выходи за меня.

— Ты женишься на мне? После всего, что было?

— Было, да сплыло. Мне это нипочем. Мы поже-

нимся, и все у нас будет хорошо. Лиза, я жить без тебя не могу. Выходи за меня!

Лиза застонала.

— Нет, Том, нет. Это неправильно.

— Да почему неправильно-то? Я ж сказал: мне все, что было, нипочем.

Лиза опустила глаза и едва слышно прошептала:

— Потому что я это… того…

— Чего того?

Она с трудом заставила себя произнести:

— Я, кажется, беременная.

Том с минуту подумал, затем выговорил:

— Ничего. Выходи за меня — все образуется.

— Не могу. Честно, Том, не могу. — Лиза снова разрыдалась. — Не могу за тебя выйти, но ты такой добрый со мной, я для тебя что хочешь сделаю.

Она обняла его за шею обеими руками и скользнула к нему на колени.

— Том, я не могу быть тебе женой, а все другое — все другое, что ты хочешь — если хочешь — сделаю. Я все сделаю, чтоб ты был доволен.

Он не понял, сказал только:

— Ты хорошая, Лиза, — склонился над ней и запечатлел поцелуй на ее лобике.

Потом вздохнул, спустил Лизу с колен, поднялся и ушел. Она осталась одна. Некоторое время она сидела, как усадил ее Том, но постепенно картины произошедшего стали наплывать на нее, одиночество и отчаяние захлестнули, слезы полились ручьями. Лиза бросилась на кровать и зарыдала в подушку.

* * *

Джим смотрел вслед Лизе, уводимой Томом; миссис Блейкстон ревниво смотрела на мужа.

— О ней думаешь, да? Конечно, ты бы сам с удовольствием до дому ее довел, а жена пускай как хочет.

— Замолчи! — рявкнул Джим.

— Не замолчу! — взвизгнула миссис Блейкстон. — Хорош муженек, нечего сказать! Все вы одинаковые. Бросить жену с детьми ради этакой сучки! Да еще в твои-то годы! Другой бы со стыда сгорел. Это все равно что с родной дочерью путаться!

— Богом клянусь, — заскрипел зубами Блейкстон, — не заткнешься сию минуту — убью.

— Гляньте, какой грозный! — Миссис Блейкстон повернулась к толпе. — Все видели, как он с женой обращается? И с какой женой! Двадцать

лет с ним, девять человек детей ему родила, не считая сколько не выносила, да еще один на подходе, а он говорит: убью! Славный муженек! — Она негодующе посмотрела на Джима и перевела взгляд на толпу, словно желая услышать общественное мнение.

— Я тут до утра стоять не собираюсь! Прочь с дороги! — Блейкстон вторично растолкал зевак. Не всем понравилась его грубость, но эти немногие поглядели ему в лицо, перекошенное гневом, и сочли за лучшее оставить свое недовольство при себе.

— Видали? — продолжала миссис Блейкстон. — Боится! Хвост-то поджал, ровно кобель шелудивый! Тьфу на тебя!

Однако миссис Блейкстон затрусила следом, продолжая ругаться и размахивая руками.

— Кобель, вот ты кто! Кобелина! С девчонкой спутался! И зачем только я за тебя пошла! Опозорил, осрамил! Глаза бы на тебя не глядели!

Толпа следовала за супругами на приличном расстоянии, впрочем, зеваки старались не пропустить ни единого слова.

Джим пару раз оборачивался к жене, приказывая замолчать, чем только сильнее ее разъярял.

— А вот не замолчу; ни за что не замолчу. Пус-

кай все знают, что ты такое есть на самом деле. Детей бы постыдился, каково им при таком-то отце! Подумал ты хоть раз об них, когда шуры-муры свои крутил, когда клинья к своей потаскушке подбивал? Подумал? Нет, не подумал. Ни разу не подумал, негодяй.

— Джим не отвечал, шел вперед. Наконец он обратил внимание и на зевак.

— А вы чего тут забыли? Чего столпились? А ну, пошли прочь, не то я вам устрою бесплатный цирк!

Поскольку в толпе преобладали подростки и женщины, от этих слов они изрядно смешались.

— Во, со мной-то и заговорить боится, — не стерпела миссис Блейкстон. — Кобель, как есть кобель.

Джим вошел в дом, миссис Блейкстон за ним. Они поднялись в свои комнаты. Полли кормила младших ужином. Дети рты пораскрывали при виде матери, растрепанной, в рваном платье, с синяками, запекшейся кровью и длинными царапинами на лице.

— Мама! — испугалась Полли. — Что с тобой?

— Вот что со мной. — Миссис Блейкстон указала на мужа. — Это все из-за него. Гляньте, дети, на вашего папочку. Славный папочка; таким

гордиться можно. Оставил вас без крошки хлеба, все на свою грязную потаскушку спустил.

Теперь, когда посторонних глаз поубавилось, Джим чувствовал себя свободнее.

— Последний раз предупреждаю: не выводи меня. Выведешь — берегись.

— Ой, напугал. Убивай, пожалуйста; только помни, что за это вешают.

— Убивать я тебя не стану, но еще одно слово — и тебе мало не покажется.

— Попробуй только тронь — в полицию заявлю. Плевать, на сколько тебя посадят.

— Ты сама нарвалась, — сказал Джим и ударил жену в грудь, так что она пошатнулась.

— Ах ты!..

Миссис Блейкстон схватила кочергу и, разъяренная, пошла на мужа.

— А кишка не тонка?

Блейкстон вырвал у нее кочергу, забросил подальше. Супруги сцепились. Недолгое время они раскачивались из стороны в сторону, наконец Блейкстон не без труда поднял жену и бросил на пол. Однако она успела ухватиться за него, так что он повалился на нее. Миссис Блейкстон ударилась головой, взвыла, и дети, забившиеся со страху в угол, тоже завыли.

Джим схватил женину голову и принялся бить ею об пол.

Миссис Блейкстон закричала:

— Ты меня убьешь! Помогите! Помогите!

Полли кинулась к отцу, стала оттаскивать его от матери.

— Папа, не надо! Только не убивай маму! Пожалуйста! Ради Бога!

— Отойди! — взревел Блейкстон. — Не то и тебе достанется.

Полли хватала его за руки, но Джим, все еще стоявший над женой на коленях, так толкнул девочку локтем, что она едва не упала.

— Получай!

Полли побежала вон из комнаты, к соседям, что занимали квартиру на втором этаже с окнами на улицу. Там четверо — двое мужчин и две женщины — сидели за ужином.

— Скорее, папа маму убивает! — кричала Полли.

— Что?

— Он ее повалил и головой об пол бьет. За то, что она Лизе Кемп взбучку устроила.

Одна из женщин вскочила из-за стола и сказала мужу:

— Джон, сходи разберись.

— Сиди, Джон, — оборвал второй мужчина. — Муж жену учит — не наше дело вмешиваться.

— Он же убьет ее, — лепетала дрожащая, зареванная Полли.

— Небось не убьет, — возразил приятель Джона. — Они, стервы, живучие. Да она, поди, и заслужила — сама ж говоришь, взбучку кому-то там устроила.

Джон колебался, переводил взгляд с Полли на жену, с жены на приятеля.

— Ради Бога, пожалуйста, скорее! — взмолилась Полли.

В эту секунду сверху раздался звук, будто что-то расколотили, и женский вопль. Это миссис Блейкстон, пытаясь вырваться, ухватилась за умывальник, да и повалила его, и он разбился.

— Иди, Джон, — велела добрая соседка.

— Не пойду: толку с меня не будет, еще, пожалуй, сам нарвусь.

— Псы трусливые, — возмутилась жена. — Ну а я вот не допущу, чтоб женщину, считай, на моих глазах убили. Сама пойду, раз вы такие.

И с тем взбежала по лестнице и распахнула дверь. Джим так и стоял на коленях, держа женину голову и колотя ею об пол, а миссис Блейкстон защищалась руками, впрочем, без особого успе-

ха.

— Живо отпустите ее! — крикнула соседка.

Джим поднял взгляд.

— А ты кто такая, так тебя и так?

— Говорю вам: отпустите жену. Как не стыдно, женщину да головой об пол? — И она подскочила к Блейкстону и схватила его кулак.

— Не лезь не в свое дело, не то сама получишь.

— Только тронь, грязный трус! Ох, она ж вот-вот сознание потеряет!

Джим посмотрел на жену. Поднялся и пнул ее в бок:

— Вставай, чего разлеглась!

Однако миссис Блейкстон корчилась на полу и слабо стонала. Соседка склонилась над ней, ощупала голову.

— Ничего, миссис Блейкстон, голубушка, больше он вас не тронет. Нате-ка, выпейте водички. — Затем подняла на Джима взгляд, полный презрения. — Мерзавец! Негодяй! Будь я мужчиной, я бы тебе задала!

Джим надвинул шляпу и вышел, хлопнув дверью. Вслед ему неслось соседкино: «Скатертью дорожка!»

— Господи Боже мой! — воскликнула миссис Кемп. — Что случилось?

Она только переступила порог — да так и опешила при виде дочери на кровати, в слезах. Лиза не отвечала, только плакала — казалось, сейчас у нее сердце разорвется. Миссис Кемп подошла и хотела заглянуть Лизе в лицо.

— Не плачь, детка; расскажи маме, кто тебя обидел?

Лиза села на кровати и вытерла глаза.

— Бедная я, бедная!

— Господи, что у тебя с лицом?!

— Ничего.

— Как это «ничего»? Само оно, что ли, такое сделалось?

— Просто я с соседкой повздорила, — всхлипнула Лиза,

— А, понятно: она тебя поколотила, вот ты и плачешь. Ох, а с глазом-то, с глазом-то что? Хорошо, что я принесла кусок говядины — завтра на обед сготовишь. Так вот, возьми, пока сырой, приложи к фингалу — сразу полегчает. Я, бывало, как с отцом твоим покойным повздорю, сейчас беру сырое мясо — да на фингал. Верное стрекство.

— Меня знобит. А голова как болит, просто раскалывается!

— Ничего, мама-то знает, как дочке помочь, — заворковала миссис Кемп. — Благодари Бога,

Лиза, что у мамы с собой, и другое лекарствие имеется. — Миссис Кемп извлекла из кармана аптечную с виду емкость, выдернула пробку, принюхалась. — Вот это я понимаю! Не какая-нибудь брага, не спирт — ничего подобного. Нечасто твоя бедная мать такое себе позволяет, но уж ежели позволяет, так не скаредничает, организму свою не травит.

Миссис Кемп вручила емкость дочери. Лиза сделала большой глоток, отдала «лекарствие». Миссис Кемп тоже хлебнула, облизала губы.

— Эх, хорошо! Выпей еще, Лиза.

— Не, не буду — я к крепкому не привыкла.

Ей было так тошно, в голове будто вулкан собирался извергнуться. Если бы все забыть, раз навсегда!

— Знаю, дочка, что не привыкла, да только от этого вреда тебе не будет. Никакого вреда, сплошная польза, благослови тебя Господь. Это первое стрекство, когда худо, когда не знаешь, куда себя девать. А вот хлебнешь виски или джину — мама не привередница у тебя, ей все годится, — и, гляди, куда и хандра пропала!

Лиза хлебнула еще, на сей раз чуть больше. «Стрекство» согрело ее, приятный жар распространялся от горла по всему телу. Лизе заметно

полегчало.

— И правда, мама, мне лучше, — сказала она, вытерла глаза и вздохнула. Плакать больше не хотелось.

— А что я всегда говорила? Что, ежели б люди не брезговали, когда надо, глотком-другим, они бы куда здоровее были бы.

Некоторое время мать и дочь сидели в молчании, потом миссис Кемп сказала:

— Знаешь, Лиза, я тут подумала — и прям поразилась, как мне сразу в голову-то не пришло — нам с тобой надобно еще по глоточку выпить. Ты у меня к напиткам не приучена, потому я и принесла только для себя; а вдвоем-то мы мигом лекарствие наше прикончим. Но, раз ты хвораешь, хорошо бы нам до утра запастись — пригодится.

— Да, только куда наливать? Посуды-то лишней нету.

— А вот и есть, — торжествующе отвечала миссис Кемп. — Возьми-ка вон ту бутылочку, что мне в больнице дали. Пилюли на стол высыпь, прям кучкой, не бойся; тару сполосни. Так и быть, сама в паб схожу.

Оставшись одна, Лиза принялась прокручивать все происшедшее. Теперь она уже не чувствовала

себя такой несчастной, ведь страшные события как бы отдалились во времени.

«В конце концов, — сказала себе Лиза, — не так уж это и важно».

Вернулась миссис Кемп.

— На-ка, Лиза, выпей еще.

— Давай, я не прочь. Голова кружится. А вообще, — раздумчиво добавила Лиза, сделав изрядный глоток, — оно отлично помогает.

— Ох, твоя правда, дочка; твоя правда. Для тебя это сейчас первое лекарствие. Подумать только, подралась с соседкой! Случалось и мне драться, да только я-то покрепче была, не такая тростиночка, как ты. Эх, жаль, я нынче не видала. Уж я бы не позволила мою дочку побить. Хотя мне и шестьдесят пять, а скоро шестьдесят шесть стукнет, уж я бы твоей обидчице сказала! Я бы сказала: эй ты, тронешь мою девочку — будешь иметь дело со мной, так что подумай лишний раз. Вот!

Миссис Кемп стала размахивать руками, в одной из которых был стакан, стакан навел ее на мысль. Она подлила себе и дочери.

— Эх, Лиза, — продолжала миссис Кемп, — как ты на отца-то своего бедного похожа! Вот гляжу я на тебя, и кажется мне, будто жизнь-то только начинается! Ты со мной груба была, Лиза, пом-

нишь? Бранила меня, что я по субботам люблю стаканчик пропустить. Заметь, я не говорю, что иногда не перебираю — этакие случаи случаются и в самых порядочных семействах. Я говорю только, что стрекство уж больно хорошо, и тебе на пользу.

— Ничего, мамуль! — воскликнула Лиза, вновь наполняя стаканы. — Кто старое помянет, тому глаз вон! Я теперь совсем другая. Мне так плохо было, хоть в воду, честное слово, а теперь и ничего!

— В воду, скажешь тоже! Страсть-то какая! — ужаснулась любящая мать.

— В воду, мама. Я топиться хотела, а больше не хочу. Твоя правда: когда худо, нужно выпить глоток-другой — и все пройдет.

— Потому, Лиза, что мать твоя жизнь прожила. Сколько мне на долю-то выпало, на добрую сотню женщин хватит. Одних только детей было у меня тринадцать человек; можешь представить, каково это? Бывало, родишь и скажешь: чтоб мне провалиться, ежели это не последний; а потом как? Потом, известно, новый приспеет. У тебя, Лиза, тоже будут дети; не меньше, чем у меня. У нас в роду все женщины плодовитые, у всех больше десятка ребятишек; только тетя Мэри —

сключение, у ней всего-то трое. С другой стороны, она и замужем не была, так что не считается.

Они выпили за здоровье друг друга. У Лизы все плыло перед глазами; девушка уже плохо соображала, где она и что она.

— Да, — гнула свое миссис Кемп, — я тринадцать человек детей родила и тем горжусь. Как говаривал твой покойный отец, это очень патритично — рожать детей на благо Британской империи. Он и на собраниях выступал. Как заведет, бывало, речь — ну чисто соловей. Заслушаешься. Будь он жив, уже бы членом парламента сделался бы. О чем бишь я? А, вспомнила. Твой отец говорил: «Что это за семья, в которой детей раз-два и обчелся?» Он был человек принципиальный. Радикал. Только, бывало, до слушателей дорвется, сразу начинает: ежели, мол, у человека больше десяти детей, значит, он настоящий патриот, верный подданный Британской империи. Слава, говорит, имперская подданными крепка! И каждый, у кого больше десяти детей, должен гордиться, говорит, потому он таким манером — плодясь и размножаясь, — строит Британскую империю, в которой солнце никогда не заходит, и каждого, говорит, долг и обязанность на жизненном пути, что Провидение ему предназначило, — столько

детей Отечеству оставить, сколько Господь сподобит. Чисто соловей, бывало, разливается…

— Выпей еще, мама, — сказала Лиза. — Ты совсем ничего не пьешь. — Она взмахнула бутылкой. — Ну их всех, кобелей. Мне сейчас так хорошо, ничего не надо.

— Вот она, родная-то кровь когда заговорила, — обрадовалась миссис Кемп. — А раньше-то, Лиза, помнишь? Ты, бывало, коришь меня, а я и думаю: не может быть, не моя дочка, не ее девять месяцев под сердцем носила, должно, подменили. Ведь ежели подумать, мужчина — тот наверняка не знает, его дитя или не его; а женщину не проведешь, она завсегда свое-то отличит, ей чужого-то не всучишь без того, чтоб она не поняла.

— Ой, как мне весело, — продолжала Лиза. — Не знаю, что это, да только смеяться хочется, пока животики не надорву. — И затянула песню «Ведь он же славный парень».

Лизино платье было порвано и запачкано, лицо в царапинах и синяках, под носом запеклась кровь; один глаз так распух, что едва открывался, сосудики полопались; волосы свисали на лицо и плечи; Лиза хихикала, как дурочка, и подмигивала этим изуродованным глазом.

Дейзи, Дейзи, на карету денег нет,

Но зато я прикупил велосипед…

Лиза уже не пела, а выкрикивала слова, отбивала ритм рукой по столешнице. Миссис Кемп улыбалась, приглаживала свои жидкие седые патлы и вдруг затянула надтреснутым голосом:

Эх, солдатики, солдатики идут…

Лизу постепенно охватывала меланхолия. Следствием стала песня «За счастье прежних дней»:

Забыть ли старую любовь
И не грустить о ней?
Забыть ли старую любовь
И дружбу прежних дней?

В конце концов обе притихли, а вскоре послышался храп миссис Кемп. Лиза уложила мать, притулилась рядом и тоже заснула.

Отче наш, иже еси на небесех!
Вино насущное даждь нам днесь,
И остави нам горести наши, яко же и мы оставляем обидчикам нашим…
Вино насущное даждь нам днесь,
Вино насущное…

12

Лиза очнулась глухой ночью. Рот ее горел, при малейшем движении голову пронзала острая боль. Мать, очевидно, уже просыпалась, потому что лежала теперь на своей половине кровати, полураздетая, стянув на себя одеяло и подмяв простыню. Лиза озябла; она тоже частично разделась — сняла башмаки, юбку, жакетку — и залезла обратно в постель. Хотела было укутаться вместе с матерью, но миссис Кемп только всхрюкнула во сне и плотнее завернулась в одеяло. Тогда Лиза укрылась своей юбкой и шалью, что были брошены тут же, в ногах постели, и попыталась заснуть.

Ничего не получилось: голова и руки горели, мучила жажда. Лиза попробовала встать за водой, но ее несчастную голову прожгла такая боль, что девушка со стоном и мучительно бьющимся сердцем рухнула обратно на кровать. К головной боли прибавилась боль, прежде незнакомая, пульсирующая по всему телу. Потом словно в самых костях зародился ледяной озноб, пошел по венам и артериям, по каждому мелкому со-

судику, створаживая кровь. Лиза вся покрылась гусиной кожей. Так она и лежала, поджав ноги, свернувшись калачиком, укутавшись в шаль, стуча зубами, и шептала, прикусывая язык.

— Ой, как холодно. Как холодно. Мама, укрой меня, не то я насмерть замерзну. Я насмерть замерзну!

Вскоре, впрочем, озноб уступил место жару. Лицо горело, Лиза обливалась потом. Она сбила ногами свое тряпье и расстегнула пуговки у ворота.

— Пить, — молила она. — Господи, все, что угодно, за каплю воды!

Ее никто не слышал — миссис Кемп спала мертвецким сном, периодически всхрапывая.

Лиза лежала, то трясясь от холода, то задыхаясь в жару, слушала тяжелое дыхание матери и всхлипывала от боли. В отчаянии она сгребла подушку и простонала:

— Почему, ну почему я не могу вот так же спать?

А темнота! Какая темнота заполняла комнату! Густая, жуткая; верно, такая бывает в склепах. Темнота казалась осязаемой. Суеверный ужас охватил девушку; она чуть не молилась на слабый свет уличного фонаря, проникавший в

окошко. Лизе казалось, ночь никогда не кончится — минуты стали часами, Лиза не чаяла дожить до утра. Снова ее пронзила неведомая острая боль.

Ночь тянулась, могильная темнота и не думала разжижаться, мать все так же храпела подле.

Наконец, уже под утро, Лиза забылась сном; только сон был едва ли не хуже бессонницы, потому что сопровождался ужасными видениями. Ей снилась драка, причем соперница ее не только увеличилась в размерах, но и размножилась, и, куда бы Лиза теперь ни сунулась, путь ей преграждала новая огромная миссис Блейкстон. Лиза бросилась бежать, она бежала, бежала, пока не обнаружила, что бегает по кругу, как накануне, когда пыталась улизнуть от миссис Блейкстон. Лиза металась по улицам, сворачивала в переулки, пряталась за углами, а многочисленные миссис Блейкстон стерегли каждый ее шаг и оборачивались то дверью паба, то метлою, и все перепуталось, и голова кружилась, пока наконец Лиза не подскочила на кровати, словно от толчка.

Темноту сменил промозглый тусклый рассвет. Лизины голые ноги промерзли до синевы. Рядом, как и ночь напролет, слышалось сиплое дыхание пьяницы-матери.

Долго Лиза лежала неподвижно, слишком измученная, чтобы двигаться. И все ж теперь было лучше, чем ночью. Наконец проснулась и миссис Кемп.

— Лиза!

— Что, мам? — еле слышно отозвалась Лиза.

— Сделай-ка чаю.

— Не могу, мам, — мне ужас как худо.

— Вот новость! — неприятно удивилась миссис Кемп и взглянула на дочь. — Батюшки! Что это с тобой сделалось? Глянь-ка, щеки что печка, а лоб! Так и горит! Что с тобой, детка?

— Не знаю, — простонала Лиза. — Мне всю ночь было худо, думала, умру.

— А, все понятно. — Миссис Кемп покачала головой. — Ты просто не привыкши к крепкому, вот тебе и неможется. Бери-ка пример с меня — я нынче свежа, что ромашка полевая. Видишь, как вредно для организмы воздержание; кто говорит, будто полезно, тот дурак. Потому в конце концов выпить-то приходится, и гляди, как оно тяжко с непривычки.

Миссис Кемп усмотрела в случившемся перст Провидения. Смешала виски с водой.

— На-ка, выпей, Лиза. Ежели накануне кто перебрал, так с утреца ему надобно еще капельку

добавить. Потому известно: клин клином вышибают. Верное стрекство.

— Убери, — скривилась Лиза. — От одного запаха тошнит. Никогда больше крепкого в рот не возьму.

— И-и, дочка, этак многие зарекались. А где нынче их зароки? В том-то вся и штука, что без этого не проживешь. Вот хоть я — уж сколько мне всего на долю-то выпало… — Впрочем, вряд ли есть смысл в очередном повторении излюбленного монолога миссис Кемп.

Весь день Лиза пролежала в постели. Том справлялся о ее здоровье и получил ответ, что она очень плоха. Лиза жалобно спросила, не приходил ли еще кто, вздохнула, услышав «нет». Однако ей было слишком худо, чтоб думать или переживать. К вечеру вернулась лихорадка, головная боль стала несносной. Миссис Кемп завалилась спать и сразу захрапела, оставив дочь один на один с агонией. Теперь Лизу терзали жестокие спазмы во всем теле; она еле сдерживалась, чтобы не закричать и не разбудить мать. Вцеплялась в простыню, в одеяло и, наконец, часов около шести утра не выдержала очередной судороги и зашлась криком, который заставил миссис Кемп продрать глаза.

Миссис Кемп не на шутку испугалась. Поспеши-

ла к соседке, что жила этажом выше. Эта добрая женщина без лишних расспросов надела юбку и пошла помогать.

— У ней выкидыш, — констатировала соседка, осмотрев Лизу. — Хорошо бы за доктором послать.

— Кого ж послать-то, в этакую пору?

— Раз вам некого, я мужа попрошу.

И соседка отправила мужа за врачом. То была плотная женщина средних лет, с суровым лицом и сильными руками. Звали ее миссис Ходжес.

— Повезло вам, что сразу ко мне обратились, миссис Кемп. Вы с опытной повитухой дело имеете, вот что я вам скажу.

— Ох и удивили же вы меня, миссис Ходжес. Не знала, что Лиза беременная.

— А кто, по-вашему, виновник?

— Виновник? Ума не приложу, миссис Ходжес, как Бог свят, ума не приложу, — зачастила миссис Кемп. А хотя, ежели подумать, так не иначе, что Том — Лиза с ним компанию водила. Что ж, Том — парень холостой; женится на Лизе, вот и славно.

— Это не Том, — простонала с постели Лиза.

— Не Том? А кто ж тогда?

Лиза не ответила.

— Кто? Скажи, кто?

В ответ Лиза не проронила ни слова.

— Ничего, миссис Кемп, — принялась успокаивать миссис Ходжес. — Не тревожьте ее пока; после, как она оклемается, все узнаете.

Некоторое время обе женщины молчали в ожидании доктора, а Лиза, натужно дыша, пустым взглядом смотрела в стену. Периодически она вспоминала о Джиме, приоткрывала ротик, чтобы произнести его имя, но одергивала себя, сознавая бесполезность таких усилий.

Явился доктор.

— Что скажете, доктор — она очень плоха? — приступила к нему миссис Ходжес.

— К сожалению, вы правы, — отвечал доктор. — Вечером опять зайду.

— Кстати, доктор, — вылезла миссис Кемп, — коли уж вы тут, не дадите ли мне чего-нибудь от ревматизмы? Я, видите, ревматизмой мучаюсь, а тут этакая погода, этакая сырость, просто не знаю, куда деваться. И еще, доктор, нельзя ли мне получать бульон при больнице? Видите, муж мой помер, дочка больная лежит — куда ж мне на работу-то ходить, а денег-то у нас…

Наступил вечер. Явилась миссис Ходжес, днем занятая своими домашними делами. Миссис Кемп спала.

— Вот только на минуточку задремала, — сообщила она миссис Ходжес, ее растолкавшей.

— Ну, как ваша дочка? — поинтересовалась добрая соседка.

— Ох, — заквохтала миссис Кемп, — ревматизма-то вовсе замучила, прям не знаю, куда деваться, а тут еще Лиза пластом лежит и растереть меня не может, так мне уж до того худо, до того худо! Надо ж было такому случиться: дочка слегла, когда мне самой уход надобен. Да, видно, такая моя судьба…

Миссис Ходжес перевела взгляд на Лизу. Девушка лежала точь-в-точь как утром, щеки горели, губы судорожно ловили воздух, на лбу выступили крохотные капельки пота.

— Как ты, милая? — спросила миссис Ходжес. Лиза не ответила.

— Она вроде без сознания, — сообщила миссис Кемп. — Я ее спрашивала, кто виновник-то, а она и ухом не ведет — верно, не слышит. Легко ли мне на старости лет этакое про дочь узнать?

— Как я вас понимаю, миссис Кемп, — с чувством произнесла добрая соседка.

— Когда вы вошли да сказали: выкидыш, я сама рассудок чудом сохранила. Нипочем бы не догадалась, что с Лизой делается.

— Я такое с первого взгляда определяю, — заключала миссис Ходжес.

— Вам сам Бог велел. Не иначе, вы многих пользовали.

— Так и есть, миссис Кемп, так и есть. Я в повитухах без малого двадцать годков — еще бы мне не разбираться.

— Ну а как платят-то?

— Ежели по правде, миссис Кемп, жаловаться не приходится. Я беру обычно по пять шиллингов, и, смею заметить, это очень скромная плата за мои труды.

Известие о том, что Лиза больна, быстро распространилось; то один, то другой сосед заглядывал справиться о ней. Вот и сейчас в дверь постучали. Миссис Ходжес отворила. На пороге мялся Том.

— Входи, — разрешила миссис Кемп.

Том вошел на цыпочках, почти не дыша; постоял в молчании над Лизой. Миссис Ходжес терлась возле.

— Можно с ней поговорить? — прошептал Том.

— Она не слышит.

Том застонал.

— Она поправится, как вы думаете?

Миссис Ходжес пожала плечами.

— Поостережемся искушать Провидение.

Том наклонился к Лизе. Жестоко покраснев, поцеловал ее и, не говоря более ни слова, вышел.

— Вот молодой человек, что за ней ухаживал, — прокомментировала миссис Кемп, указав пальцем ему в спину.

Вскоре заглянул доктор.

— Ну, как она, что скажете? — деловито, с достоинством осведомилась миссис Ходжес, гордая собственной причастностью к медицинской профессии.

— Прогноз крайне неблагоприятный, — отвечал доктор.

— То есть вы имеете в виду, она долго не протянет? — переспросила миссис Ходжес, понизив голос до шепота.

— Увы!

Едва доктор уселся подле Лизы, миссис Ходжес со значением кивнула миссис Кемп, которая промокала глаза платком, и вышла к соседям, которые давно ждали под дверью.

— Что, что доктор говорит? — Соседи, Том в их числе, обступили почтенную повитуху.

— То же самое, что я уже давно говорю: ей недолго осталось.

Том не сдержался, выкрикнул Лизино имя.

— Миссис Ходжес — она опытная, — уронила

одна из женщин вслед ушедшей повитухе.

— Верно, — подхватили в толпе, — она у меня последние роды так приняла, что любо-дорого. Если уж выбирать, я бы миссис Ходжес на сорок докторов не променяла.

— Я тоже. Миссис Ходжес еще ни разу не ошиблась.

Миссис Ходжес тем временем успокаивала миссис Кемп.

— Знаете что, миссис Кемп: выпили бы вы глоточек бренди. Для нервов очень хорошо.

— Ваша правда, миссис Ходжес. Уж такая у меня нынче слабость, уж такая слабость. Я как раз думала, не купить ли виски на два пенса.

— Нет, миссис Кемп, — убежденно говорила миссис Ходжес, беря соседку за руку. — Послушайте моего совета: ежели вам неможется, пейте только бренди. Только бренди в таких случаях помогает. Я сама против виски ничего не имею, но как лекарство оно не годится. Только бренди, миссис Кемп!

— Доверюсь вашей опытности, миссис Ходжес; сделаю, как вы советуете.

Откуда ни возьмись, явилась бутылка, миссис Кемп разлила целительную влагу по стаканам.

— Я, миссис Кемп, когда на работе, капли в рот

не беру — такое мое правило, — замахала было руками многоопытная повитуха. — Вот разве только для компании.

— Ваше здоровье, миссис Ходжес.

— И ваше, миссис Кемп. Спасибо за угощение.

Лиза лежала пластом, едва дыша, с закрытыми глазами. Доктор щупал ей пульс.

— Не везет мне последнее время… — Миссис Ходжес облизнула губы. — Вторая покойница за десять дней, не считая младенцев.

— Ай-ай-ай.

— Конечно, первая была всего-навсего проститутка, а им и счет другой, верно? Они не то что порядочные женщины вроде нас с вами.

— Ваша правда, миссис Ходжес.

— А все ж таки пускай и они живут, проститутки, я имею в виду. Кто знает, как они на эту дорожку ступили. Не наше дело осуждать.

— У вас доброе сердце, миссис Ходжес. Этакая редкость нынче.

— Что есть, то есть. Хотя для моего спокойствия, да и для работы лучше бы мне быть посуровее. Я всегда это говорила. Чего мне только делать не доводилось; а все же я так скажу: я работу свою люблю, несмотря ни на что. А ведь заметьте, миссис Кемп: не всякая повитуха из любви трудится,

сколько корыстных-то развелось!

Некоторое время каждая молча потягивала свое бренди.

— Легко ли, когда в мои-то годы этакое с дочкой. — Миссис Кемп вернулась к предмету, не переставшему ее тревожить. — Я сама из порядочной семьи, у нас ничего подобного отродясь не бывало. Нет, миссис Ходжес, я самым законным манером в церкви венчалась, хоть сейчас могу свидетельство о браке показать, а дочка этакое вытворила. В голове не укладывается. А ведь я ей хорошее образование дала, миссис Ходжес, заботой ее окружила. Ни в чем она отказа не знала; я на работе надрывалась, чтоб ей сладко жилось, а она меня опозорила, всю семью опозорила!

— Как я вас понимаю, миссис Кемп!

— Я сама из порядочной семьи, а муж мой покойный, так он двадцать пять шиллингов в неделю зарабатывал, семнадцать лет на одном месте проработал. А когда преставился, его начальник уж до того красивый венок на похороны прислал, и еще говорил, никогда у них такого честного, такого хорошего работника не бывало. А я-то! Я свой материнский долг до конца исполнила, дочку только добру учила. Конечно, не всегда мы с ней, как это называется, процветали,

но я ей примером была, и каким примером! Да она бы и сама подтвердила, кабы сознание к ней вернулось.

Взгляд миссис Кемп затуманился мыслительным процессом.

— Как сказано в Библии, — наконец подытожила миссис Кемп, — она мои седины опозорила. Давайте-ка я все-таки покажу свидетельство о браке. Не хочется Лизу сейчас бранить, очень уж ей худо, а только ежели оклемается, будет нам о чем потолковать.

В дверь постучали.

— Будьте так добры, миссис Ходжес, сходите поглядите, кого там еще принесло. Я не могу — ревматизма замучила.

Миссис Ходжес открыла дверь. На пороге стоял Джим.

Он был очень бледен, и бледность, оттененная темными бородой и волосами, придавала ему зловещий вид. Миссис Ходжес отшатнулась.

— Кто это? — воскликнула она, оборачиваясь к миссис Кемп.

Джим отодвинул ее и прошел прямо к кровати.

— Доктор, она очень плоха?

Доктор вопросительно взглянул на Джима.

Джим зашептал:

— Это из-за меня. Она умирает, да?

Доктор кивнул.

— Господи! Что я наделал? Я во всем виноват! Лучше б это я умер!

Джим взял в ладони Лизину головку, и слезы брызнули у него из глаз.

— Она еще жива? Жива?

— Ей недолго осталось, — отвечал доктор.

Джим склонился над нею.

— Лиза! Лиза, поговори со мной! Лиза, скажи, что прощаешь меня! Скажи что-нибудь!

Голос его срывался. Вместо Лизы заговорил доктор:

— Она вас не слышит.

— Должна услышать! Должна! Лиза! Лиза!

Он рухнул на колени.

Какое-то время все молчали. Лиза практически не подавала признаков жизни, дыхание было такое слабое, что даже жилка на шее не вздрагивала; Джим с тоской смотрел на нее, мрачный доктор нащупывал пульс. Миссис Кемп и миссис Ходжес не сводили глаз с Джима.

— Так вот, значит, кто виновник! — вырвалось у миссис Кемп. — Господи помилуй, ну и образина!

— Дочка у вас застрахована? — спросила мис-

сис Ходжес. Тишина стала для нее несносна.

— А то как же! — отвечала мудрая мать. — Я ее с рождения страхую. И что странно, миссис Ходжес: еще вчера я думала, что только денежки на ветер спускаю этим страхованием, а нынче глядите-ка! Поистине, пути Господни неисповедимы; никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь!

— Ваша правда, миссис Кемп. Я тоже обеими руками за страхование. Великое это дело. Всегда всех моих ребят страховала.

— А я вот что скажу, миссис Ходжес: как бы там дети себя ни вели, как бы ни мучили нас, матерей, пока живые, а наш долг — устроить им приличные похороны. Это мой девиз; на том стою и стоять буду.

— Вы с мистером Стирменом обычно дело имеете? — спросила миссис Ходжес.

— Нет, миссис Ходжес, когда речь о похоронах, никто лучше мистера Футли не справится. Ему в похоронном деле равных нету.

— Верно, миссис Кемп. Мистер Футли всегда все чин чином устроит и лишнего не возьмет. Я его давняя клиентка, он мне всегда скидку делает.

— Подумайте: скидку! Миссис Ходжес, не поставьте в труд: сходите к мистеру Футли, закажите что нужно для Лизиных похорон.

— Какой разговор, миссис Кемп, — конечно! Всегда рада помочь ближнему, по мере своих слабых сил.

— Чтобы все как положено, — продолжала миссис Кемп. — Я на дочкиных похоронах экономить не собираюсь. Пусть непременно плюмажи будут — люблю плюмажи, хоть это и расточительство.

— Не беспокойтесь, миссис Кемп, устрою похороны, как для собственного мужа, а этим все сказано. Мистер Футли меня очень уважает! Да вот, не далее как позавчера захожу это я к нему в контору, а он говорит: доброго утречка, миссис Ходжес. И вам доброго утречка, мистер Футли, говорю. Как вы вовремя зашли, говорит мистер Футли. Мы, говорит, с этим джентльменом поспорили, — и кажет на джентльмена, что тут же, в конторе, стоит, — поспорили, стало быть, так не разрешите ли вы наш спор, миссис Ходжес, потому вы женщина ученая и вдобавок старинная моя клиентка. Ваша правда, говорю, мистер Футли; сделаю что в моих силах. Несомненно, говорит, несомненно; как и всегда. Так вот, миссис Ходжес, мы спорим, какой гроб приличнее выглядит — дубовый или ильмовый? Ильмовый или дубовый? Ильм или дуб, вот в чем вопрос. Что ж, говорю, мистер Футли, мое личное мнение

— ежели, конечно, на крышке сделать медную табличку, да углы тоже медью обить — лучше дуба ничего и не сыщешь. Именно, говорит мистер Футли; совершенно с вами согласен. Дуб — первое дело; на одно уповаю — когда Господь меня самого призовет, чтоб и меня положили в дубовый гроб. Аминь, говорю.

— Дубовый гроб — это хорошо, — раздумчиво произнесла миссис Кемп. — Я и мужа в дубовом гробу схоронила. А и пришлось же нам повозиться! У него была водянка; беднягу так раздуло, что и родная мать не узнала бы. Сами судите: каждая нога стала у него толщиной с туловище; вот не сойти с этого места, ежели не стала.

— Что вы говорите! — искренне изумилась миссис Ходжес.

— Да, и вот помер он, и я заказала гроб. А тогда я еще с мистером Футли не была знакома, мы в другом районе жили, в Баттерси, и гробовщик наш был мистер Браунинг. Так вот, привозят гроб, ложим это мы моего покойника, а крышка-то и не закрывается — так его, родимого, раздуло. А надо вам сказать, мистер Браунинг был мужчина крупный, стоунов[14] на тринадцать тянул, не

---

[14] Примечания: 14
Один стоун равен 6,34 кг, или 14 английским фунтам.

меньше. Так он влез на гроб, и паренек, что ему пособлял, тоже, а крышка не закрывается, и все тут. Тогда мистер Браунинг и говорит: залезайте к нам, миссис. А я-то, как водится, в траурном платье. Делать нечего — влезла, гроб-то закрывать надо. Тут мы как подпрыгнем все трое, крышка-то и пришлась. Заколотили, все чин чином. Только, Господь свидетель, никогда мне этого не позабыть.

Повисла тишина. В комнате разрасталось нечто серое, удушливое, ледяное; то была Смерть. Все чувствовали Ее присутствие, и не смели шевельнуться, и даже дышать боялись. Тишина становилась несносной.

Внезапно что-то как будто громко щелкнуло. Звук донесся с кровати, прошил тишину от окна до двери.

Доктор приподнял Лизино веко, коснулся глазного яблока, положил Лизину руку, которую до того держал, ей на грудь, и натянул одеяло Лизе на голову.

Джим отвернулся с выражением неизбывной тоски, обе женщины тихо заплакали. Тьма медленно рассеивалась, серое утро вползало в окно. Лампа зашипела и погасла.